

Индекс **П8643**

3
2022

РОССИЯ XXI 2022 3

РОССИЯ XXI

3. 2022 май-июнь

Теория и практика политических игр

Сергей Орешин

Хасавюртовские соглашения:
капитуляция или вынужденная
необходимость? _____

6

Ярлыки и мифы

Геннадий Костырченко

Были ли хрущевские
«экономические процессы»
антиеврейскими? _____

34

Ресурсы нации

*Любовь Писарькова,
Анна Горячева*

Состав гласных городских дум
России в конце 1880-х гг. _____ 64

Василий Зверев

Кустарная или крестьянская
промышленность? К неоконченному
спору народников и марксистов ____ 90

Страницы истории

*Валерий Журавлев,
Петр Савельев*

Российская социал-демократия и
исторический выбор России.
I. Социал-демократы в революции __ 116

Олег Волобуев

Симферополь. Крымпединститут.
1950–1954 годы _____ 148

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

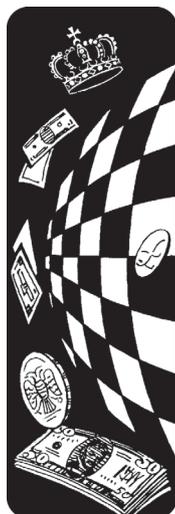
Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Всякую войну легко начать,
но крайне трудно кончить.

Саллюстий

Цивилизация – это непрерывное
искание мирных путей
разрешения конфликтов,
всеобщее стремление к миру.

М. Эсколи

Сергей Орешин

ХАСАВИЮРТОВСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ:

КАПИТУЛЯЦИЯ ИЛИ ВЫНУЖДЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК

93/94

Статья посвящена анализу предпосылок и последствий подписания Хасавюртовских соглашений 31 августа 1996 г. между Российской Федерацией и чеченскими сепаратистами. К лету 1996 г. война в Чечне зашла в тупик, российские войска оказались не в силах нанести решительное поражение противнику и постепенно утрачивали стратегическую инициативу. Захват чеченскими боевиками Грозного продемонстрировал очевидную слабость федеральных сил и вынудил российские власти пойти на серьезные уступки. Подписание Соглашений, представлявших собой известный компромисс, позволило завершить боевые действия и «заморозить» конфликт. Однако стороны не смогли создать эффективный механизм их реализации и контроля за ходом выполнения, что не позволило в тот период окончательно урегулировать конфликт между федеральным Центром и Чеченской Республикой.

The article analyzes the prerequisites and consequences of the signing of the Khasavyurt Agreements on August 31, 1996 between the Russian Federation and Chechen separatists. By the summer of 1996, the war in Chechnya had reached an impasse, Russian troops were unable to inflict a decisive defeat on the enemy and gradually lost their strategic initiative. The capture of Grozny by Chechen militants demonstrated the obvious weakness of the federal forces and forced the Russian authorities to make serious concessions. The signing of Agreements, which represented a well-known compromise, made it possible to end the fighting and "freeze" the conflict. However, the parties were unable to create an effective mechanism for their implementation, which did not allow the conflict between the federal center and the Chechen Republic to be finally resolved at that time.

Ключевые слова: Российская Федерация; Чеченская Республика; сепаратизм; Чеченский конфликт; Первая Чеченская война 1994–1996 гг.; Хасавюртовские соглашения; Б. Н. Ельцин; А. И. Лебедь; А. А. Масхадов.

Key words: The Russian Federation; the Chechen Republic; separatism; the Chechen conflict; The First Chechen War 1994–1996; The Khasavyurt Agreements; B.N.Yeltsin; A.I.Lebed; A.A.Maskhadov.

E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Чеченский конфликт стал одной из самых серьезных внутриполитических проблем, с которыми пришлось столкнуться Российской Федерации в 1990-е гг. В 1991 г. к власти в Чечне насильственным путем пришли националисты, выступавшие за выход республики из состава России и создание независимого государства. Попытки урегулировать спорные вопросы мирным путем в 1992–1994 гг. не увенчались успехом. В декабре 1994 г. федеральные войска начали проведение военной операции, направленной на отстранение сепаратистов от власти и возвращение «мятежного» региона в конституционно-правовое поле. Однако вооруженный конфликт, вошедший в историю как Первая чеченская война, приобрел затяжной характер и повлек за собой множество жертв как среди военных, так и мирного населения. Надежды на быстрое урегулирование этого конфликта и стабилизацию общественно-политической ситуации с каждым месяцем таяли, более того, он грозил перекинуться на сопредельные регионы Северного Кавказа. В этой ситуации в Кремле стали склоняться к поиску мирного варианта решения конфликта.

Подписанные 31 августа 1996 г. Хасавюртовские соглашения, положившие конец Первой чеченской войне, до сих пор остаются самым сложным и неоднозначным договором, который когда-либо заключало российское руководство. Среди ученых, политиков, дипломатов, военных и рядовых обывателей до сих пор не утихают ожесточенные споры по поводу целесообразности заключения этих соглашений и их последующего влияния на историю России и Чечни. При этом оценки этого договора диаметрально противоположные: от сознательного предательства, направленного на развал России, до «нового Бреста» – непопулярной, но вынужденной меры, которая позволила стране получить необходимую мирную передышку, чтобы затем, собравшись с силами, начать возвращать потерянные территории.

В то же время, в научной историографии проблема Хасавюртовских соглашений освещена весьма слабо. В связи с этим, думается, важно рассмотреть общеполитическую ситуацию, сложившуюся накануне их подписания, осветить ход переговоров, проанализировать цели и намерения сторон, выяснить их практическую значимость и последствия, а также понять, почему в конечном итоге их так и не удалось реализовать в полном объеме.

Жаркое лето 1996-го

К концу весны 1996 г. стало очевидно, что попытки командования федеральных войск нанести решительное поражение чеченским сепаратистам и завершить войну победой не удалось. Чеченские боевики, перейдя

Борис Николаевич Ельцин –
в 1991–1999 гг. президент Российской Федерации

Зелимхан Абдулмуслимович Яндарбиев –
в 1996 г. исполняющий обязанности
президента самопровозглашенной
Чеченской Республики Ичкерия

к тактике партизанской войны, изматывали российские войска внезапными ударами, налетами и засадами. Рейды Ш.Басаева на Буденновск в июне 1995 г. и С.Радуева на Кизляр в январе 1996 г. продемонстрировали угрозу распространения этого конфликта на другие регионы Кавказа. Гибель президента самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия Д.М.Дудаева в апреле 1996 г. не привела к коренному изменению обстановки. Ведение боевых действий и восстановление разрушенной экономики и социальной инфраструктуры Чеченской Республики требовали колоссальных материальных и финансовых затрат. Все это наносило урон и без того невысокому рейтингу Президента Б.Н.Ельцина. Приближались президентские выборы, и Ельцин должен был продемонстрировать весомые аргументы, которые позволили бы склонить колеблющихся избирателей на его сторону [14, с. 108].

27–28 мая в Москве Б.Ельцин провел прямые переговоры с исполняющим обязанности президента Чеченской Республики Ичкерия З.А.Яндарбиевым, в ходе которых стороны договорились заключить перемирие и провести обмен пленными. Это позволило Ельцину

публично поздравить российских военных с победой над «мятежным дудаевским режимом» и объявить о фактическом прекращении войны. 10 июня в Назрани конфликтующие стороны подписали «Протокол о прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики». Была достигнута договоренность о выводе большей части российских войск с территории Чечни, разоружении отрядов сепаратистов и проведении свободных демократических выборов в парламент республики. Вопрос о ее статусе временно откладывался [8, с. 166–169]. Назрановские протоколы открывали надежду на реальное достижение мирного урегулирования на основе взаимоприемлемого компромисса, однако в очередной раз этой надежде не суждено было сбыться.

3 июля Б.Ельцин одержал победу на президентских выборах. Вскоре после этого Москва вновь заняла жесткую позицию и потребовала от сепаратистов немедленно разоружиться. 9 июля боевые действия возобновились. Российские войска при поддержке авиации, артиллерии и бронетехники атаковали опорные пункты сепаратистов в Урус-Мартановском районе. Начались кровопролитные бои. 12 июля Президент РФ подписал Указ №1028 «О мерах по стабилизации деятельности органов государственной власти Чеченской Республики», в котором «конституционными органами власти» в Чечне были названы Глава Чеченской Республики, Народное Собрание, Правительство ЧР и главы районных администраций [4]. Тем самым федеральный Центр однозначно поддержал пророссийское правительство Д.Г.Завгаева, что вызвало протесты со стороны сепаратистов, которые были проигнорированы.

Российские войска взяли села Гехи и Махкеты, нанеся поражение оборонявшим их боевикам, а также провели несколько успешных операций в Шатойском и Веденском районах. Неоднократные попытки боевиков отбить стратегически важный аул Бамут, расположенный у границы с Ингушетией, были отражены. 24 июля исполняющий обязанности командующего Объединенной группировкой федеральных войск

Доку Гапурович Завгаев –
в 1996 г. глава Чеченской
Республики в составе России

генерал-лейтенант К.Б. Пуликовский заявил, что переговоры с руководством сепаратистов могут вестись только о прекращении сопротивления

Константин Борисович Пуликовский – генерал-лейтенант, в июле–августе 1996 г. исполняющий обязанности командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чеченской Республике

и сдаче оружия. 27 июля глава федеральной делегации по мирному урегулированию конфликта, министр по делам национальностей и федеративным отношениям В.А. Михайлов отметил, что «никаких переговоров с представителями чеченской оппозиции не будет до тех пор, пока с их стороны не будет публичного осуждения терроризма» [9, с. 81]. 28 июля глава Группы содействия ОБСЕ Т. Гульдманн сообщил, что чеченская сторона готова к прямым контактам с представителями федеральной стороны и российским военным командованием по вопросу о прекращении боевых действий, но на следующий день генерал Пуликовский отверг саму идею переговоров с сепаратистами. В Москве были уверены в том, что российские войска прочно овладели стратегической инициативой, а противник деморализован и скоро будет уничтожен.

31 июля, выступая на пресс-конференции в Москве, Глава Чеченской Республики Д.Г. Завгаев заявил о том, что обстановка в Чечне имеет твердую тенденцию к стабилизации, боевые действия фактически завершились, а он полностью контролирует территорию республики. В то же время он обратился с призывом к руководству сепаратистов оставить Яндарбиева и переходить на сторону законных властей, пообещав предоставить им часть мест в своем правительстве.

Вскоре выяснилось, что эти расчеты были ошибочны...

«Джихад» приходит в Грозный

Тем временем в штабе сепаратистов под руководством бывшего полковника Советской Армии и действующего дивизионного генерала самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия А. А. Масхадова была разработана масштабная наступательная операция под кодовым названием «Джихад». Предполагалось одновременно атаковать города Чеченской

Республики: Грозный, Аргун, Гудермес, перерезать коммуникации и блокировать гарнизоны федеральных войск на их базах. Массированное наступление должно было показать политическому руководству России, что война еще далеко не окончена и людские ресурсы сепаратистов значительны. Мировое же сообщество должно было увидеть, что Российская армия не может эффективно контролировать ситуацию в Чечне. Главным политическим фактором являлось то, что на 9 августа была намечена инаугурация Ельцина.

Аслан Алиевич Масхадов – в 1996 г. начальник Главного штаба Вооруженных сил самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия, дивизионный генерал

Захватив Грозный, сепаратисты публично опровергли бы его слова о том, что война в Чечне победоносно окончена [11, с. 118]. В середине июля военная разведка и ФСБ вскрыли планы боевиков и представили необходимые факты готовившейся операции, однако высшее военное и политическое руководство России не предприняло должных мер для того, чтобы оказать эффективное противодействие этой угрозе. Более того, без внимания был оставлен тот факт, что в начале августа отряды сепаратистов начали передислоцироваться из горных районов на равнину и накапливаться в окрестностях Грозного. Часть боевиков под видом мирных жителей проникла в город и рассредоточилась, заранее спрятав оружие и готовясь пустить его в ход по первому приказу. За подобную беспечность вскоре пришлось заплатить дороговую цену.

Гарнизон Грозного в августе 1996 г. состоял из 6 тысяч бойцов внутренних войск и МВД. Их поддерживали немногочисленные отряды пророссийски настроенной чеченской милиции. Около 10 тысяч российских солдат и офицеров занимали позиции в пригороде Грозного Ханкале и в районе аэропорта «Северный». В городе насчитывалось 22 контрольно-пропускных пункта, 5 комендатур и 2 комендантских участка, которые были превращены в опорные пункты и приготовлены к круговой обороне. Федеральные силы имели подавляющее превосходство в бронетехнике и артиллерии, а также абсолютное господство в воздухе. Впрочем, моральный дух многих подразделений федеральных сил был невысок. Солдаты устали от затяжной войны, цели и смысла которой

Российские солдаты в Грозном. Август 1996 г.

они зачастую не понимали. Информационная антиармейская кампания, развернутая в СМИ, также не способствовала повышению мотивации продолжать войну. Обещания Ельцина и других высокопоставленных политиков о полной победе и скором выводе войск под воздействием успокаивающе и притупили бдительность многих командиров и рядовых бойцов.

Командующий Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне генерал-лейтенант В.В.Тихомиров вообще в это время ушел в отпуск, передав свои полномочия генерал-лейтенанту К.Б.Пуликовскому.

Общая численность чеченских боевиков и поддерживавших их арабских моджахедов к началу штурма составляла 1,5–2 тысячи человек. После начала боевых действий они получили подкрепления из окрестных населенных пунктов и в самом городе. Кроме того, на их сторону перешла часть бойцов завгаевской милиции, так что общая численность вооруженных отрядов, подконтрольных масхадовскому штабу, к середине августа составила 6–7 тысяч человек [15, pp.45–46].

6 августа рано утром отряды сепаратистов с разных сторон атаковали чеченскую столицу. Нападению прежде всего подверглись опорные пункты, где дислоцировались российские войска. Чеченские отряды действовали грамотно и скоординированно. Не ввязываясь в затяжные бои, они блокировали российские подразделения на блокпостах и в комендатурах, изолировали их друг от друга и держали под постоянным обстрелом. Основной удар был нанесен по комплексу административных

Чеченские боевики в Грозном. Август 1996 г.

зданий в центре города (Дом правительства, МВД, ФСБ и др.). С самого начала боев федеральные войска упустили инициативу, которая перешла к противнику. Координация между различными подразделениями, изолированными в разных районах города, была нарушена. Только на второй день боев генерал Пуликовский попытался нанести контрудары извне и деблокировать осажденные части. Однако эта попытка успехом не увенчалась: натолкнувшись на упорное сопротивление боевиков и умело расставленные засады на городских улицах и переулках, сводные отряды так и не смогли пробиться в центр города и вынуждены были с потерями вернуться в Ханкалу. Положение окруженных ухудшалось. Большая часть столицы перешла под контроль боевиков.

Российские войска и милиционеры потеряли 484 человека убитыми, 1407 ранеными, 182 пленными и пропавшими без вести. Велики были потери и в технике: было выведено из строя 18 танков, 61 БМП, 8 БТР, 23 автомашины. Часть подбитой техники была захвачена противником. Кроме того, боевики смогли сбить 3 вертолета федеральных войск [1].

Б.Н.Ельцин вынужден был объявить 10 августа днем траура по погибшим защитникам Грозного и мирным жителям, распорядившись на всей территории страны приспустить Государственные флаги Российской Федерации. Все развлекательные мероприятия и телепередачи были отменены [12]. Фактически это было признание своего поражения. А тем временем в Грозном российские солдаты, находясь в полном окружении, продолжали отчаянно отбивать яростные атаки наседавшего противника.

Чеченские боевики у захваченного российского танка. Грозный, август 1996 г.

Лишь к 13 августа, после недели ожесточенных боев, федеральные войска смогли заблокировать Грозный и перекрыть основные маршруты, которые связывали его с сельскими районами Чеченской Республики, откуда к боевикам могло подходить подкрепление. Генерал-лейтенант К. Пуликовский предъявил командованию сепаратистов ультиматум: немедленно прекратить боевые действия и сложить оружие. В случае отказа сдаться генерал давал мирным жителям 48 часов на то, чтобы покинуть осажденный город через специально выделенный «коридор», после чего по Грозному планировалось нанести мощный удар с помощью авиации и артиллерии. А. Масхадов и наиболее влиятельные полевые командиры этот ультиматум отклонили и заявили о том, что будут сражаться до конца. Это вызвало панику среди грозненцев (среди которых было много детей, женщин, стариков, причем не только чеченцев, но и русских) и вызвало большой общественный резонанс не только в России, но и за рубежом. Фактически Грозный оказался на грани полного уничтожения [14, с. 111], а значительная часть его жителей – гибели. Было очевидно, что руководство противоборствующих сторон перешло, на глазах у мирового сообщества, к своеобразной «войне нервов».

Трудный путь к мирному диалогу

Поначалу высшее политическое руководство Российской Федерации полагало, что атаку боевиков удастся быстро отразить или же они сами покинут город, как это уже было в марте 1996 г. Когда же стало ясно, что

бои приняли затяжной характер, а инициатива перешла к врагу, было принято решение возобновить переговорный процесс с сепаратистами. 11 августа в Чечню вылетел секретарь Совета Безопасности Российской Федерации, гвардии генерал-лейтенант А.И. Лебедь, наделенный самыми широкими полномочиями представителя Президента Российской Федерации в Чеченской Республике [10, с. 112].

Командование Объединенной группировки было недовольно тем фактом, что Лебедь начал прямые переговоры с Масхадовым, даже не поставив их в известность. Генералы Г.Трошев, К.Пуликовский и министр внутренних дел А.Куликов настаивали на штурме Грозного, уверяя, что смогут уничтожить окруженных боевиков. Однако Лебедь раскритиковал их действия, доложив Президенту о том, что командование не справилось с поставленной задачей, а дислоцированные в Чечне подразделения Российской армии деморализованы и неспособны вести эффективные боевые действия, не говоря уже о том, чтобы добиться решительной военной победы. Никакой альтернативы мирному соглашению, по его мнению, уже не существовало [14, с. 113].

В ночь с 11 на 12 августа в селе Старые Атаги Лебедь встретился с А.Масхадовым, министром информации самопровозглашенной Ичкерии М.Удуговым и полевым командиром Ширвани Басаевым. Они договорились в течение семи дней решить вопросы, связанные с прекращением военных действий в Чечне и началом вывода федеральных войск из республики. После разведения противоборствующих сторон предполагалось начать переговоры о политическом статусе Чечни [3, с. 202]. Впрочем, боевые действия в городе по-прежнему продолжались. 13 августа прошли переговоры Масхадова с Пуликовским, в результате которых была достигнута договоренность о прекращении огня с 12.00 14 августа.

Александр Иванович Лебедь – генерал-лейтенант, в 1996 г. секретарь Совета Безопасности Российской Федерации

Тяжелое поражение, которое федеральные войска потерпели в Грозном, свидетельствовало о полной бесперспективности в тех условиях силового способа решения противоречий между федеральным Центром и сепаратистами и безальтернативности курса на мирное урегулирование конфликта. Однако к середине августа позиции российского руководства на предстоящих переговорах были существенно ослаблены.

14 августа Б.Ельцин подписал Указ №1169 «О дополнительных мерах по урегулированию кризиса в Чеченской Республике», в соответствии с которым были расформированы Государственная комиссии по урегулированию кризиса в Чечне и все другие переговорные группы, а руководство процессом урегулирования целиком перешло к Совету Безопасности Российской Федерации. Отныне выполнение распоряжений Лебеда становилось обязательным всеми федеральными органами власти (за исключением ФСБ), действовавшими на территории Чеченской Республики [6, с. 164]. В тот же день состоялась вторая встреча Пуликовско-го с Масхадовым, а на следующий день в Новых Атагах Лебедь провел переговоры с Яндарбиевым и Масхадовым. Секретарь Совета Безопасности заявил, что не видит военного пути решения Чеченского кризиса и предложил приступить к разработке программы мирного урегулирования. Он предложил создать совместную комиссию, которая бы опе-

15 августа. Александр Лебедь прилетает на военно-воздушную базу в Чечне

ративно разбиралась со всеми конфликтными вопросами и обеспечила эффективное прекращение огня. Помимо этого, предполагалось создать специальный Наблюдательный Совет, в состав которого вошли бы секретари Советов Безопасности Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии [3, с.203]. 17 августа в районе села Новые Атаги состоялась очередная встреча Пуликовского с Масхадовым. После переговоров российский командующий подписал приказ № 107 о прекращении боевых действий на всей территории Чечни [9, с.82].

Однако 19 августа К.Пуликовский вновь в ультимативном порядке потребовал от боевиков покинуть Грозный, угрожая в случае отказа применить «все имеющиеся силы и средства, в том числе действия войск, бомбардировочную и штурмовую авиацию, реактивные системы залпового огня и артиллерию». На следующий день он заявил о том, что ему «больше не о чем говорить» с Масхадовым. Интенсивность военных столкновений вновь стала нарастать [2 с. 1498]. Федеральная артиллерия начала обстрел Грозного.

Срочно прибывший в Чечню из Москвы А.Лебедь настоял на возобновлении переговоров с сепаратистами, заявив, что ультиматум Пуликовского не был согласован с Ельциным, а потому подлежит немедленной отмене [6, с. 167]. Министр обороны Российской Федерации генерал армии И.Н.Родионов также заявил, что Пуликовский превысил свои полномочия и допустил серьезную ошибку, выдвинув подобный ультиматум. Министр поспешил заверить, что «Вооруженные Силы, как и другие силовые структуры государства, не проводят какой-то собственной, самостоятельной и независимой от государства политики, а являются инструментом политики государственной» [3, с.204].

В тот же день Лебедем и Масхадовым в Новых Атагах было подписано «Соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в городе Грозный и на территории Чеченской Республики». Стороны решили с 12 часов дня 23 августа прекратить боевые действия и немедленно приступить к обмену пленными, заложниками и телами погибших по принципу «всех на всех». Запрещалось применять любое оружие друг против друга, проводить войсковые операции и все виды спецопераций; захватывать или блокировать населенные пункты, военные объекты и дороги; проводить террористические и диверсионные акты; нападать на транспортные средства, колонны, военные и гражданские конвои; минировать коммуникации; захватывать заложников, убивать военнослужащих и гражданских лиц.

24 августа. Александр Лебедь играет в шахматы с Ширвани Басаевым, одним из чеченских лидеров, во время перерыва в переговорах о политическом статусе Чеченской Республики в селе Новые Атаги

Командование Временных объединенных сил федеральных войск обязалось в срок до 26 августа осуществить передислокацию подчиненных частей и подразделений из Веденского и Ножай-Юртовского районов, а до 29 августа – из Шатойского района Чеченской Республики в Старые Атаги, Ханкалу, Курчалой и Гамиях. Федеральные войска и вооруженные отряды сепаратистов должны были покинуть Грозный и вернуться в районы прежней дислокации. Одновременно в чеченской столице на базе комендатур федеральных войск создавались совместные военные комендатуры (Центральная и четыре районные), в состав которых планировалось включать лиц, не совершавших военных преступлений и не вызывавших протеста каждой из сторон.

Российские офицеры и командиры чеченских отрядов должны были наладить взаимный контакт по вопросам материально-технического снабжения, тылового и медицинского обеспечения, обмена пленными, создания и поддержания коридоров безопасности.

В целях реализации соглашения стороны должны были создать согласительную комиссию, уполномоченную решать все спорные вопросы и пресекать возможные нарушения [8, с. 180–182].

Некоторые представители командования федеральных войск попытались выступить с протестом против подписания этого Соглашения, упрекая Лебеда в том, что он пошел на чрезмерные уступки противнику. Однако секретарь Совета Безопасности, получив от Президента фактически чрезвычайные полномочия, уполномочивавшие его вести переговоры и подписать соглашение по политическому урегулированию Чеченского конфликта, оставил их протесты без внимания. 25 августа вернувшийся из отпуска генерал В. Тихомиров и А. Масхадов подписали Протокол «О совместных мероприятиях начального этапа по реализации "Соглашения о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в г. Грозный и на территории Чеченской Республики" от 22 августа 1996 г.». Охрана правительственных и других учреждений в Грозном возлагалась на специальные группы, назначаемые Согласительной комиссией. Стороны должны были разблокировать железные дороги, другие транспортные и иные коммуникации и принять меры по обеспечению их бесперебойной эксплуатации и своевременному восстановлению. Запрещалось осуществлять блокирование расположений федеральных войск.

В течение переходного периода в Грозном планировалось сохранить местные органы исполнительной власти, а также учреждения ФСБ Российской Федерации, МВД Чеченской Республики, Прокуратуры, Верховного Суда и Координационного центра МВД Российской Федерации. Командиры российских воинских частей и чеченские полевые командиры устанавливали взаимный контакт и согласовывали маршруты передвижения, организовывали связь и определяли порядок сопровождения воинских колонн. Кроме того, должны были быть определены маршруты подвоза продуктов питания, воды, медикаментов, топлива российским и чеченским подразделениям. В случае атак на эти колонны стороны обязывались считать нападавших общим противником и совместно уничтожать их. Боевики обещали оказать содействие инженерным подразделениям федеральных войск, осуществлявших демонтаж оборонительных объектов в Грозном. Стороны договорились разминировать Грозный и все ведущие в город дороги.

Все блок-посты на территории Чеченской Республики подлежали ликвидации, а их сооружения, оборудование и материальные средства передавались чеченской стороне. Деятельность временных объединенных комендатур осуществлялась в соответствии с Уставом гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил Российской Федерации. В целях соблюдения принципа единоначалия командование этими

комендатурами осуществлялось поочередно комендантами, назначаемыми от обеих сторон. В целях исключения возможных провокаций вводился запрет на проведение митингов, демонстраций, уличных шествий и других массовых мероприятий [8, с. 182–183].

После того, как российские войска были выведены из горных районов, все населенные пункты были заняты боевиками. 28 августа под контроль сепаратистов также перешли города Аргун и Гудермес. 30 августа в дагестанском городе Хасавюрте в присутствии Т.Гульдимаанна начались очередные российско-чеченские переговоры. Вице-президент Чеченской Республики Ичкерия С.-Х.С.-М. Абумуслимов потребовал немедленно предоставить Чечне независимость и дать согласие на ее вступление в ООН, но А.Лебедь смог убедить чеченских представителей снять этот вопрос с повестки дня. Однако его предложение о подключении к переговорам представителей правительства Д.Завгаева и создании вместе с ними переходного органа управления республикой также не нашло понимания у представителей сепаратистов. В итоге политическая участь Завгаева была предрешена [6, с. 169]. Он сам и члены его правительства, находившиеся в Ханкале под охраной российских войск, покинули Чечню и уехали в Москву, где пророссийское правительство фактически самораспустилось.

31 августа было подписано «Совместное заявление» о принципах, по которым будет в дальнейшем идти переговорный процесс. От российской стороны его подписали секретарь Совета Безопасности Российской Федерации А.И. Лебедь и его заместитель полковник С.Ф. Харламов, а от чеченской – Первый заместитель председателя Государственного комитета обороны, начальник Главного штаба Вооруженных сил Чеченской Республики Ичкерии А.А. Масхадов и вице-президент самопровозглашенной республики С.-Х.С.-М. Абумуслимов.

Стороны согласовали «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой», согласно которым соглашение об основах взаимоотношений между РФ и ЧР должно было быть достигнуто до 31 декабря 2001 г. «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права». Таким образом, Чечне присваивался тот самый «отложенный статус», о котором неоднократно шла речь на переговорах в 1995–1996 гг. Не позднее 1 октября 1996 г. планировалось сформировать Объединенную комиссию из представителей органов государственной власти Российской Федерации и Чеченской Республики, на кото-

31 августа. Аслан Масхадов и Александр Лебедь подписывают Хасавюртовское соглашение

рую возлагались задачи подготовки предложений по завершению вывода войск; согласованных мероприятий по борьбе с преступностью, терроризмом и проявлениями национальной и религиозной вражды и контроль за их исполнением; предложений по восстановлению валютно-финансовых и бюджетных взаимоотношений. Комиссия должна была также разработать и внести в правительство Российской Федерации программу восстановления социально-экономического комплекса Чеченской Республики и осуществлять контроль за согласованным взаимодействием органов государственной власти и иных заинтересованных организаций при обеспечении населения продовольствием и медикаментами.

Законодательство Чеченской Республики должно было быть основано на соблюдении прав человека и гражданина, праве народов на самоопределение, принципах равноправия народов, обеспечения гражданского мира, межнационального согласия и безопасности проживающих на территории Чечни граждан независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и иных различий [13].

1 сентября. Старые Атаги. Александр Лебедь и Зелимхан Яндарбиев во время переговоров

Россия и Чечня после Хасавюрта

3 сентября Б.Ельцин одобрил подписанные в Хасавюрте документы. 5 сентября в Шали Лебедь и Масхадов договорились о демилитаризации Грозного, создании в Чечне коалиционного правительства и проведении свободных выборов президента и парламента. В чеченской столице начали работать совместные комендантуры, произошло разведение враждующих сторон [6, с. 171]. 17 сентября в Новых Атагах Лебедь и Масхадов согласовали график вывода федеральных войск из Чечни, приняли решение о разминировании территории и формировании совместных правоохранительных органов на территории республики [3, с. 209].

В результате реализации Хасавюртовских соглашений федеральные войска начали покидать территорию Чечни. Вместе с ними уходили и пророссийски настроенные представители республиканских и местных органов государственной власти, включая Главу ЧР Д.Г.Завгаева и членов его правительства. Реальная власть в республике перешла к лидерам сепаратистов во главе с З.Яндарбиевым.

Хасавюртовские соглашения вскоре после их подписания стали подвергаться жесткой критике со стороны ряда политических и об-

ественных деятелей. 2 октября на заседании Государственной Думы Российской Федерации министр внутренних дел, генерал армии А.С.Куликов заявил о том, что чеченская сторона демонстративно не исполняет заключенные договоренности, в частности, продолжает удерживать российских военнопленных и заложников и планирует отторгнуть от России Ингушетию, часть Дагестана и Ставропольского края. Министр предложил дать юридическую оценку Хасавюртовских соглашений; подписать с сепаратистами договор о гарантиях прав русского и пророссийски настроенного населения Чечни; прекратить финансирование Чечни, а выде-

5 сентября. Шали. Александр Лебедь и Аслан Масхадов на митинге объявляют об окончании войны

Смешанная российско-чеченская военная комендатура в Грозном. Сентябрь 1996 г.

ляемые средства направить на строительство жилья для русских, покинувших эту республику.

Ему вторил бывший Глава Чеченской Республики Д. Завгаев, который утверждал, что власти Ичкерии развернули массовые репрессии против людей, заподозренных в симпатиях к России. Договор в Хасавюрте он назвал «преступной сдачей позиций, которая в будущем не гарантирует мира». Некоторые депутаты открыто называли их «предательством».

С другой стороны, А. Лебедь предупредил депутатов, чтобы они не забывали, что «в Чечне Россия имеет дело с воюющим народом». Он отметил, что летом 1996 г. российские войска находились в плачевном положении, а причиной поражения в Грозном стали низкая материальная обеспеченность, недостаточная боевая подготовка федеральных сил, а также потеря управления войсками со стороны высшего командования. Его поддержала часть депутатов, которая подчеркивала бесперспективность военного решения конфликта и заявляла о необходимости поиска путей мирного урегулирования Чеченского кризиса [8, с. 195–197].

8 октября 1996 г. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации принял Постановление №336-СФ «О ситуации в Чеченской Республике», в котором одобрялось прекращение боевых действий на территории Чеченской Республики. В то же время Совет Федерации постановил считать документы, подписанные в Хасавюрте, «не имеющими государственно-правового значения». Органам государственной власти РФ предписывалось осуществлять свою деятельность по мирному урегулированию ситуации, исходя из того факта, что территория Чеченской Республики является неотъемлемой и составной частью территории Российской Федерации. Следовало разработать проект договора по вопросам разграничения полномочий и предметов, находящихся в ведении органов государственной власти Российской Федерации и законно избранных органов государственной власти Чеченской Республики.

Президенту РФ предлагалось срочно разработать и утвердить программу политических, социально-экономических и организационных мер по выходу из ситуации, сложившейся в Чечне. Для решения всех вопросов, связанных с мирным урегулированием ситуации, предлагалось создать Государственную комиссию из представителей законодательных и исполнительных органов государственной власти РФ и ЧР [7]. Однако следует отметить, что какого-либо реального

значения это постановление не возымело и фактически не было претворено в жизнь.

23 ноября Б.Ельцин подписал указ «О мерах по обеспечению дальнейшего мирного урегулирования в Чеченской Республике», в соответствии с которым приказал передислоцировать две оставшиеся

Российские солдаты готовятся к отправке домой после подписания Хасавюртовских соглашений. Осень 1996 г.

в Чечне бригады за пределы административных границ этой республики. Тем самым Президент принял решение проводить политику в соответствии с Хасавюртовскими соглашениями. Министерство внутренних дел Российской Федерации по согласованию с органами власти Чеченской Республики должно было осуществлять меры по охране населения и особо важных объектов жизнеобеспечения на территории ЧР [8, с.206].

23 декабря в Москве председатель правительства Российской Федерации В.С.Черномырдин и премьер-министр коалиционного правительства Чеченской Республики А.А.Масхадов подписали Соглашение по блоку социально-экономических вопросов. Оно предусматривало восстановление гражданского аэропорта в Грозном, железнодорожного и автомобильного сообщения. Стороны должны бы-

ли реализовать меры по восстановлению объектов жизнеобеспечения в населенных пунктах Чеченской Республики, обеспечить выплату пенсий и заработной платы, а также денежных компенсаций лицам, пострадавшим от боевых действий. Чеченская сторона гарантировала безопасность трубопроводного транспорта, объектов добычи и переработки нефти и газа. Черномырдин и Масхадов признали необходимым согласовывать действия в сфере обеспечения обороны России. Российская и чеченская стороны взяли на себя обязательства не предпринимать никаких действий, угрожающих их безопасности [8, с. 207–208].

В декабре 1996 г. 93 депутата оппозиционных фракций Государственной Думы обратились в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности подписанных в Хасавюрте соглашений. По мысли авторов запроса, эти документы не соответствовали статье 4 Конституции Российской Федерации, закрепляющей целостность и неприкосновенность территории Российской Федерации. Однако 26 декабря Конституционный Суд в своем определении отметил, что заключенные соглашения «не являются договором между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъекта Российской Федерации», а поэтому не могут быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации. Давать же оценку политическим, а не правовым соглашениям, Конституционный Суд был не вправе [5]. Тем самым Конституционный Суд фактически снимал с себя ответственность за последствия этого договора для российской государственности.

К началу 1997 г. последние подразделения российской армии покинули территорию Чечни. 12 мая 1997 г. в Москве Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин и избранный Президент Чеченской Республики Ичкерия А.А.Масхадов подписали Договор «О мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия». В нем говорилось о том, что «Высокие Договаривающиеся Стороны, ... стремясь установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения», навсегда отказываются от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов. При этом РФ и ЧРИ договорились строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а взаимодействие в конкретных сферах определить путем подписания соответствующих соглашений [8, с. 5].

Москва, 12 мая 1997 г. Подписание Договора о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия

Однако следует отметить, что этот мирный договор не стал прочной основой развития добрососедских отношений между Россией и Чечней. Среди части политической элиты, высшего военного командования, лидеров партий и общественных движений Российской Федерации продолжали раздаваться слова о том, что Хасавюртовские соглашения являлись предательством национальных интересов России, а потому должны были быть пересмотрены или отменены вовсе.

Чеченские власти также не смогли стабилизировать обстановку в республике. Слабость органов государственной власти обернулась разгулом преступности и ростом религиозного радикализма. Экстремисты, группировавшиеся вокруг З. Яндарбиева, Ш. Басаева, М. Удугова, С. Радуева, публично заявляли о том, что не намерены соблюдать подписанный А. Масхадовым мирный договор и планируют продолжать войну до тех пор, пока Россия не уйдет с Кавказа. Вторжение боевиков в Дагестан в августе 1999 г. и последовавший в качестве ответной акции ввод федеральных войск в Чечню фактически перечеркнули все договоренности, достигнутые в Хасавюрте.

Крепкие рукопожатия и улыбки российского и чеченского лидеров не стали залогом прочного мира...

Была ли альтернатива?

В заключение необходимо ответить на два принципиально важных вопроса, которые до сих пор являются предметом ожесточенных дискуссий. Была ли альтернатива подписанию Хасавюртовских соглашений в августе 1996 г.? И была ли возможность предотвратить новый вооруженный конфликт на Северном Кавказе, разразившийся спустя три года, в августе 1999 г.?

Думается, что заключение Соглашений, представлявших собой известный компромисс и уступки федерального Центра сепаратистам, было единственной возможностью закончить зашедшую в тупик войну. Конечно, российские войска могли начать штурм Грозного, который вылился бы в затяжные и кровопролитные уличные бои, сопровождавшиеся массовой гибелью как военнослужащих, так и мирного населения. В конечном итоге, они ценой больших потерь овладели бы руинами Грозного, однако это ничего не изменило бы в стратегиче-

ском плане. Боевики покинули бы чеченскую столицу так, как они сделали это в 1995 г. и, сохранив свои базы в горных районах, продолжили бы диверсионно-террористическую войну, постепенно наращивая удары по позициям федеральных войск и периодически атакуя города на равнине.

Федеральные войска находились в крайне тяжелом положении и испытывали большие трудности со снабжением. Экономический кризис, в котором оказалась Россия в 1990-х гг., со всей тяжестью отразился и на ее армии. Следует объективно признать, что ее боеспособность тогда была отнюдь не на должном уровне, а к длительной партизанской войне российское командование оказалось попросту не готово и фактически в 1996 г. утратило инициативу, которая перешла к противнику.

Следует подчеркнуть, что российские власти не смогли завоевать симпатии большинства чеченского народа. Пророссийское правительство Д.Г.Завгаева было очень слабым и фактически держалось на российских штыках. Что же касается россиян, то они также устали от войны, смысла и целей которой не понимали. В российском обществе с каждым месяцем росли антивоенные настроения и все громче раздавались призывы заключить скорейший мир. Необходимо учитывать и сложную политическую ситуацию, в которой оказалось российское руководство летом 1996 г. Б.Н.Ельцин смог с большим трудом выиграть президентские выборы во втором туре, оппозиция имела большинство в Государственной Думе и жестко критиковала политику действующих властей, в том числе и в чеченском вопросе. Продолжение заведомо проигрышной войны могло привести к серьезному внутривнутриполитическому кризису.

Все это не оставило федеральному Центру никаких иных условий, кроме подписания Хасавюртовских соглашений. Они позволили остановить боевые действия и вывести российские войска с вооружением, боевой техникой и знаменами в места постоянной дислокации. Выбор в качестве модели политического будущего Чеченской Республики «отложенного статуса» в тот период времени был оптимальным.

Однако ни российская, ни чеченская сторона не смогли создать эффективного механизма реализации Хасавюртовских соглашений и контроля за их выполнением. Для Б.Ельцина и его правительства, занятых решением насущных внутривнутриполитических вопросов, проблема Чечни ушла на задний план. А.Масхадов так и не смог консолидировать чеченское общество, подавить преступность и обуздать «воль-

ницу» полевых командиров, а самое главное, пресечь распространение радикальных ваххабитских идей. Ваххабиты взяли курс на откровенный демонтаж Хасавюртовских соглашений и пошли на развязывание в августе 1999 г. новой войны, целью которой должно было стать создание на Северном Кавказе мусульманского теократического государства, живущего по законам шариата. В связи с этим российским властям ничего не оставалось, кроме как дать жесткий отпор экстремистам.

Библиографический список

1. Евдокимов П. В кольце «Джихада» [Электронный ресурс] // Спецназ России. 2009. № 7 (154). URL: <https://www.specnaz.ru/article/?1502> (дата обращения – 11.02.2022)
2. Зорин В.Ю., Орешин С.А. Опыт мирного урегулирования чеченского конфликта в 1995–1996 гг.: достижения и просчеты (часть вторая) // Вопросы национальных и федеративных отношений. Т.9. Вып.9 (54) М.: ООО «Издательство «Наука сегодня», 2019. С.1485–1501.
3. Мороз О. Ельцин. Лебедь. Хасавюрт. М.: ООО «ИПЦ «Маска»», 2012. 332 с.
4. О мерах по стабилизации деятельности органов государственной власти Чеченской Республики. Указ Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_self=&nd=102042336&page=1&rdk=0#10 (дата обращения – 11.02.2022)
5. Определение Конституционного Суда РФ от 26.12.1996 №103-о «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания о соответствии Конституции Российской Федерации «Принципов определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой» и совместного заявления, подписанных 31 августа 1996 года в г. Хасавюрте» [Электронный ресурс] // Электронный портал «Законы России». URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_338/doc338a570x252.htm (дата обращения – 11.02.2022).
6. Полушин В. Терновый венец миротворца // Енисей. 1999. №5 (217). С. 140–176.
7. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О ситуации в Чеченской Республике», 8 октября 1996 года [Электронный ресурс] // Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. URL: <http://xn----ptblgjed.xn--plai/node/2726> (дата обращения – 11.02.2022)
8. Россия и Чечня (1990–1997 гг.). Документы свидетельствуют: Сборник / отв. ред. И.Н.Еременко, Ю.Д.Новиков. М.: АО «РАУ-ун-т», 1997. 264 с.
9. Россия–Чечня: цепь ошибок и преступлений. М.: Звенья, 1998. 600 с.
10. Рунов В.А. Испытание Чеченской войной. М.: Вече, 2016. 358 с.
11. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вече, 2017. 352 с.

12. Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1996 года № 1147 «Об объявлении траура в связи с трагическими последствиями террористической акции против государственных учреждений и жителей города Грозного [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/600288> (дата обращения – 11.02.2022)

13. Хасавюртовские соглашения от 31 августа 1996 г. // Независимая газета. 1996. 3 сентября. № 163.

14. Шайхаев Т.И. Военно-политические события на территории Чеченской республики перед подписанием «Хасавюртовских соглашений» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Исторические и политические науки. М.: Издательство МГОУ, 2019. №3. С. 107–114.

15. Galeotti M. Russia's Wars in Chechnya 1994–2009. Oxford – New York: Osprey Publishing, 2014. 96 p.

Репрессии, сэр, входят
в привычку. Мне говорят,
это как заняться любовью –
во второй раз всегда проще.

Ли Куан Ю

Из всех видов мракобесия,
которые ожесточают чело-
веческий нрав, нет ничего
глупее антисемитизма.

Дэвид Ллойд Джордж

БЫЛИ ЛИ ХРУЩЕВСКИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ» АНТИЕВРЕЙСКИМИ?

УДК

929

Мобилизуя общество на реализацию проекта «строительства коммунизма», руководство СССР во главе с Хрущевым резко усилило борьбу с подпольным производством дефицитных товаров широкого потребления, а также с нелегальной скупкой и перепродажей иностранной валюты, ювелирных изделий, антиквариата, импортной одежды и обуви. Судьба арестованных организаторов и участников такого бизнеса, а также «крышевавших» его чиновников решалась на судебных процессах, прошедших в начале 1960-х гг. в Москве и других городах. Поскольку среди главных обвиняемых, которым выносились смертные приговоры, оказалось немало евреев, на Западе возникла уверенность в том, что эти суды были антисемитскими. Однако подобная версия противоречит реальным фактам, что и доказывается в данной статье.

Mobilizing society for the implementation of the project of "building communism", the leadership of the USSR, headed by Khrushchev, sharply intensified the fight against the underground production of scarce consumer goods, as well as illegal buying and reselling of foreign currency, jewelry, antiques, imported clothes and shoes. The fate of the arrested organizers and participants in such a business, as well as the officials who "covered" it, was decided at trials that took place in the early 1960s, in Moscow and other cities. Since there were many Jews among the main defendants who were sentenced to death, there was a certainty in the West that these trials were anti-Semitic. However, this version contradicts the real facts, which is proved in this paper.

Ключевые слова: СССР; Никита Хрущев; коммунистический миф; экономика; нелегальный бизнес; «экономические» судебные процессы; «валютчики»; «цеховики»; «трикотажники»; КГБ; Бертран Рассел; еврей; антисемитизм; Киргизия; Израиль.

Key words: USSR; Nikita Khrushchev; communist project; illegal business; "economic" trials; "valutchiki"; "tsekhoviki"; "trikotajniki"; KGB; Bertrand Russell; Jews; anti-Semitism; Kyrgyzstan; Israel.

E-mail: genkost@mail.ru

**Закручивание
законодательных гаек**

Очистив Президиум ЦК КПСС от влиятельных при И. В. Сталине В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, а также от главы

Совета Министров СССР Н. А. Булганина, захвативший его пост первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев окончательно превратился в 1958 г. в авторитарного правителя. С тех пор он, прежде неплохо разгребавший сложные, порожденные сталинизмом проблемы, все более впадал в опасное для страны прожектерство, погружая страну и народ в призрачную иллюзию строительства коммунизма. По его отмашке был объявлен «последний решительный» всем «пережиткам» «исторически обреченного капитализма», включая «недовыкорчеванное» и «затаившееся» в подполье частное предпринимательство. Прелюдией стало принятие 14 апреля 1956 г. постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промысловой кооперации», инициировавшее огосударствление соответствующих артелей. Зачарованное идеологемой о государственной собственности как более прогрессивной в сравнении с кооперативной, хрущевское руководство по сути уподобилось хозяину, который режет курицу, несущую золотые яйца. Правда, подобный *modus operandi* обуславливался не столько заскорузлым догматизмом Хрущева, Суллова и других советских политиков высшего ранга, сколько их очевидным стремлением радикально покончить с гипертрофией экономической преступности, которую считали коренящейся в социальной природе кооперации. И вроде бы действительно администраторы артелей, будучи менее скованы законодательством в финансово-хозяйственном плане, чем их коллеги на госпредприятиях, заметно чаще последних шли на криминальные корыстные действия (махинации с хищением социалистической собственности, подкуп госчиновников и т. д.). Вместе с тем кооперативы, производившие, например, текстильно-трикотажный ширпотреб, были куда более экономически эффективнее, чем выпускавшие аналогичную продукцию фабрики местной промышленности, туго спеленатые чрезмерной бюрократизацией управления, производственными сверхзатратами, игнорированием потребительского спроса населения.

Однако, не собираясь вникать в суть проблемы, прагматично взвешивая все за и против, Хрущев со свойственной ему прямолинейностью пошел в 1960 г. уже на полную ликвидацию промысловой кооперации, в очередной раз выплеснув вместе с водой ребенка. Произошло тотальное свертывание кооперативного сектора, производившего до 6 % ВВП, в том числе 37 % трикотажных изделий и около 40 %

мебели, и ежегодно дававшего продукции (в основном массового потребления) на более чем 20 млрд руб. После закрытия свыше 44 тыс. артелей и мастерских было передано в систему местной промышленности. Фактически на точке замерзания оказалась и вся индивидуально-трудовая деятельность, легитимированная только Конституцией 1977 г. [9, с. 1194; 27].

Однако расчет властей на то, что с запретом кооперации сама собой заглохнет и порождаемая ею частнопредпринимательская активность, не оправдался. Напротив, та, демонстрируя чудеса адаптации, благополучно пережила все перипетии преобразований «материнских» кооперативных предприятий в государственные. Хуже того, глубже уйдя в подполье, стала более коррупциогенной, чем прежде. Все это Хрущев не мог не воспринять как дерзкий вызов его коммунистическому проекту и потому прибегнул к силовым методам, мало чем уступавшим по жесткости сталинским. Как счел впоследствии видный деятель советской юстиции В.И. Терехов (заместитель Председателя Верховного Суда СССР в 1960-е гг.), именно Хрущев был ответственен за закручивание гаек в годы, когда «единоличное правление государством все еще шло в гору» [11, с.107].

Весной 1960 года в ведение КГБ были переданы из МВД все полномочия по оперативной разработке и расследованию незаконных валютных операций, контрабанды и крупных экономических преступлений. А 5 мая 1961 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями», вводивший «применение смертной казни – расстрела: за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах...» Закрепление этой кары в УК РСФСР произошло с введением в него 25 июля 1962 г. новой статьи 931 (предусматривала «вышку» с конфискацией имущества)¹.

Атака на «трикотажников»

И вот по мере такой мобилизации сил и средств советской юстиции и госбезопасности стали выявляться одно за другим резонансные «экономические» преступления, причем как в Москве и других городах европейской части страны, так и на национальных окраинах, где в «крышевании» нелегального бизнеса участвовало, уповая, видимо, на отдаленность от союзного центра, и высшее местное руководство.

¹ Особо крупными считались хищения на сумму свыше 10 тыс. рублей [2].

Наиболее громкое такого рода дело возникло в Киргизии, откуда Хрущев получил в конце 1960 г. тревожный сигнал о коррупционной опеке подпольного трикотажного синдиката местными высокопоставленными функционерами, включая и правоохранителей. Немедленно во Фрунзе (ныне Бишкек) была направлена бригада оперативников и следователей КГБ при СМ СССР. И те, получив, очевидно, инструкцию о решительных действиях, сразу по прибытии на место открыли уголовное дело (известное потом как «трикотажное» или «киргизское») и приступили к арестам подозреваемых. Во многом на основании полученных от них показаний был смещен 25 мая 1961 г. «за допущенные крупные ошибки и недостатки в руководстве партийной организации республики» первый секретарь ЦК КП Киргизии И.Р.Раззаков (1910–1979). Но поскольку его не арестовали, вскоре он объявился в Москве в скромном качестве начальника отдела Государственного научно-экономического совета при СМ СССР [8, с.614].

Самые крупные нарушения советского законодательства были выявлены на двух трикотажно-ткацких фабриках местпрома Киргизии – Аламединской и Кызыл-Аскерской им. 42-й годовщины Октября (бывших артелях) потребительской кооперации. На них, согласно вскрывшимся фактам, минимум как 4 года происходил выпуск неучтенной («левой») продукции – постельного белья, тюля, ковровых дорожек, гардинного полотна, мужских носков, других дефицитных текстильных и трикотажных изделий.

Цех кройки Аламединской трикотажно-ткацкой фабрики. 1959 г.

Всего по «трикотажному» делу проходил 51 человек, причем каждый третий был евреем. Ключевой фигурант – начальник трикотажного цеха Аламединской фабрики Матвей (Мордка) Гольдман, арестованный вместе с братом и бригадиром того же цеха А.-У.Гольдманом. Было установлено, что на указанных фабриках только в 1957–1960 гг. было изготовлено нелегальной продукции на более чем 800 тыс. «новых», ходивших с 1961 года, рублей. Готовый товар сбывался в магазинах и на рынках через «своих» продавцов, которых как соучастников также арестовали [24, с.258–259; 12]. «Крышеванием» теневого бизнеса на этих фабриках занимались наряду с администрацией (директорами, бухгалтерами и др.) и высокопоставленные представители республиканских органов власти (ЦК КП, Совмина, Госплана, совнархоза, прокуратуры, милиции, Комиссии советского контроля), получившие за это в виде взяток свыше 100 тысяч рублей.

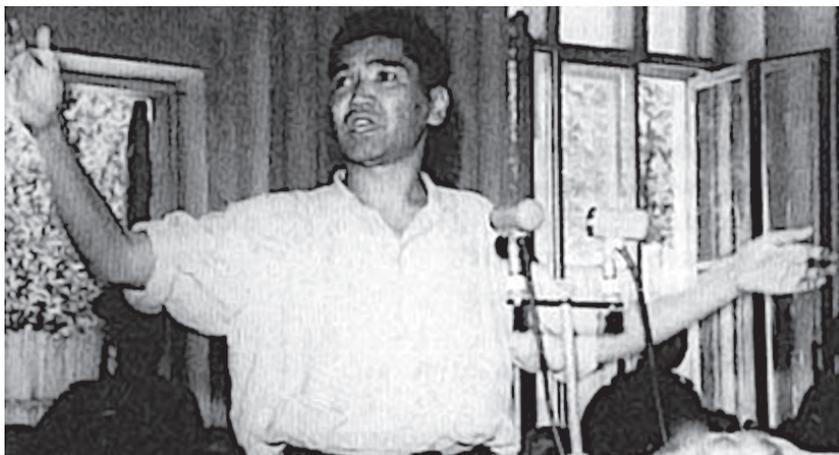

Работники Аламединской фабрики. Конец 1950-х гг.

Во главе трикотажного мафиозного спрута в Киргизии стоял председатель республиканского Госплана Б.Д. Дюшалиев (1920–1962)², щедро выделявший преступавшим закон бывшим кооператорам сверхустанов-

² Существует версия, что «дело трикотажников» было спровоцировано скандальным инцидентом, произошедшим с Дюшалиевым в Москве 19 июня 1958 г. Ночью того дня он, будучи в командировке, был задержан милицией за то, что, находясь в такси, стал демонстративно угрожать водителю боевым пистолетом. МВД СССР проинформировало о случившемся ЦК КПСС, откуда, видимо, соответствующая «ориентировка» была

ленные фонды на остродефицитное сырье и материалы. Вместе с другими избобличенными чиновниками он предстал 5 марта 1962 г. перед выездной сессией судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР. Заседавшая во Фрунзе под председательством Б. С. Цирлинского коллегия зафиксировала общий ущерб, нанесенный государству по «трикотажному делу», в сумме 3,2 млн рублей (подсчет производился исходя из розничной стоимости всей выявленной «левой» продукции). По приговору, вынесенному 13 июля 1962 г., 21 осужденный получил высшую меру наказания, а 30 – различные сроки заключения, от 8 до 15 лет. Но так как 2-м «смертникам» «вышку» заменили, как участникам войны, на лагеря, реально расстреляли 19 человек, включая Дюшалиева. 14 из них оказались евреями (братья Гольдманы, директор Кызыл-Аскерской фабрики Л.Фельдшер, начальник ткацкого цеха Аламединской фабрики И. Штрамвассера и др.) [8, с.202; 13, с. 128].

Председатель Госплана Киргизской ССР Б.Д.Дюшалиев

В книге израильской исследовательницы Е. Эвельсон³, да и в некоторых других подобных работах, написанных в политизирован-

направлена на Лубянку. Верховный суд Кыргызстана отказал в 1999 г. родственникам Дюшалиева в его реабилитации [14].

³Евгения Эвельсон начинала карьеру как ученый-правовед, в середине 1950-х гг. перешла в адвокатуру, возглавив Московский институт повышения квалификации адвокатов. С 1964 г. участвовала в качестве защитника в процессах по так называемым «экономическим делам». Подготавливая впоследствии книгу о них, она использовала главным образом материалы советской прессы, открытые законодательные акты СССР и со-

ной остропублицистической манере, уверенно постулируется то, что «дело трикотажников» в Киргизии и другие такие же дела с фигурантами-евреями – следствие антисемитской политики властей [24, с. 263]. В том же духе и без ссылки на конкретные данные в израильской «Краткой еврейской энциклопедии» утверждается, что «число неевреев, приговоренных к смертной казни за аналогичные («экономические». – Г.К.) преступления, было незначительным» [10, с. 261]. Неудивительно, что в такого рода литературе нет упоминания том, что в начале 1960-х гг. во Фрунзе проходила, наряду с судебным процессом под председательством Цирлинского, и выездная сессия Верховного Суда СССР во главе с Г. З. Анашкиным, рассмотревшая в закрытом режиме дело о взятках и коррупции в республиканских органах внутренних дел и прокуратуры⁴. Так вот, среди приговоренных ею к расстрелу семи высокопоставленных чиновников евреев не было [11, с. 108–109].

Судя по заклинкам официальной пропаганды о непримиримой борьбе со всем, что препятствует успешному строительству коммунизма, вполне очевидно, что главной мотивацией решений Хрущева о высадке мощного десанта московских силовиков во Фрунзе, возбуждении «трикотажного дела» и снятии руководителя Киргизии была отнюдь не разборка с группой местных евреев-«расхитителей» во главе с начальником цеха, а пресечение в органах власти республики коррупции – грозной напасти, которая вопреки повсеместным лозунгам об успешном строительстве коммунизма уже тогда исподволь интенсивно подтачивала советскую империю, приняв системный универсальный характер. Нельзя согласиться с известным израиль-

юзных республик, а также сведения, почерпнутые из интервью с евреями-эмигрантами, собственные воспоминания и личные адвокатские рабочие записи. При этом ей не были доступны советские архивные документы И, не обладая достаточной информацией, она принимала на веру циркулировавшие в еврейской среде слухи и легенды, воспроизводя их в книге без верификации и должного критического анализа. В результате многие описанные в ней события не имеют датировки, и она содержит, скажем, голословный домысел о том, что в 1962 г. некое «Управление КГБ № 7» (его якобы в том же КГБ называли «еврейским»; реальное 7-е управление специализировалось на «наружном наблюдении» и охране дипкорпуса) направило на места «специальную директиву», иницировав «глобальную» репрессивную кампанию, носившую «откровенно выраженный антисемитский характер» [24, с. 81]. Подобные aberrации в сочетании с явной пристрастностью Эвельсон – эмигрантки, пострадавшей от советской власти, не могли не привести в ее исследование определенную дефектность, снизив научное качество.

⁴По этому делу были арестованы, отнюдь не по этническому признаку, 30 чиновников, в том числе начальник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Управления милиции МВД Киргизии Садыков.

ским публицистом и историком М.Р.Хейфецем (1934–2019) писавшим: «...Никита, как его ни оценивай, обладал подлинным политическим чутьем на возможные опасности, и первым, а тогда просто единственным, уловил смертельную угрозу, в конце концов развалившую советскую власть и Союз ССР. Со своей, то есть с советской, точки зрения, он выглядит сегодня абсолютно правым» [20]. Не будь Хрущев, М.А.Суслов, другие советские руководители закоснелыми догматиками и обладай они достаточным здравым смыслом, не говоря уже о политической мудрости, то наверняка бы поняли, что настоящая угроза существованию Советского Союза исходит не от ненавистной им, но объективно социально детерминированной частнопредпринимательской активности, а от вредного для страны ее насильственного сдерживания. И если бы в Кремле осознали бесполезность борьбы с ней, и, легализовав реформированием, задействовали в развитии страны (как это было в Китае!), то в 1980-е, скорей всего, не возникло бы «узбекское хлопковое» дело и другие ему подобные, а в 1991-м, возможно, даже не случился распад СССР.

Но история, как известно, не признает сослагательной модальности, а установление истины невозможно без объективного и беспристрастного анализа фактов. Исследуя посредством такой оптики «трикотажное дело», невозможно не признать очевидного – арестованные по нему евреи пострадали прежде всего в силу традиционной приверженности торгово-ремесленническому бизнесу и лишь в минимальной степени из-за этнического происхождения. Примерно подобное наблюдалось и при сломе нэпа в конце 1920-х гг., когда евреи стали объектами нападков и гонений в значительной мере вследствие явно повышенной вовлеченности в частное предпринимательство. И вот своего рода реприза произошла спустя три десятилетия, когда частное предпринимательство, пусть и трансформировавшееся в рудимент, в очередной раз было объявлено в СССР «проклятием капиталистического прошлого» и подлежало выкорчевыванию, уже тотальному и потому более безжалостному, чем даже при Сталине. Его преемник Хрущев, сверх разума увлекшийся химерой коммунизма, искренне вообразил себя спасителем советской власти от «буржуазного разложения». 19 февраля 1962 г. он направил в Президиум ЦК КПСС записку, где, изложив тревожные факты разрастания коррупции в Госплане, других ведомствах, включая и правоохранительные, потребовал в качестве противоядия по максимуму ужесточить надзор за ними. Так в декабре 1962 г. образовался Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР

[16, с.219–221]. Главой этого аппаратного монстра Хрущев назначил А.Н.Шелепина, ставшего потом по иронии судьбы одним из главных его политических могильщиков.

20 февраля 1962 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», предусматривавший ужесточение кары за мздоимство вплоть до расстрела с конфискацией имущества [4]. Информировав об этом партийные массы, ЦК КПСС разослал 29 марта во все региональные организации закрытое письмо «Об усилении борьбы с взяточничеством и разворовыванием народного добра», в котором фигурировали разоблаченные «дельцы» как с еврейскими фамилиями, так и с русскими, грузинскими, киргизскими, узбекскими и др. [8, с.199–209].

К тому времени «трикотажный» синдром был выявлен не только в Киргизии, но также на Украине, в других национальных регионах. Он поразил даже центр страны, прежде всего Москву и столичную область, где наиболее крупные аферы были вскрыты в универмаге «Москва», на Перовской швейно-трикотажной фабрике № 11, в психоневрологическом диспансере (ПНД) Краснопресненского райздравотдела г. Москвы. В результате было возбуждено несколько уголовных дел, по которым проходили десятки фигурантов. Сумма ущерба, установленная следствием только по фабрике № 11, составила почти 2,8 млн «новых» рублей. На самом громком процессе, состоявшемся в октябре – декабре 1963 г. по первому делу о Перовской швейной фабрике № 11 (более 20 обвиняемых) было заявлено об изъятии у подсудимых ценностей из тайников на 3,5 млн рублей (более 100 кг. золота в слитках, 300 карат бриллиантов, 500 тыс. рублей в упаковках Госзнака и пр.). Организатору подпольного синдиката Б.И.Ройфману (директор фабрики № 11) и его ближайшему помощнику Ш.Шакерману (зав. лечебно-трудовыми мастерскими Краснопресненского ПНД и, кстати, племяннику одесского налетчика времен Гражданской войны Мишки Япончика) были вынесены смертные приговоры. Такая же участь постигла П.Г.Ордера, Б.Пугача, А.М.Когана (проходили по второму делу Перовской фабрики № 11), а также А.Хейфеца и Ю.Евгеньева (дело универмага «Москва»). Хотя выяснилось, что масштабирование бизнеса этих и других «цеховиков» стало возможно только благодаря покровительству им за многотысячные взятки высокопоставленных функционеров из МВД и других ведомств, однако последние отделались в основном лишь утратами должностей⁵.

⁵Подробно: [24, с.65–130].

**Борьба с «валютчиками»:
дело Рокотова и др.**

Но Хрущева тревожили не только альтернативное частное производство ширпотреба и поразившая чиновничество коррупция. Серьезную

угрозу «развернутому строительству коммунизма» видел он и в черном рынке драгметаллов, драгкамней и иностранной валюты⁶, самопроизвольное возрождение которого было связано с VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов в Москве. Прошедший в 1957 г., он знаменовал собой отход от прежней сталинской политики полной изоляции советского общества от внешнего мира. Как следствие, была нарушена, пусть и незначительно, герметичность «железного занавеса» и через образовавшуюся трещину потек ручеек иностранных граждан (туристы, деловые люди, студенты и военные из развивающихся стран). Начав посещать СССР на регулярной основе, они обеспечили стабильный приток зарубежной валюты в Москву, Ленинград и другие крупные города европейской части страны и через неформальные бизнес-контакты с местным населением активировали спящий вирус «золотой лихорадки».

Правда, пока валютные махинации не набрали обороты, они мало привлекали к себе внимание властей. Все изменилось в конце 1960 – начале 1961 гг., когда по указанию Хрущева была подготовлена и проведена деноминация рубля (со скрытой девальвацией) в пропорции 10 к 1. На фоне этой реформы, сопровождавшейся пропагандистской бравადой об исторических достижениях социализма, позволивших «ударить укреплением рубля» по доллару США (официальный курс последнего

⁶ Несмотря на ликвидацию к началу 1930-х гг. Сталиным сколько-нибудь организованной черной валютной биржи и насильственное изъятие властями золота и других ценностей у населения, нелегальный валютный обмен в стране все же продолжал минимально существовать. Более того, заметно активизировался после включения в СССР в 1939–1940-х гг. восточных провинций Польши и Румынии, а также стран Прибалтики. Там состоятельные люди вынуждены были продавать с рук свои ценности, чтобы нормально питаться, одеваться и просто как-то существовать в условиях хронического дефицита товаров широкого потребления. Эти же старые капиталы помогли выжить и тем немногочисленным счастливицам из числа польских и других восточноевропейских евреев, которые смогли эвакуироваться на восток в начале Великой Отечественной войны. Правда, некоторые из них, попав, например, в Среднюю Азию, развернули масштабные незаконные операции с ценностями. Именно таковых и имел в виду нарком внутренних дел Л.П.Берия, когда 4 мая 1944 г. докладывал Сталину об аресте в Ташкенте «спекулянтов-валютчиков, бывших раввинов И.И. Сандлера и Полищука, и группы расхитителей государственной собственности, скупавших золото и валюту» [1, л. 17]. Из барышников подобного рода, точнее, тех из них, кому повезло тогда избежать тюрьмы и кто не стал возвращаться после войны в Восточную Европу, как раз и вышли создатели теневого «трикотажного» бизнеса в Киргизии.

трансформировался с 4 рублей до 90 копеек⁷, то есть как бы был снижен), нелегальная погоня за американскими деньгами стала восприниматься эмоционально взрывным лидером СССР как личный вызов. В результате, чтобы продемонстрировать неизбежность экономического могущества советского государства и «обуздать распоясавшихся валютчиков», решено было устроить против них показательный судебный процесс. 19 мая 1961 г. «Правда» и другие центральные газеты вышли с первополосным сообщением ТАСС:

«В Комитете Государственной Безопасности и Прокуратуре СССР.

Комитетом Государственной Безопасности при Совете Министров СССР арестованы и привлечены к уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях и спекуляцию валютными ценностями в крупных размерах Рокотов Я. Т., Файбишенко В. П., Эдлис Н. И., Попов С. К., Лагун И. И., Паписмедов И. М., Паписмедов Ш. О., Паписмедов Я. О., Ризванова М. Л. ...При обыске у них изъято золотых монет общим весом 12 килограммов, большое количество иностранной валюты, советских денег и других ценностей. Как установлено следствием, эти преступники скупили и перепродали иностранной валюты и золотых монет в общей сложности более чем на 20 миллионов рублей (в старых деньгах). Привлеченные к уголовной ответственности лица продолжительный период времени не занимались общественно-полезным трудом, вели паразитический образ жизни, разлагающе влияли на отдельных неустойчивых граждан и, вступая в преступные связи с иностранцами, унижали достоинство советских людей».

До всеобщего сведения доводилось также и об окончании следствия по «валютному делу» и передаче его в Мосгорсуд. Главным обвиняемым считался публично не известный тогда Рокотов, доля личных средств которого во вскрывшемся незаконном обороте валюты и золота была наибольшей – свыше 12 млн рублей из 20 [26].

Что же представлял собой этот советский «король иудейский»? Жизнь Яна Тимофеевича Рокотова (1927–1961) не задалась с самого начала. Когда в три месяца от роду он лишился матери, то был передан отцом, старым большевиком, евреем Александром Львовичем Орликовым, на воспитание бабушке (матери отца), а после ее смерти тете Еве (се-

⁷ Американский доллар, который в рамках Бреттон-Вудской международной финансовой системы (действовала в 1945–1975 гг.) обеспечивал мировой золотовалютный стандарт – 35 долларов за тройскую унцию золота (31,1 грамма), котировался на черной бирже Москвы отнюдь не по курсу Госбанка СССР, а по рыночному – 1 к 40–60 рублям (на конец 1950-х гг.). Да и после денежной реформы 1961 г. его нелегальная стоимость в рублях была в 2–4 раза выше официальной.

стре отца). И поскольку муж последней, литературный критик Тимофей Адольфович Рокотов (1895–1945; ответственный редактор журнала «Интернациональная литература» в 1938–1939 гг.) усыновил Яна, его отчество и фамилия соответствующим образом изменились. В семь лет Рокотов лишился из-за случайной травмы глаза, получив на всю жизнь кличку «Косой». Оформляя в 16 лет паспорт, записал себя украинцем: в соответствии с этническим происхождением матери – уроженки Киева. В 1945 г. окончил среднюю школу и собирался поступить на юридический факультет МГУ. Однако, совершив мелкое правонарушение, получил по уголовной статье 3-летний лагерный срок, а потом еще и 8-летний, но уже по политической (58-й). Выйдя после смерти Сталина на свободу, занялся перепродажей букинистических книг, но из-за малоприбыльности этого занятия вскоре от него отказался, переключившись на сулившие относительно легкое и быстрое обогащение нелегальные сделки с валютой. Ради преуспевания в новом бизнесе Ян Косой стоически презрел расточительность и связанные с нею человеческие соблазны. Обладая огромными средствами, проживал в скромно обставленной комнате коммунальной квартиры, подолгу ходил в заношенном костюме, позволяя себе лишь такие «слабости», как посещение ресторанов и поездки на такси.

Проявив недюжинные способности в перезапуске подпольного валютного бизнеса в СССР, Рокотов стал подпольным миллионером, что позволило ему занять в нем верхнюю иерархическую ступень, войдя в элитный разряд так называемых купцов. Поскольку таковые, дабы лишний раз не привлекать к себе внимание властей, не участвовали в мелких сделках, Рокотов предпочитал «играть на бирже» только по-крупному. Самолично он вел, например, дела с арабскими офицерами, обучавшимися в военных академиях Москвы и контрабандно ввозившими из-за рубежа партии золотых монет (до 500 шт.) – царских имперIALов и полуймперIALов, английских «джорджиков» /«лошадок» (соверены с Георгом V на аверсе и конной фигурой св.Георгия на реверсе), а также непосредственно контактировал с американскими дипломатами, обменивая доллары на рубли по выгодному для тех курсу, встречался с «королями» черных рынков Прибалтики и Грузии.

Крупным «купцом» считался и В. П. Файбишенко (1936–1961). Но, уступая Рокотову по жизненному опыту и накопленным средствам, имел среди им подобных куда меньший «рейтинг». Совершенные Файбишенко валютные операции КГБ оценил в 1 млн дореформенных рублей [26]. Еврей по происхождению, он, окончив Московский энергетический

техникум, тоже решил попытаться счастья на ниве рискованного обогащения. Грея руки на первых порах на сделках с раритетной живописью, Файбишенко величал себя на «шикарный» манер «Буонаротти», хотя для приятелей он был просто «Владик» и «Червончик».

Еще одной «акулой» столичной черной биржи слыл Д. Д. Яковлев (1927–1961). Этнический русский, он еще в буржуазной Прибалтике родился в зажиточной интеллигентной семье, владел тремя иностранными языками и на момент ареста был аспирантом Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Партнеры по теневому бизнесу уважительно называли его «Дим Димычем». Когда в январе 1959 г. Яковлев впервые был задержан при продаже поддельного пейзажа И. Айвазовского, МВД завербовало его, дав оперативный псевдоним «Антиквар». Под ним Яковлев сотрудничал и с КГБ, чье руководство хоть и пошло под нажимом ЦК КПСС на его арест в ноябре 1960 г., но явно намеревалось спустить дело на тормозах (для чего выделило такое в отдельное производство), надеясь и впредь использовать обширные иностранные связи этого ценного агента. Однако Хрущев, несмотря на заступничество шефа госбезопасности Шелепина, приказал летом 1961 года вынести Яковлеву смертный приговор, что и было сделано на отдельном процессе.

Ниже «купцов» по рангу стояли «посредники» («шефы»)⁸, скупавшие валюту у мелких фарцовщиков⁹ («бегунков», «рысаков»), которые, в свою очередь, «бомбили» иностранцев на «плешке» («пяточок») у столичных отелей «Националь» и «Москва»), прося продать несколько долларов (фунтов стерлингов и т. д.), а также носильную «фирму» (джинсы и проч.). Подобные приставания к зарубежным визитерам приняли столь массовый и вызывающий характер, что о них стало известно в Кремле. По некоторым данным, прибывшие в СССР в 1959 году американские левые интеллектуалы А. Ю. Кан и В. Перло посетовали соответственно Сулову и А. И. Микояну на разгул валютно-вещевого торга с рук в самом центре Москвы [15, с.115].

Подобные жалобы наряду с прочим и подтолкнули в январе 1960 года Хрущева ликвидировать МВД СССР, а в мае передать Лубянке ставший бесхозным контроль за оборотом валюты. Так в составе 2 Главного

⁸ Одной из таких «посредниц» была Надежда Эдлис, которая вместе с мужем С. К. Поповым добывала для Рокотова золотые турецкие лиры.

⁹ Фарцовщик (форсельщик) – производное от фразы, с которой «бегунки» обычно обращались по-английски к иностранцам: “Have you anything for sale?” («Имеете ли вы что-либо на продажу?»).

управления КГБ появился 16-й отдел (по борьбе с контрабандой и обеспечению законности валютных операций). Во главе поставили С.М. Федосеева (1915–1998) – опытного профессионала, возглавлявшего в годы войны отдел по борьбе с немецкой разведкой УНКГБ Москвы. К концу 1960 года тот уже имел полное представление о подноготной «валютных королей», включая Яковлева и Рокотова. Знал он и том, что эти двое, будучи тайными осведомителями УБХСС ГУВД г. Москвы, «крышуются» за взятки руководителями этого ведомства, в том числе и начальником столичного УБХСС Исуповым (был снят с должности).

Ввиду того что Рокотов, Яковлев и другие объекты оперативной разработки были тесно связаны с влиятельными номенклатурными и дипломатическими кругами, КГБ решил «брать» их только с личным, что называется, навняка. Первым задержали Файбишенко, который был полностью изболжен благодаря случайному обнаружению его тайника с валютой и другими ценностями. Однако, поскольку он не спешил «сдать» Рокотова, тот за отсутствием веских улик пока оставался на свободе. Но сотрудники госбезопасности намеренно усилили слежку за ним, чем ввергли в панику, понудив заняться, пренебрегая конспирацией, экстренным перемещением накопленных капиталов в наиболее укромные места, чтобы «налегке» пуститься в бега или просто на какое-то время «залечь на дно».

При таких обстоятельствах и был арестован Рокотов. Его «взяли» 8 декабря 1960 г. в камере хранения Ярославского вокзала, когда он забирал обратно свой заветный чемодан со всеми накопленными сокровищами. В нем, согласно материалам следствия, находились: иностранная валюта – 1 524 доллара, 500 фунтов стерлингов, 3 345 новых французских франков (выпускались с 1960 г.) и 133 000 старых, 8 400 бельгийских франков; сберегательные книжки на предъявителя с депозитами на 344 000 рублей; 1 524 золотых монет; кольца, ожерелья, иконы, иные предметы, украшенные бриллиантами и другими драгоценными камнями, всего ценностей на общую сумму 12 млн рублей.

Доложив Хрущеву об успешной ликвидации московской черной биржи, руководство КГБ не только подготовило обстоятельную справку к специально созванному заседанию Президиума ЦК КПСС, но и организовало в Кремле выставку изъятых впечатляющих «вещдоков». 31 декабря 1960 г. Шелепин ознакомил с этой экспозицией Хрущева и других высших советских руководителей [19, с.22]. А уже с 1 января 1961 г. вступили в силу новые уголовные кодексы РСФСР и других союзных

республик, зафиксировавшие увеличение срока лишения свободы за спекуляцию валютой с 3 лет до 8.

Такое ужесточение наказания не должно было коснуться Рокотова с подельниками, не подпадавших под него в силу классического правила о не придании закону обратной силы¹⁰. Однако Хрущев предпочел действовать не по канонам права, а в духе пресловутого «волюнтаризма», то есть исходя из собственного хотения, навеянного в данном случае политической целесообразностью максимально свирепой расправы над «главарями валютчиков». Тем самым он не только посылал устрашающий меседж все более коррумпировавшейся бюрократии, но и делал популистский жест «массам», чьи симпатии надеялся приумножить, устроив крутую разборку с «жирными котами».

Очевидно, подражая Сталину, Хрущев явно горел желанием эмоционально встряхнуть советское общество, явив ему действие в духе показательных процессов времен «большого террора» 1930-х гг. Подготавливая подобную реминисценцию, Хрущев инициировал ужесточение законодательного преследования частного предпринимательства, прокламируемого теперь чуть ли не как одна из главных угроз государственной безопасности. Президиум Верховного Совета СССР нарастил 25 марта 1961 г. предельный срок лишения свободы за крупные, в виде промысла, незаконные операции с валютой и ее контрабанду, увеличив с 8 до 15 лет, а также расширил ранее установленный диапазон конфискации: со средств, полученных «валютчиком» только непосредственно в «промысле», до всего принадлежащего ему имущества.

Руководствуясь этим указом, Мосгорсуд приступил 31 мая 1961 г. к рассмотрению в открытом заседании дела по обвинению Рокотова, Файбишенко, Эдлис и других. Процесс широко освещался в центральной прессе, запестревшей такими заголовками статей: «Перед ответом» («Правда»), «На жесткой скамье» («Известия»), «Ян Косой и другие» («Труд»). Приговор был оглашен 15 июня. Рокотов, Файбишенко, Эдлис получили по максимальному 15-летнему сроку лишения свободы, а остальные 6 подсудимых отделались по 6–8 лет заключения. Также проходивший по делу муж Эдлис Попов был освобожден еще до суда за сотрудничество со следствием и дачу признательных показаний [24, с. 272–273].

¹⁰ *Этот универсальный принцип, гласящий – наказание за преступление не должно определяться более жесткими законами, изданными после его совершения, – признавался и советским правом [6, ст. 6, с.5–6].*

Процесс над «валютчиками». Выступает В.П.Файбишенко. Июнь 1961 г.

Казалось, что столь суровые кары советского правосудия в отношении Рокотова и его поделщиков, должны были умягчить Хрущева, однако этого не произошло. К несчастью для подсудимых, эмоционально лабильный советский лидер еще в начале июня побывал в Австрии, где встретился с президентом США Д.Кеннеди в связи с обострением проблемы Западного Берлина (вокруг него в августе 1961 года будет сооружена пресловутая стена!). Выступая по окончании переговоров на пресс-конференции, Хрущев оседлал любимого конька антикапиталистического пропагандистского резонерства – наряду с прочим стал сокрушаться по поводу того, что «"под крылышком" англо-франко-американских оккупационных властей Вена превратилась "в грязное болото спекуляции", где черная биржа "правит бал"». На что один из западных журналистов язвительно парировал: «Такой черной биржи, как ваша – московская, не сыскать во всем мире...» [19, с.22; 17, с.88].

Эта ехидная фраза так глубоко проняла Хрущева, что, возвратившись 5 июня в Москву, он уже в аэропорту потребовал от председателя КГБ Шелепина срочно доложить о борьбе его ведомства с незаконным валютным оборотом. Последней каплей, переполнившей чашу гнева Хрущева, стали газетные публикации 16 июня о состоявшемся накануне упомянутом решении Мосгорсуда. Оно вызвало у него, жаждавшего крови «воротил черной биржи» и в первую очередь Рокотова, как главного фигуранта, приступ яростного неистовства. Негодование так распирало Хрущева, что с «либерализмом», проявленным руководством советской юстиции в борьбе с «экономической диверсией», он решил экстренно

разобраться на Президиуме ЦК КПСС. И хотя заседание этого партийного синклита должно было пройти на уже следующий день и его повестка была сформирована, Хрущев приказал срочно включить в нее пункт о валютчиках, вызвав для доклада (фактически для «снятия стружки») генерального прокурора СССР Р.А. Руденко и председателя Верховного Суда СССР А.Ф. Горкина.

Когда Президиум ЦК собрался 17 июня 1961 г. в Кремле, вначале были обсуждены проект новой программы партии и сводный план жилищного строительства в СССР. Их по сути запрограммированное одобрение прошло без каких-либо эмоций, если не сказать, вяло. Однако все резко изменилось после того как в конце заседания речь зашла о валютчиках. Объявив об этом оставленном «на десерт» пункте, председательствующий Хрущев, стал резко нагнетать страсти, возглашая: «Теперь, товарищи, 9-й вопрос – о борьбе с преступностью... <...> Я вчера читал в газете "Из зала суда". Я возмущен, как это можно: дали 15 лет, через 5 лет¹¹ он (Рокотов. – Г.К.) будет на свободе» [7, с.525].

Но в настоящий раж Хрущев вошел, вступив потом в диалог с Руденко:

«Н.С.Хрущев. <...> Товарищ прокурор. Вы что, будете свою политику проводить или будете слушать ЦК?

Руденко. Мы вносили по вопросу валютчиков специальный проект, не утвердили, установили максимум 15 лет, без смертной казни...

Хрущев. Да пошли вы к чертовой матери, простите за грубость. Народу стыдно в глаза смотреть, народ возмущается. Грабители грабят, а вы законы им пишете. <...> Ишь какие либералы стали, чтобы их буржуазия хвалила, что они никогда не расстреливают... Хотите, я общественным обвинителем выступлю с требованием расстрела, не боюсь, а вы боитесь. Я думал, расстреляют этих мерзавцев, читаю – 15 лет. Так вы же поощряете других. <...> Как это, товарищи, мы в советском государстве... не можем этих жуликов унять. <...>

Руденко. Как бы вы меня ни ругали, но, если закон не установил смертной казни, мы не можем ее применить. Вопрос о валютчиках обсуждался в Президиуме [ЦК КПСС], применять ли смертную казнь или не применять. Было принято [во внимание], что за историю Советской власти никогда не было таких случаев, поэтому не вводить. <...>

Хрущев. Значит, либералы мы. Я не знал этого. <...> Я считаю, Президиум [ЦК КПСС] побоялся проявить мужество, слиберальничал. Это не годится, это не повышает, а понижает наш авторитет. Да, я высту-

¹¹ Так в тексте. Возможно, Хрущев имел в виду условно-досрочное освобождение.

пал, что жестоко. А теперь разве это жестокость? Человек (Рокотов? – Г.К.) разложился, ничем не занимался, с малых лет начал спекулировать. Ему только одно место – в гробу. Вы его оставили. 15 лет его надо кормить, иметь отдельную камеру, держать солдат для охраны... <...> У крестьян есть поговорка – "худая трава с поля вон". Пересмотрите... <...> Сталин в этих вопросах правильную занимал позицию. Он перегибал палку, но преступников мы никогда не щадили. Бить по врагам надо беспощадно и метко. <...> Пусть печать выступит и разделает (так в тексте. – Г.К.) приговор суда, что народ возмущается.

Руденко. Не надо этого делать, потому что лучше по существующим законам мы посмотрим.

Хрущев. У меня есть старый приятель, вместе на Донбассе работали. Он меня спросил, почему не расстреливаете этих варваров? Ты думаешь, народ будет осуждать, ты боишься запачкать руки в крови? Нет, народ этого ждет, требует, вот пусть расстреляют. <...> Надо поручить Секретариату: воспользоваться пленумом, записку раздать и поговорить с секретарями, чтобы поднять гнев. <...> Надо перешерстить к чер-

Н.С.Хрущев

товой матери МВД, милицию, выгнать жуликов, послать свежих людей с тем, чтобы независимо от того, кто руководит... они обслуживали наше государство, а не уголовный мир» [7, с.525–529]¹².

¹² *Столь пространное цитирование стенограммы заседания Президиума ЦК от 17 июня 1961 г. обусловлено необходимостью документального опровержения возникших то-*

Оказывая беспрецедентный прессинг на руководителей юстиции, Хрущев обвинил их в мягкотелости. А чтобы окончательно сломить сопротивление Руденко, других авторитетных восстановителей советской законности в постсталинский период и легитимировать свою жесткую линию в отношении «валютчиков», советский лидер вынес ее 19 июня на обсуждение пленума ЦК. Выступив на нем сначала по главному вопросу – все то же одобрение проекта новой программы КПСС (сулила народу наступление царства коммунизма через 20 лет), он зачитал подборку явно инспирированных сверху коллективных писем рабочих, требовавших расстрелять «главарей преступной шайки» валютчиков, «поганящих репутации честных советских людей». Однако использование этого стандартного для советской риторики приема, думается, было излишним. Пленум и так поддержал бы Хрущева, без каких-либо демагогических усилий с его стороны. Тем не менее, даже получив добро от высшего после съезда КПСС партийного форума, он предпринял еще и поездку в Алма-Ату, где на городском митинге бурно излил недовольство «неоправданным гуманизмом» в отношении «бандитов», подытожив свое словоизвержение откровенной угрозой в адрес служителей советской Фемиды: «Да за такие приговоры самих судей судить надо» [19, с.23].

На волне подобной социальной истерии и вышел 1 июля 1961 г. указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях», предписывавший «допустить применение смертной казни – расстрела за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, а равно нарушение правил о валютных операциях лицом, ранее осужденным за такие преступления» [3].

А через год была соответствующим образом скорректирована профильная 88 статья УК РСФСР (так называемая «Бабочка») [5]. Поскольку Руденко «явно спасовал перед неудержимым напором первого секретаря ЦК партии Хрущева» [11, с.106], 3 июля 1961 г. он внес в Верховный Суд РСФСР кассационный протест на определение Мосгорсуда

гда упорных слухов об исключительно антисемитской мотивации требования Хрущева расстрелять Рокотова и Файбищенко. Один из подобных домыслов приведен в книге Е. Эвельсон: «В кулуарах говорили, что Хрущев имел с генеральным прокурором Руденко "откровенный разговор": "Никакой пощады жидам! Какой еще там закон, чтобы им сохранять жизнь?! Законы пишем мы! А жидов надо стрелять!"» [24, с.274]. Вряд ли стоит доказывать спорность этого ничем не подтвержденного высказывания. Да и сомнительно, что такой опытный и «тертый» политик, как Хрущев мог даже при своей малокультурности позволить себе выражаться в столь вульгарном погромном стиле.

от 15 июня 1961 г., потребовав со ссылкой на первоиюльский указ высшую меру наказания не только для Рокотова, но и Файбишенко.

Как только это зловещее телодвижение советской юстиции стало достоянием гласности, к лидеру страны воззвал родной отец Рокотова Орликов. Тяжело больной старик (лишился к тому времени обеих ног), он тем не менее подготовил исполненное здравых суждений обращение: «Глубокоуважаемый Никита Сергеевич! <...> Вы... неоднократно высказывали мысль, что и преступнику, осознавшему свою вину, раскаявшемуся в своем преступлении, можно поверить. <...> Весь ход судебного разбирательства выявил, что Рокотов чистосердечно при-

Я.Т.Рокотов. 1961 г. Тюремная фотография

знался и раскаялся... Это отметил и прокурор, выступавший на суде. Он почувствовал и переоценил свою неправильную жизнь, ошибочность своего жизненного пути. Суд осудил Рокотова за тяжесть совершенного им преступления не по той статье Уголовного кодекса, которая действовала во время совершения им преступления, дав ему самый большой срок наказания – 15 лет... Таким образом, к нему уже был применен закон обратной силы. Теперь, когда после суда уже прошло три недели... Прокуратура требует применения смертной казни по Указу, вышедшему первого июля 1961 г. <...> При создавшейся угрозе при-

менения смертной казни Рокотову я обязан обратиться к Вам и верю... в возможность предотвратить расстрел, принимая во внимание: 1. Рокотов не закоренелый преступник... 2. Во время следствия и суда он чистосердечно признался и раскаялся... помог следствию и суду раскрыть и других участников преступления... не воспользовался деньгами, как другие преступники, и не имел ни машины, ни дачи, не пьянствовал, жил в захудалой комнатухе. Поэтому я как отец... прошу учесть... смягчающие вину обстоятельства и то, что Ян Рокотов десять лет юношеского возраста без вины просидел в лагере... Не дайте совершиться беде несправедливого и незаконного применения смертной казни...» [21, с.72–74].

С подобным обращением к властям обратились и родственники Файбишенко. Но все было напрасно. Красноречивым ответом на все эти мольбы стал смертный приговор Рокотову и Файбишенко, вынесенный Верховным Судом РСФСР 19 июля 1961 г. [25].

Хватаясь ради спасения жизни за последнюю соломинку, уже сам Ян Рокотов решил покаяться перед Хрущевым: «Я приговорен к расстрелу. Преступление мое заключается в том, что я спекулировал иностранной валютой и золотыми монетами. Ко мне два раза применяли обратную силу закона... Во многом я заблуждался. Сейчас я переродился и совершенно другой человек... Мне 33 года, я буду полезным человеком для советского государства... Ведь я не убийца, не шпион, не бандит. <...> Очень прошу помиловать меня» [21, с.71].

Однако презревший «абстрактный гуманизм» Хрущев, который без колебаний отправил на смерть в годы «большого террора» тысячи людей, а за несколько месяцев до вынужденной отставки в 1964 году добился (опять же путем ужесточения задним числом действовавшего закона!) казни в Ленинграде 15-летнего А.В.Нейланда (за двойное убийство), был неумолим. 28 июля 1961 г. в газетах появилась информация о приведении в исполнение смертного приговора Рокотову и Файбишенко.

После зачистки черной валютной биржи в Москве, то же самое последовало в Ленинграде, Киеве, Черновцах и других крупных городах страны. Показательно, что из 163 евреев, расстрелянных по примерным данным в начале 1960-х гг. в СССР за «экономические преступления»¹³, 80 казнили на Украине (почти 50%) [24, с.343–346]. Причем столицу

¹³ По сообщению Еврейского телеграфного агентства (Нью-Йорк) от 15 сентября 1963 г., с июля 1961 по июль 1963 гг. в СССР были казнены за «экономические преступления» 140 чел., в том числе 80 евреев. [23, с.381]. В некоторых изданиях упоминается 161 расстрелянный еврей [10, с.261].

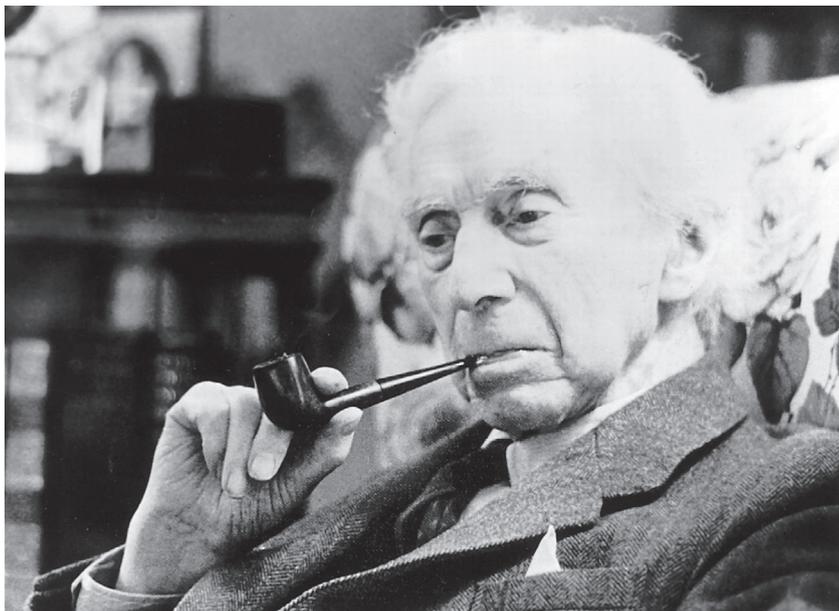
республики Киев обогнал в этой кровавой разборке главный город Западной Украины Львов¹⁴. Под прокатившуюся по нему в 1962–1964 гг. волну арестов попали в основном работники следующих предприятий и учреждений: трикотажная фабрика «30 лет Октября», завод синтетического волокна, комбинат глухонемых, психоневрологический диспансер, больница №1, областное управление местной промышленности и др.

Апофеозом этих судебных разбирательств стал процесс по делу Львовского облсовнархоза. Как установили следствие и суд, эта госструктура являлось главным очагом коррупции в городе и области, а ее руководитель С.Локоть создал такую преступную систему управления экономикой, в рамках которой, «ни одно предприятие области не могло работать, получать сырье и оборудование, не давая взятки» [24, с.149–150]. Этот высокопоставленный чиновник был осужден на 13 лет лишения свободы. Но на два года больше – 15 лет – получил подчиненный ему начальник управления легкой промышленности облсовнархоза Д.Рабинович. Такое более жесткое наказание еврея упомянутая Эвельсон сочла еще одним подтверждением правильности своей теории о приоритете антисемитской составляющей в борьбе власти с «экономической» преступностью. При этом она никак не отреагировала на то немаловажное обстоятельство, что всем остальным проходившим по делу евреям назначили меньшие сроки, чем, например, украинцам Локтю и начальнику управления фондов сырья П.Бойко. Впрочем, подобное игнорирование Эвельсон неудобных для нее фактов не помешало ей тем не менее признать очевидное: «Львовская судебная эпопея начала шестидесятых годов... обнажает сращивание партийно-правительственной бюрократии с незаконным *левым* (курсив Эвельсон. – Г.К.) производством, ее корыстную заинтересованность в нем» [24, с.150, 151, 175].

По данным КГБ, в СССР только за незаконные валютные операции был привлечен к уголовной ответственности в 1960–1966 гг. 1061 человек [16, с.328]. Если принять в расчет еще и приведенные Эвельсон сведения о том, что за то же самое были осуждены в 1961–1967 гг. 497 евреев [24, с.308], то получится, что их доля среди «валютчиков», подвергшихся тогда уголовному преследованию, составляла почти 50%. При этом важно иметь в виду, что последний показатель – приблизительный и, конечно, подлежит уточнению после полного рассекречивания архивов госбезопасности.

¹⁴ В 1961–1967 гг. в Киеве были осуждены «за экономические преступления» 129 евреев, из которых 9 – расстреляли. Тогда как во Львове эти показатели составили соответственно 132 и 32 чел. [24, с.313].

Хотя Хрущев и нанес сокрушительный удар по валютно-фарцовочному бизнесу, однако уже вскоре, к началу 1970-х гг., он не только повсеместно восстановился, но и набрал новые обороты. Тем не менее отвечавшие за борьбу с ним руководители госбезопасности не остались

Бертран Рассел

в накладе. Начальника 2-го Главного управления КГБ О.М.Грибанова (1915–1992) произвели в генерал-лейтенанты, а находившегося у него в подчинении упомянутого Федосеева (возглавлял во 2-м главке «антиконтрабандный» 16-й отдел) назначили в сентябре 1961 года начальником более значимого 1-го отдела (занимался агентурой разведслужб США). Начальник следственного отдела КГБ Н.Ф.Чистяков, который руководил следствием по «делу Рокотова и др.» и спустя 18 лет поведал о нем в документально выдержанных мемуарах [22], был повышен в звании до генерал-лейтенанта юстиции, а в 1964 году назначен председателем военной коллегии Верховного Суда СССР. Но не все правоохранители, задействованные на «валютном фронте», получили пироги и пышки, некоторые лишь набили желваки и шишки. Так, председатель Мосгорсуда Л.А.Громов, проявивший принципиальность и неукоснительно сле-

довавший закону при ведении процесса 31 мая – 15 июня 1961 г. по делу Рокотова и др., был смещен с поста за «проявленный либерализм».

Вопиющий правовой нигилизм и жестокость, проявленные Хрущевым в борьбе с экономическими преступлениями, получили резонансный отклик в мире. С осуждением этой кампании, сопровождавшейся вынесением десятков расстрельных приговоров, выступил видный британский философ, пацифист и общественный деятель Бертран Рассел. 2 февраля 1963 г. он обратился к Хрущеву со следующим посланием: «Я глубоко обеспокоен смертными казнями, которым подвергаются евреи в Советском Союзе, и тем официальным поощрением антисемитизма, которое, по-видимому, имеет место. Я пишу об этом в частном порядке; вы, конечно, знаете, что я – друг вашей страны и дружески отношусь к вашим личным усилиям, направленным к мирному сосуществованию, – усилиям, которые я публично поддерживаю. Я призываю вас к амнистии, исходя из гуманитарных соображений и из наших совместных интересов, которые состоят в мирных отношениях между Востоком и Западом» [26].

Очевидно, что сведение Расселом репрессий, чинившихся Хрущевым против тех, кого последний обвинял в подрыве экономического могущества социалистической державы, к сугубо антиеврейскому проявлению носило гиперболизированный характер. Причем такая явно противоречившая реальности позиция маститого ученого-гуманиста во многом была навеяна влиянием близко знакомого ему Эмануэла Литвинова. Этот известный британский литератор и журналист из бедной еврейской семьи, эмигрировавшей из России, активно сотрудничал с израильской спецслужбой «Натив», главной целью которой была большая алия (еврейская репатриация) из СССР, и несколько десятилетий редактировал выходящий при ее поддержке журнал «Евреи Восточной Европы» (“Jews in Eastern Europe”), имевший репутацию солидного научного издания [28, p. 122].

Ответ Хрущева последовал 1 марта 1963 г. В нем, подготовленном аппаратом ЦК КПСС, тактично, но решительно отметались все обвинения Рассела: «Решения судов направлены не против лиц какой-то национальности, а против преступлений, против их носителей, независимо от того, к какой национальности они принадлежат. Среди какой нации в то или иное время окажется больше или меньше тех или иных преступников – это вопрос не национальный, а социальный. Мы ценим, господин Рассел, ваши дружеские чувства к нашей стране, понимаем, что ваше письмо продиктовано соображениями гуманности. Но гуманность

не мыслима без справедливости. А именно в интересах справедливости наш народ вынужден карать тех, кто хочет жить за чужой счет, обкрадывать наше общество <...> Политики антисемитизма не было и нет в Советском Союзе, так как сам характер нашего многонационального государства исключает возможность такой политики» [26].

Осмысление доступных ныне сведений по репрессиям, предпринятым в годы правления Хрущева в отношении так называемых трикотажников, валютчиков, расхитителей, взяточников и других советских граждан, обвинявшихся в экономических преступлениях, позволяет сделать следующий вывод: утвердившаяся в историографии некоторых зарубежных стран (особенно Израиля) версия о том, что этнический или, точнее, антисемитский фактор был главным провоцирующим моментом в этих преследованиях, не имеет под собой сколько-нибудь веского фактического основания. Даже использование приверженцами такой трактовки того кажущего на первый взгляд убедительным аргумента, что по «экономическим делам» было осуждено и расстреляно большое количество евреев, не убеждает в их правоте, ибо при этом не приводится очень важная для обеспечения объективного анализа статистика об общем количестве людей, обвинявшихся по тем же статьям уголовного кодекса. В подобных исследованиях отсутствуют, как правило, и подсчеты доли евреев в общей численности кооператоров (в 1940–1950-е гг.), а также аналогичные сведения по бухгалтерам, снабженцам и служащим других профессий, являвшихся тогда по преимуществу потенциальными фигурантами «экономических дел».

Конечно, в репрессиях властей против тех, кого они обвиняли в подрыве народнохозяйственной стабильности советского государства, определенно присутствовала и антисемитская мотивация (прежде всего на Украине). Но решающую роль все же играли такие побудительные моменты, как стремление сдержать все более прогрессирувавшее коррупционное разложение номенклатурного аппарата и обусловленное «развернутым строительством коммунизма» резкое усиление борьбы власти с «пережитками частнособственнической психологии в сознании людей». Именно они, главным образом, и спровоцировали грезившего коммунизмом Хрущева на усиление борьбы с теневыми бизнесменами («цеховиками» и «валютчиками»), которых мечтал «ликвидировать как класс», считая ударной силой коррупционного разложения власти. Наиболее в его глазах одиозных он предал во имя торжества идеи коммунизма своего рода аутодафе. Подобная, как представляется, чрезмерная, да и к тому же незаконная жесткость глубоко врезалась в социально-ис-

торическую память людей. В связи с этим хотелось бы привести в завершение следующий фрагмент письма академика Андрея Сахарова от 19 сентября 1977 г.: «Я особо хочу обратить... внимание на то, что в СССР смертная казнь назначается за многие преступления, никак не связанные с покушением на человеческую жизнь. Многим памятно, например, дело Рокотова и Файбишенко, обвиненных в 1961 году в подпольной торговле драгоценностями и незаконных валютных операциях. Президиум Верховного Совета принял тогда закон, предусматривающий смертную казнь за крупные имущественные преступления, когда они уже были присуждены к тюремному заключению. Состоялся новый суд, и задним числом – что нарушает важнейший юридический принцип – их приговорили к смерти. А затем по этому и аналогичным законам были осуждены многие, в частности за частнопредпринимательскую деятельность, за организацию артелей и т. п. <...>» [18, с.164].

Библиографический список

1. ГА РФ. Ф.Р-9401с/ч. Оп.2. Д.65. Л.17.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. №19 (1054).
3. Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. №27 (1062). 6 июля.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. №8 (1095).
5. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. №9 (449).
6. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1970.
7. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т.1 / Гл. ред. А.А.Фурсенко. М., 2003.
8. Региональная политика Н.С.Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964. (Серия «Документы советской истории») / сост. О.В.Хлевнюк, М.Ю.Прозуменщиков, В.Ю.Васильев, Й.Горлицкий и др. М., 2009.
9. Малая советская энциклопедия. 3-е изд. Т.5, М., 1959.
10. Краткая еврейская энциклопедия. В 11 тт. / Гл. ред. И.Онен, Н.Прат и др. Иерусалим, 1976–2005. Т.8. Иерусалим, 1996.
11. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Заложники вождей. Советские и российские прокуроры. XX век. 1954–1992. М., 2006.
12. Натензон Д. Правосудие по Хрущеву // Вести (Израиль). 2003. 24 апреля.
13. Жакыпова Ч.Ш. Конфискация жизни. Бишкек, 1999.
14. Жирнов Е. «Комендант Кремля положил на стол четыре пистолета» // Коммерсантъ-Власть. 2003. 30 июня (URL: <http://supol.narod.ru/archive/2003/7/SU6568>; дата обращения: 07.06.2022).

15. Козырев М. Подпольные миллионеры. Вся правда о частном бизнесе в СССР. М., 2011.
16. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000.
17. Раззаков Ф.И. Бандиты времен социализма (Хроника российской преступности 1917–1995 гг.). М., 1997.
18. Сахаров А.Д. Письмо в Организационный комитет симпозиума по проблеме смертной казни // Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М. 1990.
19. Федосеев С.М. Дубинка крутых репрессий. Как Хрущев с «валютчиками» боролся // Совершенно секретно. 1994. №12.
20. Хейфец М. Советская жизнь: опыт и мысли // Заметки по еврейской истории. 2010. Февраль. Вып.2 (125) (URL: <https://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer2/Hejfec1.php>; дата обращения: 07.06.2022).
21. Холодов С.А. История ОБХСС и экономическая преступность в России в XX веке. М., 2021.
22. Чистяков Н.Ф. По закону и совести. М., 1979.
23. Шапиро Л. Евреи в Советской России после Сталина // Книга о русском еврействе. 1917–1967 / Под ред. Я.Г.Фрумкина, Г.Я.Аронсона, А.А.Гольденвейзера. М. Иерусалим. Минск, 2002.
24. Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). Лондон, 1986.
25. Правда. 1961. 21 июля.
26. Обмен письмами между Б.Расселом и Н.С.Хрущевым // Правда. 1963. 1 марта.
27. Интервью с А.Н.Шелепиным // Труд. 1991. 14 марта.
28. Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration. 1948–1967. Cambridge (UK), 1991.

Самая сложная задача
для любого должностного
лица – это посадить нужного
человека на нужное место.

Томас Джефферсон

Спор – решето истины.

Стефано Гуаццо

Люди, в сущности, могут
обойтись без управления
не больше, чем без еды,
питья и сна.

Шарль де Голль

И хорошие доводы должны
уступать лучшим.

Уильям Шекспир

**Любовь Писарькова,
Анна Горячева**

**СОСТАВ ГЛАСНЫХ
ГОРОДСКИХ ДУМ
РОССИИ
В КОНЦЕ 1880-х гг.**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

930

Л. Ф. Писарькова и А. Н. Горячева публикуют документ из Российского государственного исторического архива (фонд Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел), который содержит сведения конца 1880-х гг. о численности и сословном составе городских гласных 612 российских городов, где действовало Городовое положение 1870 года. Эти данные дают возможность на региональном уровне исследовать составы губернских и уездных городских дум; сравнить состояние городского общественного управления в разных губерниях; составить представление об уровне экономического развития российских городов с учетом их административного статуса.

Lyubov Pisarkova and Anna Goryacheva publish a document from the Russian State Historical Archive (the fund of the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs), which contains information from the late 1880s on the number and class composition of urban vowels of 612 Russian cities where the City Regulations of 1870 were in effect. These data make it possible to study the composition of provincial and sheading city dumas at the regional level; compare the state of urban public administration in different provinces; get an idea of the level of economic development of Russian cities, taking into account their administrative status.

Ключевые слова: гласные; городская дума; местное самоуправление; уезды; губернии; статистические данные; перечень городов; избирательная система.

Key words: Geputy; City Duma; Local Government; Counties; Provinces; Statistical Data; List of Cities; Electoral System.

E-mail: afanasiev44@list.ru, jacka99@list.ru

В фонде Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел Российского государственного исторического архива хранится комплекс документов о подготовке нового городского закона – Городового положения 1892 года [2]. Этот архивный комплекс включает протоколы заседаний Кахановской комиссии, циркуляры и распоряжения Министерства, отзывы генерал-губернаторов и губернаторов о состоянии городского общественного управления, созданного Городовым положением 1870 года; сведения о городских доходах и расходах, числе избирателей и др. К этим источникам не однажды обращались историки [8; 10; 11; 13].

Среди этих материалов находится и публикуемый ниже документ, который представляет собой список всех российских городов (от столиц до посадов) с указанием численности и сословной принадлежности гласных, избранных в ходе выборов 1887, 1888 и 1889 гг. – последних по Городовому положению 1870 года [1, л.406–415 об.].

Выборы проходили не одновременно, что объясняется постепенной реализацией городской реформы, которая растянулась на многие годы. Так, в 1870 г. преобразования коснулись управления 7 городов, в 1871 г. – 104, в 1872 г. – 164, в 1873 г. – 100, в 1874 г. – 57, в 1875 г. – 40, в 1876 г. – 29, в 1877 г. – 13, в 1878 г. – 23, в 1879 г. – 36, в 1880 г. – 21 город. В 1881–1885 гг. к ним прибавилось еще 26 городов [11]. К 1892 г. по этому закону управлялся 621 город. Учитывая, что городские выборы проводились раз в четыре года, начало последних избирательных кампаний в разных городах пришлось на 1887, 1888 и 1889 гг.

Обратимся к истории создания этого документа. В 1890 г., по завершении работы над Земским положением, Министерство внутренних дел приступило к подготовке нового Городового положения. Начальники губерний были оповещены об этом циркулярным письмом министра внутренних дел И.Н.Дурново от 2 июля 1890 г. Им предписывалось прислать в Министерство свои соображения о недостатках закона 1870 г. и способах их исправления [1, л.80–81].

«Отзывы» местных администраторов, поступившие в Министерство в конце 1890 г., составили три внушительных по объему тома [3]. Главы губерний подвергли критике многие стороны действовавшей тогда организации городского самоуправления и прежде всего систему выборов гласных. По мнению большинства из них, организация избирательной системы давала преимущество торгово-промышленной части населения, в большинстве своем малоимущей и малограмотной или вовсе неграмотной. Из таких избирателей формировался и состав гласных, неспособ-

ных решать задачи социально-экономического развития городов. Такую нелестную оценку избирательной системы, введенной Городовым положением 1870 г., подтверждали и результаты последних по этому закону городских выборов. Сведения, полученные Министерством внутренних дел о составе гласных разных губерний, чиновниками Хозяйственного департамента были сведены в общий список. Он написан от руки, поэтому названия городов не всегда прочитываются, что потребовало их уточнения и проверки.

Необходимо в общих чертах охарактеризовать основные начала городской избирательной системы, определявшие состав как избирателей, так и гласных в 1870–1892 гг. [7, с.825, 826].

Право участия в избрании гласных имел каждый житель города независимо от его сословной принадлежности, при условии, что он русский подданный, достиг 25-летнего возраста и проживает в городе не менее двух лет. Еще одним условием для получения статуса избирателя являлась уплата двух видов городских налогов: с недвижимой собственности или торгово-промышленной деятельности. К последней категории избирателей относились многочисленные плательщики городских сборов со свидетельств: купеческого, промышленного на мелочный торг, приказничьего 1-го класса или с билетов на содержание промышленных заведений. Таким образом, избирательное право распространялось не на всех плательщиков городских налогов, а только на владельцев недвижимого имущества и лиц, занятых в сфере промышленности и торговли, от купцов 1-й гильдии до мелких торговцев в разнос. При этом получение избирательного права не зависело от величины налога, основанием служил сам факт его уплаты.

Для проведения выборов фамилии избирателей вносились в общий список по убывающей величине уплачиваемых налогов: список открывал плательщик самого крупного налога, а замыкал тот, кто вносил наименьший вклад в бюджет города. Так, в 1889 г. последним в списке избирателей Москвы был плательщик городского сбора в 9 копеек. Составленный таким образом список избирателей делился на три разряда или курии с таким расчетом, чтобы избиратели каждой из них платили в совокупности третью часть общей суммы городских налогов. Плательщики крупных, средних и мелких налогов составляли отдельные разряды; для проведения выборов каждый из них формировал свое избирательное собрание. Образцом для введения такой организации выборов послужила курьяльная избирательная система городов Пруссии.

При делении избирателей на разряды по имущественному принципу самым многочисленным был 3-й разряд: к нему принадлежало 85–90% всех избирателей. Причем от выборов к выборам их число постоянно росло, особенно в крупных городах. Так, в 1889 г. в Москве из 23,7 тысячи избирателей почти 22 тысячи принадлежали к 3-му разряду, в Петербурге из 16,1 тысячи – 15,2 тысячи. Проводить выборы в таких многочисленных собраниях было практически невозможно. В 1889 г. в столицах выборы в 3-м собрании прошли по новым правилам. В Петербурге избиратели 3-го разряда были разделены на 12 территориальных участков, в Москве – на девять. Эта мера упорядочила проведение выборов и положительно сказалась на составе столичных городских дум (см. примечания к документу).

Как отмечалось, основную часть избирателей 3-го разряда составляли приказчики, мелкие промышленники и торговцы из мещан, ремесленников и крестьян. К этому же разряду принадлежали дворяне, чиновники и представители интеллигенции, владевшие в черте города небольшой недвижимостью.

Неравные по численности собрания избирателей должны были выбирать одинаковое количество гласных, что отвечало заложенному в законе 1870 г. принципу соразмерности в распределении обязанностей и преимуществ: кто больше платит налогов, тот имеет и больше прав в распределении городских средств. Вместе с тем каждое собрание могло избирать в гласные любого из тех, кто внесен в общий список избирателей, независимо от его курриальной принадлежности, а значит и имущественного положения. Законодатели рассчитывали, что такая мера обеспечит преобладание в думах наиболее состоятельных и образованных гласных. Но эти ожидания оправдались лишь отчасти. В столичных и губернских городах немногочисленные избиратели 1-го разряда неохотно шли в гласные, предпочитая избирать в своем собрании лиц с высшим и средним образованием, принадлежавших к 3-му разряду. Избиратели из мещан, ремесленников и крестьян, как правило, отдавали голоса за гласных из своей среды, близких по роду занятий и условиям жизни. В результате, в имущественном отношении большинство гласных принадлежало к 3-му разряду [10, с. 50–81].

Представление о сословном составе городских гласных и их численности дает публикуемый документ. Он содержит сведения о гласных городов, разных по административному статусу и уровню экономического развития. В их числе: обе столицы, 60 губернских, областных и равных им городов (Одесса, Керчь, Севастополь, Кронштадт, Николаев),

550 уездных и заштатных городов и посадов. В зависимости от числа избирателей в каждом городе, насчитывалось от 30 до 72 гласных. Исключение представляли Санкт-Петербург и Москва, где избирались соответственно 252 и 180 гласных.

Ранее Писарькова провела первичную обработку данных этого документа, что позволило определить общую численность гласных в целом по России и по каждому экономическому району, проследить соотношение разных сословных групп в составе губернских и уездных городских дум. Установлено, что в конце 1880-х гг. в 612 городах насчитывалось свыше 27,8 тыс. гласных, из них около 4,5 тысяч (16%) в губернских и свыше 23,3 тысяч (84%) в уездных городах и других поселениях. В сословном отношении состав гласных этих городов представлял зеркальную картину. Если в губернских думах, где были сильны позиции дворянства и купечества, число гласных из дворян и чиновников вдвое превышало количество мещан, ремесленников и крестьян (35,6 против 17,4%), то в уездных и посадских думах эти сословные группы составляли соответственно 16 и 51% [12, с. 152–160].

Преобладание среди гласных мещан, ремесленников и крестьян определяло низкий образовательный уровень состава дум, который в полной мере отражал структуру городского населения России.

В связи с этим необходимо отметить, что в 1880-е гг. широкое представительство лиц из этих сословных групп было характерно для общественных институтов, созданных реформами 1860–1870-х гг. Так, среди земских гласных уездных собраний процент крестьян приближался к 40 [9, с. 14, 15, 153], а среди присяжных заседателей крестьяне и мещане составляли около 76% (из них 57,4% крестьян) [4, с. 184–202; 5, с. 13; 6, с. 199–203].

Выводы, сделанные в результате обработки данных о численности и составе корпуса городских гласных в целом по России, не исчерпывают научного потенциала этого документа. Содержащиеся в нем сведения дают возможность на региональном уровне исследовать составы губернских и уездных городских дум, провести сравнительный анализ состояния городского общественного управления в разных губерниях, составить представление об уровне экономического развития каждого российского города.

Сведения о составе гласных городов России¹

Город	Всего гласных	В том числе:		
		Дворяне, чиновники	Купцы, почетные граждане	Мещане, цеховые, крестьяне
Архангельская губерния				
Архангельск	48	5	34	9
Кемь	30	6	3	21
Мезень	30	5	25	-
Онега	30	2	6	22
Пинега	30	2	4	24
Холмогоры	30	2	7	21
Шенкурск	30	3	2	25
Кола	30	-	1	29
Сумский Посад	30	-	10	20
Ненокский Посад	30	-	4	26
Умский Посад	30	-	-	30
Лудский Посад ²	30	-	-	30
Астраханская губерния				
Астрахань	72	19	43	10
Енотольское	30	1	12	17
Красный Яр	42	3	6	33
Царев	42	3	7	32
Черный Яр	36	-	14	22
Бессарабская губерния				
Кишинев	72	38	28	6
Аккерман	54	14	26	14
Бендеры	54	11	9	34
Попушок	36	-	1	35
Сорока	66	21	13	32
Тулак	54	1	-	53
Хотин	72	20	7	45
Шаба посад	36	1	-	35

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2496. Л. 406–415 об.² Другое название: Лудское Усолье.

Ресурсы нации

Виленская губерния				
Вильна	72	43	29	-
Дисна	42	14	7	21
Лида	42	10	-	32
Ошмяны	30	2	2	26
Свенцяны	36	7	3	26
Троки	30	7	4	19
Радешковичи	30	-	-	30
Витебская губерния				
Витебск	72	31	21	20
Динабург	42	7	14	21
Полоцк	66	25	12	39
Велиж	30	5	13	12
Себеж	30	6	9	15
Невель	42	8	10	24
Владимирская губерния				
Владимир	72	29	32	11
Александров	42	5	17	20
Вязники	36	5	17	14
Гороховец	30	5	10	15
Ковров	36	4	19	13
Меленки	30	2	8	20
Муром	72	6	47	19
Переславль-Залесский	48	5	22	21
Покров	30	2	14	14
Судогда	30	5	12	13
Суздаль	48	7	21	20
Шуя	54	15	24	15
Юрьев	30	1	19	10
Киржач	36	3	19	14
Иваново-Вознесенск	48	4	32	12
Гаврилов посад	30	-	22	8
Вологодская губерния				
Вологда	72	22	40	10
Вельск	30	6	6	18

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Грязовец	30	6	15	9
Кадников	30	7	8	15
Никольск	30	2	10	18
Сольвычегодск	30	8	3	19
Тотьма	30	2	14	14
Устюг	48	4	26	18
Усть-Сысольск	36	2	2	32
Яренск	30	11	2	17
Красноборск	30	-	12	18
Лальск	30	2	5	23
Верховажский посад	30	3	10	17
Волынская губерния				
Житомир	72	36	24	12
Владимир-Волынский	54	16	2	36
Ковель	48	9	5	34
Кременец ³	72	11	7	54
Луцк	42	18	4	20
Новоград-Волынский	60	19	10	31
Овруч	42	14	6	22
Воронежская губерния				
Воронеж	72	26	42	4
Бирюч	30	5	10	15
Бобров	36	14	11	11
Богучар	42	8	14	20
Валуйки	42	5	17	20
Задонск	42	4	21	17
Землянский	36	9	7	20
Коротояк	30	8	8	14
Нижнедевицк	30	10	6	14
Новохоперск	42	4	20	18
Острогжск	42	5	19	18
Павловск	36	3	18	15
Вятская губерния				
Вятка	66	10	42	14

³ Другое название: Кременчуг.

Ресурсы нации

Глазов	30	3	13	14
Елабуга	42	3	25	14
Котельнич	30	3	12	15
Малмыж	30	1	15	14
Нолинск	30	4	14	12
Орлов	30	1	16	13
Сарапул	48	3	30	15
Слободской	36	1	19	16
Уржум	30	4	10	16
Яранск	30	4	13	13
Царевосанчурск	30	3	7	2
Гродненская губерния				
Гродно	72	30	17	25
Брест-Литовск	72	23	9	40
Белосток	72	14	15	43
Бельск	42	7	4	31
Волковыск	30	4	3	23
Кобрин	54	8	7	39
Пружаны	42	6	6	30
Слоним	54	17	8	29
Соколка	36	2	4	30
Сураж	30	2	-	28
Екатеринославская губерния				
Екатеринослав	72	26	38	8
Александровск	36	8	16	12
Бахмут	60	8	33	19
Верхнеднепровск	36	17	7	12
Новомосковск	72	11	23	38
Павлоград	48	13	21	14
Славяногорск	36	4	4	28
Мариуполь	72	14	33	25
Луганск	72	25	4	43
Енисейская губерния				
Красноярск	42	10	13	19
Ачинск	30	3	9	18
Енисейск	48	2	28	18
Канск	30	4	11	15

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Минусинск	30	3	8	19
Иркутская губерния				
Иркутск	72	24	30	18
Балаганск	30	2	1	27
Киренск	30	2	3	25
Нижеудинск	30	3	8	19
Казанская губерния				
Казань	72	17	51	4
Козьмодемьянск	36	4	11	21
Лаишев	30	3	10	17
Мамадыш	36	6	12	18
Свияжск	30	6	5	19
Спасск	30	6	15	9
Тетюши	36	-	19	17
Царевококшайск	30	3	-	27
Цивильск	30	-	9	21
Чебоксары	36	2	8	26
Чистополь	54	6	27	21
Ядрин	30	2	4	24
Арск	30	1	8	21
Маринский посад	36	-	5	31
Троицкий посад	30	-	-	30
Калужская губерния				
Калуга	72	21	37	14
Боровск	36	-	17	19
Жиздра	54	5	20	29
Козельск	42	3	15	24
Лихвин	30	6	8	16
Малоярославец	36	5	7	24
Медынь	36	9	13	14
Мещовск	30	5	10	15
Мосальск	30	-	17	13
Перемышль	30	1	9	20
Таруса	30	-	13	17
Сухиничи	42	-	19	23
Воротынец ⁴	30	2	1	27

⁴ Другое название: г. Воротынск.

Ресурсы нации

Серпейск	30	1	5	24
Киевская губерния				
Киев	72	47	24	1
Васильков	54	10	15	29
Звенигородка	66	19	9	38
Канев	54	9	3	42
Радомысль	42	14	7	21
Сквира	72	21	10	41
Тараща	60	7	4	49
Умань	60	17	14	29
Черкаassy	72	12	15	45
Чигирин	60	4	9	47
Ковенская губерния				
Ковно	72	43	23	6
Вилькомир	48	24	3	21
Новоалександров	36	16	3	17
Поневеж	42	15	6	21
Россиен	36	19	4	13
Тельшев	30	19	5	6
Шавель	48	25	13	10
Видзы	36	1	3	32
Костромская губерния				
Кострома	72	23	44	5
Буй	30	7	5	18
Варнавин	30	6	9	15
Ветлуга	36	1	10	25
Галич	42	3	28	11
Кинешма	42	7	23	12
Кологрив	30	8	14	8
Макарьев	42	8	23	11
Нерехта	30	5	11	14
Солигалич	36	6	18	12
Чухлома	30	8	19	3
Юрьеvec	36	9	7	20
Кадов	30	3	2	25
Лух	30	3	7	20
Плес	30	2	17	11

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Судиславль	30	2	14	14
Унжа	30	1	6	23
Большие Соли	30	2	6	22
Парфентьев	30	3	14	13
Пучеж	30	-	12	18
Курляндская губерния				
Митава	72	27	29	16
Либава	72	25	30	17
Виндава	30	8	9	13
Газенпот	30	9	7	14
Гольдингсен	36	14	12	10
Бауск	30	10	15	5
Гробин	30	2	3	25
Пильтен	30	2	-	28
Туккум	30	11	9	10
Фридрихштадт	30	10	5	15
Якобштадт	30	9	7	14
Курская губерния				
Курск	72	14	40	18
Белгород	72	15	30	27
Грайворон	36	6	17	13
Дмитриев	30	5	15	10
Короч	42	10	19	13
Льгов	30	2	13	15
Новый Оскол	30	10	9	11
Обоянь	36	5	14	17
Путивль	66	25	19	22
Рыльск	60	13	40	7
Старый Оскол	36	4	21	11
Судж	30	6	18	6
Тим	30	1	13	16
Фатеж	30	3	13	14
Щигров	36	4	22	10
Лифляндская губерния				
Рига	72	26	30	16
Аренсбург	30	11	12	7
Валк	30	8	14	8

Ресурсы нации

Венден	30	16	7	7
Верро	30	16	8	6
Вольмар	30	2	15	13
Дерпт ⁵	72	20	21	31
Лемзаль	30	-	18	12
Пернов	48	14	19	15
Феллин	30	3	13	14
Шлок	30	7	-	23
Минская губерния				
Минск	72	35	23	14
Бобруйск	72	18	19	35
Борисов	42	6	7	29
Игумен	30	8	4	18
Мозырь	54	14	7	33
Новогрудка	48	10	3	35
Пинск	72	20	25	37
Слуцк	72	23	10	39
Речец	48	12	6	30
Могилевская губерния				
Могилев	72	31	24	17
Гомель	72	24	27	21
Климовичи	30	7	2	21
Мстиславль	48	12	8	28
Орша	42	13	6	23
Рогачев	42	7	7	28
Чериков	42	12	5	25
Чаусы	42	8	8	26
Шанск ⁶	30	4	5	21
Московская губерния				
Москва ⁷	180	49	130	28
Богородск	48	5	14	29
Бронницы	30	3	10	17

⁵ Другое название: Юрьев.

⁶ При проверке уточнить название не удалось.

⁷ Результаты выборов 1889 г., которые в 3-м избирательном собрании проводились по 9 территориальным участкам, заметно отличались от результатов 1884 г., когда из 180 гласных было избрано: 36 (20 %) гласных из дворян и чиновников, 87 (48,3 %) из купцов и почетных граждан и 57 (31,7 %) из мещан, ремесленников и крестьян.

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Веря	30	-	16	14
Волоколамск	30	1	10	19
Дмитров	54	5	17	32
Звенигород	36	2	5	39
Клин	30	1	17	12
Коломна	72	4	43	25
Можайск	36	4	17	15
Подольск	30	2	11	17
Руза	36	4	25	7
Серпухов	54	4	46	4
Воскресенск	30	2	7	21
Павловский Посад	36	3	18	15
Сергиев Посад	60	10	29	21
Нижегородская губерния				
Нижний Новгород	72	20	40	12
Ардатов	30	1	9	20
Арзамас	54	9	35	10
Балахна	48	11	7	30
Васильсурск	30	3	5	22
Горбатов	42	4	11	27
Княгинин	30	12	3	15
Лукоянов	30	5	8	17
Макарьев	30	-	2	28
Семенов	36	1	10	25
Сергач	30	10	8	12
Новгородская губерния				
Новгород	54	25	25	4
Белозерск	42	6	13	23
Боровичи	54	6	19	29
Валдай	30	5	13	12
Демьянск	30	2	10	18
Кириллов	36	5	14	17
Крестцы	30	3	8	19
Старая Русса	54	5	32	17
Тихвин	36	5	17	14

Ресурсы нации

Устюжна	30	4	17	9
Череповец	42	4	16	22
Крохинский	30	2	3	25
Опеченский	30	1	10	19
Малочигир	30	2	15	13
Олонецкая губерния				
Петрозаводск	36	8	10	18
Вытегра	36	9	12	15
Каргополь	30	6	11	13
Лодейное Поле	30	8	8	14
Олонец	30	2	4	24
Повенец	30	5	7	18
Пудож	30	3	5	22
Оренбургская губерния				
Оренбург	72	10	40	22
Верхнеуральск	36	2	14	20
Орек	72	7	23	42
Троицк	48	7	23	18
Челябинск	54	11	26	17
Орловская губерния				
Орел	72	12	50	10
Болхов	72	8	43	21
Брянск	72	12	23	37
Дмитров	42	5	18	19
Елец	72	12	49	11
Карачев	60	5	38	17
Кромы	30	3	9	18
Ливны	60	5	42	13
Малоархангельск	36	6	17	13
Севск	42	2	28	12
Трубчевск	48	2	22	24
Мценск	нет сведений			
Пензенская губерния				
Пенза	72	24	34	14
Городище	36	7	6	23
Инсар	48	3	13	32
Керенск	36	8	10	18

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Краснослободск	42	2	25	15
Мокшан	36	8	14	14
Наровчат	30	9	7	14
Нижний Ломов	30	3	14	13
Саранск	72	7	22	43
Чембар	42	7	17	18
Верхний Ломов	30	-	7	23
Троицк	36	-	4	32
Шишкин	30	3	1	26
Пермская губерния				
Пермь	72	27	33	12
Верхотурье	30	4	8	18
Ирбит	48	8	18	22
Камышлов	36	5	11	20
Красноуфимск	36	9	14	13
Кунгур	48	1	28	19
Оса	36	1	12	23
Оханск	30	6	6	18
Соликамск	30	2	12	16
Чердынь	36	3	12	21
Шадринск	60	5	32	23
Далматов	30	1	7	22
Екатеринбург	72	18	52	2
Алапаевск	30	-	2	28
Подольская губерния				
Каменец-Подольский	72	46	17	9
Балта	72	19	11	42
Брацлав	42	7	6	29
Винница	72	26	16	30
Гайсин	60	13	7	40
Летичев	42	14	2	26
Литин	48	12	4	32
Могилев	72	19	13	40
Новая Винница	36	11	2	23
Ольгополь	54	18	1	35
Проскуров	48	14	6	28

Ресурсы нации

Бер	48	9	5	34
Вербовец	30	1	-	29
Сельниц	30	1	-	29
Ушиц	36	2	2	32
Хмельник	60	5	2	53
Полтавская губерния				
Полтава	72	20	36	16
Гадяч	54	13	21	20
Золотоноша	54	13	14	27
Зеньков	72	12	25	35
Кобеляки	66	24	20	22
Константиноград	42	8	23	11
Кременчуг	72	15	42	15
Лоховица	48	20	13	15
Лубна	48	24	14	10
Миргород	66	18	10	38
Переяславль	60	20	13	27
Пирятин	48	10	15	23
Прилуки	72	9	27	36
Ромны	54	20	23	11
Хорол	48	14	19	15
Глинск	36	3	1	32
Градижск	60	4	10	46
Псковская губерния				
Псков	60	13	33	14
Великие Луки	54	17	19	18
Новоржев	30	7	10	13
Опочка	30	4	21	5
Остров	30	4	15	11
Порхов	36	12	13	11
Торопец	42	6	21	15
Холм	30	1	12	17
Александровский	30	-	1	29
Солицкий Посад ⁸	36	1	23	12
Рязанская губерния				

⁸ Другое название: Сольцы.

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Рязань	72	18	45	9
Данков	30	-	20	10
Егорьевск	48	-	23	25
Зарайск	42	5	28	9
Касимов	48	5	34	9
Михайлов	30	9	11	10
Пронск	30	2	10	18
Рязск	30	2	16	12
Раненбург	30	2	18	10
Спасск	36	9	11	16
Скопин	42	3	23	16
Сапожок	30	7	11	12
Самарская губерния				
Самара	72	19	36	17
Бугульма	30	3	8	19
Бугуруслан	60	5	31	24
Бузулук	54	6	29	19
Николаевск	48	2	15	31
Новоузенск	42	1	5	36
Ставрополь	42	4	8	30
Соринка ⁹	30	-	3	27
Великое	48	2	15	31
Санкт-Петербургская губерния				
Санкт-Петербург ¹⁰	252	108	126	18
Ораниенбаум	30	6	15	9
Гдов	30	2	15	13
Луга	30	5	13	12
Новая Ладога	30	1	15	14
Шлиссельбург	30	3	6	21
Ямбург	30	3	14	13
Нарва	42	7	24	11
Колпин	36	2	14	20

⁹ При проверке уточнить название не удалось.

¹⁰ В результате выборов 1884 г., которые проводились на общих основаниях (т.е. без деления 3-го избирательного собрания на 12 территориальных участков) в С.-Петербургскую городскую думу из 252 гласных было избрано: 101 (40,1 %) гласный из дворян и чиновников, 122 (48,4 %) из купцов и почетных граждан и 29 (11,5 %) из мещан, ремесленников и крестьян.

Ресурсы нации

Саратовская губерния				
Саратов	72	12	51	9
Аткарск	36	8	10	18
Балашов	54	1	22	31
Вольск	72	9	31	32
Камышин	48	7	18	23
Кузнецк	72	7	14	51
Петровск	72	2	27	43
Сердобск	54	11	7	36
Ильинск	72	5	18	49
Царицын	72	8	36	28
Дубовка	66	1	21	44
Симбирская губерния				
Симбирск	72	22	33	17
Алатырь	48	5	12	31
Ардатов	42	8	9	25
Буинск	36	4	15	17
Карсун	42	6	17	19
Курмыш	30	6	4	20
Сенгилей	42	2	8	32
Сызрань	72	9	40	23
Алатырский Посад	30	2	-	28
Смоленская губерния				
Смоленск	72	34	24	14
Бельск	48	7	22	19
Вязьма	72	11	28	33
Гжатск	48	1	30	17
Дорогобуж	42	7	16	19
Духовщина	30	3	16	11
Ельня	30	2	16	12
Красный	30	2	7	21
Поречье	36	3	16	17
Рославль	42	5	18	19

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Сычев	30	1	17	12
Юхнов	30	4	13	13
Таврическая губерния				
Симферополь	72	25	39	8
Алешки	66	10	14	42
Бердянск	72	17	20	35
Евпатория	54	12	15	27
Мелитополь	42	6	22	14
Перекоп	36	3	15	18
Ялта	30	25	5	-
Феодосия	54	23	23	8
Бахчисарай	72	8	15	49
Карсубазар	54	3	20	31
Нечайск	36	2	6	28
Орловск	36	1	10	25
Старый Крым	30	4	4	22
Тамбовская губерния				
Тамбов	72	31	28	13
Борисоглебск	66	7	41	18
Елатъма	42	4	12	26
Кирсанов	36	-	22	14
Козлов	72	17	32	23
Лебедянь	36	9	14	13
Липецк	66	12	28	26
Моршанск	60	5	35	20
Усмань	42	2	22	18
Спасск	42	1	24	17
Темников	42	5	17	20
Шацк	48	8	12	28
Кадом	36	1	9	26
Тверская губерния				
Тверь	72	20	37	15
Бежецк	42	9	25	8

Ресурсы нации

Весьегодск	30	2	15	13
Вышний Волочек	72	2	42	28
Зубцов	30	7	11	12
Калязин	42	1	25	16
Кашин	42	-	34	8
Корчева	30	4	19	7
Осташков	60	9	27	24
Ржев	72	4	39	29
Старица	42	4	18	20
Торжок	72	10	29	30
Красный Холм	30	1	17	12
Погорелое Городище	30	-	11	19
Селижар Посад	30	-	6	24
Тобольская губерния				
Тобольск	72	19	19	34
Ишим	36	5	14	17
Курган	48	3	29	16
Тара	54	10	13	31
Туринск	36	9	7	20
Тюкалинск	30	2	5	23
Тюмень	72	14	21	37
Ялуторов	30	1	15	14
Березов	30	-	-	30
Томская губерния				
Томск	72	12	50	10
Барнаул	72	19	29	24
Бийск	72	5	12	55
Каинск	30	2	8	20
Кольвань	60	3	11	46
Кузнецк	30	4	10	16
Маринск	42	2	9	31
Нарым	30	-	6	24
Тульская губерния				

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Тула	72	35	37	-
Алексин	30	4	11	15
Богородицк	36	1	13	22
Белев	60	1	33	26
Венев	36	6	13	17
Епифань	30	1	14	15
Ефремов	36	7	23	6
Кашира	30	3	17	10
Крапивна	30	7	16	7
Новосиль	30	3	21	6
Одоев	42	3	24	15
Чернь	30	3	11	16
Уфимская губерния				
Уфа	72	35	24	13
Белебей	36	1	14	21
Бирск	42	6	19	17
Златоуст	72	10	11	51
Мензелинск	36	4	9	23
Стерлитамак	36	2	22	12
Харьковская губерния				
Харьков	72	44	23	5
Ахтырка	72	13	22	37
Богодухов	72	11	14	47
Валки	54	13	7	34
Волчанск	48	5	21	22
Змиев	42	12	6	24
Изюм	72	16	22	34
Купянск	42	14	12	16
Лебедин	72	10	11	51
Старобельск	36	4	10	22
Сумы	72	23	22	27
Белополь	60	10	26	24
Золочев	54	-	5	49

Ресурсы нации

Краснокутск	48	4	2	42
Недригайлов	42	1	1	40
Славянск	72	17	23	32
Чугуев	60	4	9	47
Херсонская губерния				
Херсон	72	23	36	13
Александрия	66	17	11	38
Ананьев	72	19	12	41
Бобринец	48	12	8	28
Тирасполь	42	20	14	8
Берислав	36	1	15	20
Вознесенск	42	5	9	28
Григориополь	66	6	8	52
Дубоссары	48	3	5	40
Елисаветград	72	29	27	16
Новогеоргиевск	60	5	15	40
Новомиргород	36	7	5	24
Овидиополь	36	2	4	30
Ольвиополь	42	3	1	38
Очаков	42	7	7	28
Маяки	36	3	6	27
Новый Прас	30	7	9	14
Черниговская губерния				
Чернигов	60	33	20	7
Борзна	72	21	16	35
Глухов	66	22	27	17
Городня	36	14	13	9
Козелец	36	9	10	17
Конотоп	72	16	21	35
Кролевец	54	12	18	24
Мглин	42	14	16	12
Новгород-Северск	48	14	23	11
Новозыбков	66	16	30	20

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКИХ ДУМ РОССИИ В КОНЦЕ 1880-х гг.

Нежин	66	22	30	14
Остер	42	88	15	19
Сосница	30	13	9	8
Стародуб	60	15	29	16
Сураж	30	17	5	8
Березный	54	12	9	33
Короп	36	6	9	21
Погар	36	5	14	17
Веронка	48	-	17	31
Добрянка	42	-	10	32
Клинцы	54	1	28	25
Лужки	30	-	6	24
Эстляндская губерния				
Ревель	72	25	19	28
Гапсаль	30	15	5	10
Везенберг	30	10	13	7
Вейсенштейн	30	6	4	20
Балтийский Порт	30	4	7	19
Ярославская губерния				
Ярославль	72	25	19	28
Данилов	36	6	26	4
Любим	36	4	21	11
Молога	42	4	22	16
Мышкин	30	2	14	14
Пошехонье	30	-	24	6
Романов-Борисоглебск	42	2	29	11
Ростов	54	4	29	21
Рыбинск	60	5	42	13
Углич	54	6	38	10
Петровское	30	-	6	24
Нарский Посад	30	-	4	26
Города портовые				

Ресурсы нации

Одесса	72	36	32	4
Керчь	72	31	26	15
Севастополь	54	29	18	7
Кронштадт	48	15	33	-
Николаев	72	30	40	2
По Сибири				
Амурская область				
Благовещенск	42	7	20	15
Акмолинская область				
Акмолинск	36	4	11	21
Омск	72	19	27	26
Петропавловск	72	7	36	29
Забайкальская область				
Чита	30	8	13	9
Баргузин	30	1	6	23
Верхнеудинск	30	6	6	18
Нерчинск	30	3	16	11
Селенганск	30	3	2	25
Троицкосавск	42	5	25	12
Семипалатинская область				
Семипалатинск	72	7	35	30
Павлодар	30	-	11	19
Усть-Каменогорск	42	4	15	23
Якутская область				
Якутск	30	15	9	6

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1287. Оп.38. Д.2496.
2. РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.2497–2507.
3. РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.2503, 2504, 2505.
4. Афанасьев А.К. Присяжные заседатели в России. 1866–1885 // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 184–202.
5. Афанасьев А.К. Состав присяжных в России (организация, состав и деятельность в 1866–1885 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 21 с.

6. Афанасьев А.К. Состав присяжных в России // Вопросы истории. 1978. №6. С. 199–203.
7. Городовое положение 16 июня 1870 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т.45. Отд. 1. №48498. (Статьи 17, 24, 36). СПб.: Государственная типография, 1874. 896 с.
8. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция конца 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 443 с.
9. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М.: Изд-во МГУ, 1968. 156 с.
10. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 258 с.
11. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф, 2010. 735 с.
12. Писарькова Л.Ф. Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 года // История СССР. 1989. №6. С. 152–160.
13. Семенов Д.Д. Расширение городского представительства // Русская мысль. 1897. Т.10. Раздел IX. С.54–63.

Василий Зверев

КУСТАРНАЯ ИЛИ КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ?

К НЕОКОНЧЕННОМУ СПОРУ НАРОДНИКОВ И МАРКСИСТОВ*

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

93/94

Во 2-ой части статьи анализируются взгляды В.П.Воронцова (1847–1918) на состояние кустарных промыслов в 1870–1880-х гг. Его внимание было обращено на конкретные вопросы: кустарное производство и кооперация, сбыт кустарных изделий, торговый и промышленный капитал, кредит для кустарей, их работа на дому, качество кустарных изделий, связь промыслов с земледелием. Исследование статистических сведений приводило Воронцова к выводу об устойчивости традиционных форм производства, противостоянии разрушительным капиталистическим тенденциям.

The article analyzes the views of V.P.Vorontsov (1847–1918) on the state of handicrafts in the 1870s–1880s. His attention was drawn to specific issues: handicraft production and cooperation, the sale of handicrafts, commercial and industrial capital, credit for artisans, their work at home, the quality of handicrafts, the connection of crafts with agriculture. The study of statistical data led Vorontsov to the conclusion about the stability of traditional forms of production to destructive capitalist tendencies.

Ключевые слова: кустарное производство и кооперация; сбыт кустарных изделий; торговый и промышленный капитал; кредит для кустарей; работа на дому; качество кустарных изделий; связь промыслов с земледелием.

Key words: handicraft production and cooperation; sale of handicrafts; commercial and industrial capital; credit for artisans, work at home; quality of handicrafts; connection of crafts with agriculture.

E-mail: v.v.zverev@bk.ru

*Окончание. Начало см.: Россия XXI. №2-2022.

**«Внести в мелкое
производство артельную
организацию»**

Начала кооперации, отмечал В. П. Воронцов, использовались не только при семейной форме кустарного производства, но и в тех

случаях, когда наличных сил семьи не хватало для выполнения разных операций. Крестьянин обращался, как правило, к помощи соседей на основе взаимопомощи, хотя иногда использовалась и денежная оплата. Такое участие было необходимо в колесном, санном, дужном и других производствах.

При взаимопомощи («помочи») приглашались до 8–10 человек. После работы выставлялось угощение. Иногда кустари создавали артели в 5–6 человек, работавшие поочередно у разных крестьян.

Но гораздо более важное значение, по мнению Воронцова, имело применение артельного принципа к владению орудиями производства [3, с. 112]. Нередки были случаи соединения кустарей для устройства общей мастерской с целью вести промысел самостоятельно.

Этот факт, по мнению Воронцова, имел немаловажное практическое значение, поскольку он указывал, «куда должны были быть направлены усилия лиц и учреждений, намеревающихся способствовать поднятию мелкой обрабатывающей промышленности». Он упоминал о попытках «внести в мелкое производство артельную организацию», которые в большинстве своем оказались неудачными (бесплодными). Причины этого Воронцов усматривал в том, что инициаторы не обратили внимания на сложившийся в течение веков индивидуалистический характер труда кустарей. Эта «разрозненная деятельность» не могла не сказаться на способности применения принципов кооперации. По мнению Воронцова, «нужно постепенное воспитание масс в указанном направлении, а не скачок от полной разобщенности к столь же полному единению».

По имевшимся у народнического экономиста сведениям, «это воспитание уже началось» [3, с. 113]. Следовало только иметь в виду «не наивозможно широкое применение принципа, а удобное достижение результатов, недоступных силам семейной мастерской. Лишь в этом случае кустарю будут совершенно ясны выгоды кооперации». Такой подход, естественно, не исключал «попыток более полного приложения кооперации, но на них нужно смотреть только как на опыт, а не как на меру, непосредственная цель которой – поднятие промысла».

Воронцов достаточно подробно и последовательно рассматривал факты применения кооперации в мелком промысле. В первую очередь он обращался к кузнечному и гончарному производствам, о которых было наибольшее количество данных.

Занятие этими ремеслами требовало отдельного помещения. В том случае, когда, например, кузнец работал по заказу местных жителей, он не нуждался в кооперации [3, с. 114]. Этому препятствовали отсутствие конкуренции и разбросанность мастеров на значительной территории. Другая ситуация складывалась при производстве продукции на неизвестного и отдаленного потребителя. При таких условиях резко возрастала возможность применения артельного начала для сокращения издержек производства. Одной из таких мер становилось совместное пользование помещением.

Так, среди кузнечных районов (Тихвинского, Саксунского в Пермской губ., Бурмакинского в Ярославском уезде, Тверского, Нижегородского) применение артельного принципа встречалось только у тверских и нижегородских гвоздарей, хотя раньше (15 лет назад) распространение артелей было гораздо шире: в саксунском заводе существовали артельные кузницы о 8 и 10 горнах [3, с. 115].

В источниках почти не встречалось указаний «на применение начала кооперации к металлическим промыслам» в Московской губ. Воронцов предполагал, что причины этого коренились в том, что стоимость производства продукции была высока. В том случае, если она была низкой, то изделия становились предметом широкого потребления и сбывались на местных ярмарках. У кустарей не было «побудительных причин по возможности сокращать издержки производства и для этого применять начала кооперации» [3, с. 118, 119].

В гончарном производстве кооперация встречалась в местностях с слабым или средним развитием промыслов [3, с. 122].

Воронцов считал имевшиеся у него сведения достаточноными для подтверждения мысли о том, что «начало кооперации далеко не чуждо организации нашего кустарного промысла». В то же время было очевидно, «как узка сфера приложения этого принципа». Наряду с формой владения мастерской нередко кооперация охватывала производство в целом. Артельная организация применялась среди отхожих строительных рабочих, кустарей, обрабатывавших дерево (колесники, и т. п.) [3, с. 127, 129, 130, 131].

**«Сговорившись торговать
вместе на ярмарке...»**

Соединялись кустари и для приобретения материала. Иногда они совместно продавали собственные изделия. «Сговорившись торговать

вместе на ярмарке, кустари назначают цены изделиям и уговариваются, сколько кому выставить товару... Общая продажа ведет к сокращению ярмарочных расходов». Однако добиться этого удавалось далеко не всем [3, с. 132].

Итак, кооперативная форма организации в кустарном производстве, по мнению Воронцова, была вполне применима для защиты интересов мелких производителей. Она выступала определенным гарантом повышения производительности труда, минимизации затрат, использовалась в торгово-сбытовых отношениях.

По наблюдениям Воронцова, **сбыт кустарных изделий** основывался на двух способах: 1) продажа продукции кустарем непосредственно покупателю; 2) участие в продаже скупщика, посредника между двумя сторонами. Возможны были разные их модификации и комбинации.

Прямая продажа товара осуществлялась там, где «промысел имеет в виду местный спрос». В этом случае скупщик был нужен только, если продукт выходил за пределы определенного района. Но постепенно с ростом товарности производства его роль менялась, причем кардинально. Сначала он выступал случайным покупателем, затем становился постоянным участником торгов, а потом почти совсем оттеснял потребителя [3, с. 133]. Так продолжалось до тех пор, пока скупщик не становился «единственным лицом, имеющим сношения с кустарем». По мере изменения функций скупщика вырастала и его значимость. Выступая на начальных этапах таким же, как и все покупателем, он действовал по общим правилам, постепенно становясь помощником в сбыте: скупка продукции на месте освобождала кустаря от необходимости доставки продукции на место торга. Отношения между сторонами строились на принципе равноправия.

Но по мере расширения района распространения изделий появлялась необходимость в третьем лице, который брал бы на себя функции посредника между производителем и покупателем. Базарная торговля, проходившая каждую неделю, сменялась ярмарочной, которая проходила 3–4 раза в год. Многие кустари не могли ждать так долго, да и везти нераспроданный товар с ярмарки мог себе позволить не каждый. Выростала также и необходимость в получении кредита под залог выработанных предметов [3, с. 134].

**«Необходимое колесо
в механизме сбыта»**

«Кустарь готов сбыть свой товар хоть и за пониженную цену», – писал Воронцов. Бедные кустари начинали существенно отличаться от зажиточных.

«Скупщик уже является необходимым колесом в механизме сбыта и к своей деятельности как торговца присоединяет кредитные операции». Это начало конца идиллическим отношениям с производителем. Скупщик входил в сферу производства продуктов, делающим его «иногда хозяином будущего товара», «фигура посредника вырастает до внушительных размеров». Он становится единственным «установщиком» цен на продукты мелкого производства, превращается в хозяина, от которого «зависят окончательные денежные результаты производства» [3, с. 135].

«Если же мастер не имеет средств при приобретении матерьяла и получает его в долг от торговца, то последний становится хозяином даже в глазах самого кустаря. Производитель уже не может продать товара кому захочет, а должен нести его в лавку своего кредитора; цену продукта назначает последний; денег кустарь вовсе не видит... В отношении производства продуктов кустарь остается еще хозяином своего дела... В денежном же отношении он находится в полной зависимости от скупщика, все его изделия идут к данному лицу, он работает на хозяина».

Бывший свободный кустарь подходил к границе, отличавшей его от наемного работника. Он разделял свою хозяйственную самостоятельность с капиталистом. Первому принадлежали орудия труда, второму – материал. Мелкое производство, писал Воронцов, приобретает организацию, которую неправильно называют домашней формой крупной промышленности. «Еще шаг, и кустарь становится простым наемником». Таковыми в нечерноземной полосе являлись, например, почти все промыслы Ростовского уезда Ярославской губ., большая часть промыслов Арзамасского уезда Нижегородской, Медынского – Калужской, Тихвинского – Новгородской губ. [3, с. 136, 137].

В этих местах существовали 2 способа сбыта: непосредственные сношения между производителем и потребителем и участие скупщика, когда от него еще не зависело регулирование цены.

В южных районах страны кустарь непосредственно вступал в отношения с потребителем, расположенным недалеко от места производства. Когда же район был удаленным, сбыт попадал в руки посредника [3, с. 140].

При условии появления скупщика весь сбыт переходил в его руки, что выражалось в установлении двух типов отношений между ним и кустарем:

1. свободная продажа в период торга;
2. невольный (убыточный) сбыт товара торговцу-кредитору.

Убыточный сбыт, впрочем, существовал, по замечанию Воронцова, и в первом случае, но постоянная зависимость производителя от посредника еще не установилась полностью [3, с. 141, 142].

Для кустика, естественно, наиболее выгодной представлялась ситуация, в которой он был бы свободным в выборе покупателей. Наиболее приемлемым вариантом становилось желание «сойтись с магазином», «получить от него заказ». Обязанность работы на него не имела ничего общего «с тою обязательностью, какая является, если кустик состоит должником покупателя». Работа на магазин избавляла от затруднений со сбытом, цена на продукт становилась постоянной. «А если он успел зарекомендовать себя со стороны добросовестного исполнения заказов, то эта цена обыкновенно выше той, по которой продают свои изделия остальные кустики». На этих условиях мастер «готов отдавать свои изделия даже в кредит». Однако, как показывала практика, «выгодами обеспеченного сбыта могут пользоваться только зажиточные мастера» [3, с. 145].

Совсем другая ситуация складывалась с кустиками, не обеспеченными значительными средствами. Бедность мастера и отсутствие организованного денежного кредита заставляли его обращаться к скупщику, который выдавал ему ссуду, в уплату которой кустик обязывался поставлять свои изделия по известной цене. Другой формой кредита становился заказ с выдачей задатка. Такая форма взаимоотношений («работа на хозяина») была особенно распространена в отраслях обрабатывающей промышленности, использовавшей дорогой материал (например, в железодельной). Но подобное взаимодействие совершенно не встречалось в гончарной или деревообрабатывающей отраслях. Если там и применялась упомянутая модель сотрудничества, то это означало, что заем определенной суммы был осуществлен «для удовлетворения каких-либо домашних нужд кустика» [3, с. 147, 148].

«Еще шаг, и кустик становится простым наемником»

Становясь одновременно и скупщиком изделий, и продавцом сырья, предприниматель набрасывал на кустика сети, из которых ему

было трудно выпутаться. Скажем, покупая изделия из железа и меди,

капиталист требует у мастера, чтобы «часть стоимости была уплачена сырьем». При выдаче железа в кредит, опять же должно быть соблюдено условие уплаты долга товаром.

Степень этой зависимости и связанные с ней денежные потери были обусловлены многими факторами. Так, если поблизости имелся большой промышленный центр, то кустарь мог сбыть свой товар и получить средства, не прибегая к возможности кредитоваться материалами. Без кредита могли обходиться и мастера, имевшие «порядочный доход от земледелия» [3, с. 150].

Приводимые Воронцовым сведения о сбыте товаров кустарной промышленности приводили его к печальному, но в общем закономерному выводу: «мелкая промышленность в большей или меньшей степени подчинена капиталу; последний не только захватил в свои руки сбыт продуктов и доставку кустарям материала, но пытается внедриться в самое производство, поставить его в полную от себя зависимость. И это совершается не на общем коммерческом основании; капитал стремится не к получению обычного в стране роста, а хочет 50–100 %, часто не оставляя производителю на его содержание. Такое положение вещей в значительной степени зависит от дезорганизации народного кредита» [3, с. 158].

А поскольку кустарь не знаком с коммерческим кредитом, он вынужден прибегать к займам, «не оправдываемым никакими законами свободных экономических отношений». Выдать ему кредит под 18 % годовых значит «сделаться его благодетелем, которого он не забудет до конца своих дней». Расплачиваться кустарю приходится «не чистым доходом от промысла, а тою долею валового, назначение которого – покрыть содержание труда». Гораздо чаще, чем деньги, мастер занимал материал, за который он переплачивал не меньше, чем при кредитовании деньгами. В целом, кустари превращались из самостоятельных производителей в полузависимых наемных рабочих [3, с. 159].

В. И. Ленин о роли «скупщика» и «фабриканта»

Нарисованная Воронцовым картина была весьма красочным и объективным изображением постепенного подчинения кустика власти скупщика.

Характерно, что приводимые им сведения не встречали какой-либо серьезной критики со стороны Ленина. Напротив, внимание к ним только усиливалось и обострялось. Расхождения же просматривались в теоретическом осмыслении торгового и промышленного капитала в ману-

фактуре, роли «скупщика» и «фабриканта». На мануфактурной стадии развития, писал Ленин, наряду с крупными капиталистическими мастерскими встречается значительное число мелких заведений. Численно они даже могут преобладать, однако играя подчиненную роль, что вполне объяснимо, поскольку при ручном производстве мануфактура не имеет существенных преимуществ перед мелкими мастерскими. При этом между ними существует самая тесная связь. Во-первых, крупные заведения вырастают из мелких, во-вторых, мелкие предприятия являются лишь «внешним отделением» мануфактур. «В громадном большинстве случаев связью между теми и другими служит торговый капитал, принадлежащий крупным хозяевам и подчиняющий себе мелких». В целях увеличения прибыли владелец мануфактуры идет по пути перепродажи материала в розницу мелким хозяйчикам, скупки их изделий и т. п. [11, с. 438].

«Если с этими операциями продажи сырья и покупки изделий соединяется (как это нередко бывает) кабала и ростовщичество, если мелкий хозяин берет материал в долг, сдает изделия за долг, то крупный мануфактурист получает такую высокую прибыль на свой капитал, которую он никогда бы не мог взять с наемных рабочих». В дальнейшем материал кустарям начинает раздаваться по домам на выделку изделий либо они скупаются по частям. «"Скупщик" почти всегда переплетается здесь с мануфактуристом» [3, с. 439].

В действительности «хозяева таких заведений распоряжаются не только трудом рабочих в своих заведениях, но и трудом массы домашних рабочих и даже (de facto) трудом массы quasi-самостоятельных мелких хозяйчиков, по отношению к которым они являются «скупщиками»».

Таким образом, на мануфактурном этапе развития производства, по мнению Ленина, «чем меньше в них крупных мастерских, тем сильнее развита "скупка"», и наоборот, меняется только форма капитала, главенствующего и в том и в другом случае и ставящего «"самостоятельного" кустаря в положение, зачастую несравненно худшее, чем положение наемного рабочего».

В связи с этим Ленин упрекал Воронцова, как и всех народнических экономистов, в том, что он игнорировал или затушевывал «связь между крупными и мелкими заведениями, с одной стороны, и между торговым и промышленным капиталом, с другой стороны». Фабрикант одновременно является «осложненным» скупщиком, как и скупщик является «осложненным» фабрикантом. Видеть в этой связи между скупщиком

и фабрикантом довод в пользу мелкого производителя означало, по мысли Ленина, насиловать факты «в угоду предвзятой идее». Напротив, «присоединение торгового капитала к промышленному в громадной степени ухудшает положение непосредственного производителя сравнительно с положением наемного рабочего, удлиняет его рабочий день, понижает его заработки, задерживает экономическое и культурное развитие» [11, с.440, 441].

В связи с этим Ленин категорически выступал против существовавшего у Воронцова желания выделить крупных мануфактуристов в категорию представителей крупной фабрично-заводской промышленности, а скупщиков представить исключительно в качестве явления, вызванного «лишь неустойчивостью сбыта продуктов» [11, с.440].

Критические замечания Ленина в совокупности с теоретическим общением, касавшимся скупщика и его превращения в капиталистического предпринимателя были весьма серьезными аргументами в споре с народническими экономистами. Следует признать, что Воронцов считал торговый капитал «врезавшимся» в кустарное производство со стороны и выносил его за границы производственных отношений. Но, констатируя этот недостаток взглядов Воронцова, мы должны отметить и тот факт, что «первичные капиталистического типа отношения, – как писал Рындзюнский, – обычно чрезвычайно трудно обнаруживаются и анализируются, потому что они неустойчивы и часто скрываются под иными формами (например, в форме по внешности лишь торговых отношений между производителем и скупщиком)» [8, с.8]. К тому же анализируемый фактический материал не давал ему возможности с полной уверенностью заявлять о закреплении капиталистических отношений в кустарном производстве. Хотя общая тенденция просматривалась вполне очевидной во многих вопросах, в том числе и при изучении распространенности **кредита среди кустарей**.

В.П.Воронцов о кредите для кустарей

Воронцов рассматривал формы мелкого кредита, существовавшие в России, на конкретном материале, разбросанном в различных статистических сборниках. По его наблюдениям, наиболее выгодные займы предоставляли кредитные учреждения, в которых условия были заранее известны и оставались постоянными. Это представляло несомненную выгоду для кустарей, но указанная форма была наименее всего распространена среди них [3, с. 159, 160]. Да к тому же кустари имели от них

мало пользы. К примеру, ссудо-сберегательные товарищества «или давно роздали капитал и теперь бездействуют, или служат только богатой части населения, или лишились капитала, благодаря злоупотреблениям заведующих лиц» [3, с. 164].

В результате, констатировал Воронцов, или вовсе не было кредитных учреждений для кустарей, «или они прибегают к весьма убыточным формам денежного или материального займа у местных ростовщиков-скупщиков» [3, с. 165].

А у последних обычный процент деньгами или материалами составлял 100–120% годовых. И это был еще не худший вариант в положении мастера. Уплатив добытыми деньгами подати, обеспечив содержание семьи, сделав запас материалов, он мог самостоятельно вести промысел и продавать товар тому скупщику, который предлагал наиболее выгодную цену.

Но большая часть кустарей не пользовалась даже таким кредитом, продавая товары по низким, даже бросовым ценам, вырывая из собственного потребления продукты земледелия, сокращая производство. «Наконец, устав от вечной заботы о завтрашнем дне, кустарь решается на шаг, который дает ему относительное успокоение, но которому он жертвует большей или меньшей степенью своей хозяйственной самостоятельности; он прибегает под покровительство скупщика изделий, обязуется сбывать ему продукты своего труда, приобретает таким образом кредит, но зато из хозяина понемногу превращается в чужого работника» [3, с. 169, 170].

Итак, недостаток средств являлся одной из главных причин потери кустарем своей самостоятельности. Воронцов выделял несколько этапов в использовании скупщиком кредита как орудия закрепощения производителя и превращения его в работника. На первой стадии кустарь обязывался уплатить долг изделиями, после чего он становился свободным. Но он, опять же из-за недостатка средств, обращался к скупщику. Его обязательство продавать товар одному и тому же лицу входило в привычку. «Продавать на сторону становилось уже нарушением укоренившегося обычая». После этого «купля-продажа исчезает, производитель уже не покупает материала (в долг) и не продает кредитору изделий, а прямо работает из его материала или нанимается в его мастерскую; является полу- или чисто-капиталистическая форма мелкой промышленности» [3, с. 173].

Воронцов находил прямую зависимость между зажиточностью сельского кустаря и постепенным превращением его в наемного рабочего.

По его наблюдениям, там, где были свободные денежные средства, где население было относительно сносно обеспечено продовольствием, где земледелие приносило хотя бы и небольшой доход, там «немалая часть крестьян ведет промысел на свой страх». Противоположная ситуация была характерна для тех районов, «где хлебопашество в упадке или где кустари вовсе не имеют земли» [3, с. 179].

В целом экспозиция Воронцовым материала, связанного с постепенным подчинением товаропроизводителя скупщику, отражала реальное положение кустаря, потерю им независимого положения. Например, Рындзюнский отмечал, что этим отношениям был свойственен высокий уровень эксплуатации: «чаще всего 1/4, иногда 1/6 и другие близкие к ним доли суммы денег, получаемых от потребителей товаров, уходили в руки людей, не прилагавших труда к их производству». Тем не менее, указывая на превращение кустаря в полузависимого работника, Воронцов не склонен был считать, что капитализм уже проник в кустарное производство. Финансовое порабощение производителя он выносил за скобки производственного процесса, упуская из виду, что «предприниматель, который стал или становился скупщиком, в одно и то же время действовал и как капиталист, и как агент первоначального накопления» [17, с.207].

В.И. Ленин о “sweating system” и “truck-sistem”

Именно убеждение Воронцова в сохранении кустарями основ «народного производства» подвергалось критике Лениным при рассмотрении вопроса **о капиталистической работе на дому как придатке мануфактуры**. Согласно ленинским взглядам, если на стадии мелкого кустарного производства и крупной машинной индустрии можно достаточно легко обойтись без работы на дому, то «мануфактурный ... период развития капитализма, – со свойственным ему сохранением связи работника с землей, с обилием мелких заведений вокруг крупных – трудно, почти невозможно себе представить без раздачи работы по домам» [11, с.441].

Такая практика требует наличия большого количества посредников, которые берут материал оптом, а раздают по мелочам. При этом в случае нужды производителей посредник «изыскивает такие приемы эксплуатации, которые были бы немыслимы в крупном заведении, которые абсолютно устраняют возможность какого-либо контроля и надзора». В результате создается «sweating system, система вышибания пота». На-

ряду с этим царит в кустарных промыслах и «truck-system, расплата припасами» [11, с.442].

В результате кустарь не только попадал в тиски ничем не ограниченной эксплуатации с непомерной длиной рабочего дня, антигигиенической обстановкой работы, привлечением к работе женщин и детей с самого раннего возраста, нищенской оплатой их труда. «Предприниматель получает возможность выбирать себе рабочих в таких захолустьях, где жизненный уровень населения стоит особенно низко и где связь с землей позволяет работать за бесценок» [11, с.443].

«Раздробленность рабочих на дому и обилие посредников естественно ведет к процветанию кабалы, ко всяким формам личной зависимости, сопровождающим обыкновенно "патриархальные" отношения в деревенских захолустьях, – писал Ленин. – Долги рабочих хозяевам – самое распространенное явление в "кустарных" промыслах вообще и при домашней работе, в частности» [11, с.444–445].

Созданная система неподконтрольной и жестокой эксплуатации в незначительной степени зависела от прикрепления крестьянина к наделу, особенно тогда, когда платежи за землю превышали уровень ее доходности. Негативно влияла на свободу передвижения крестьян и «сословная замкнутость крестьянской общины». В результате при господстве капиталистической работы на дому сохранялись «технически отсталые формы производства» [11, с.445].

Просматривалась и связь работы на дому с разложением крестьянства. Для ее существования было необходимо наличие массового сельского пролетариата, готового продавать свой труд, а, во-вторых, зажиточных крестьян, готовых «взять на себя роль агентов при раздаче работы» столь артистически, чтобы с ними не могли соревноваться никакие приказчики из-за незнания местных условий существования и обычаев [11, с.446].

Наконец, капиталистическая работа на дому прямо укладывается в рамки теории избыточного населения. Ленин подчеркивал, что народнические экономисты (и Воронцов в их числе) много писали об «освобождении» рабочих русским капитализмом, создании «резервной армии» рабочих. Но никто из них не обратил внимания на то, что домашние рабочие составляют наиболее значительную ее часть. «Посредством раздачи работы на дом предприниматели получают возможность медленно увеличивать размеры производства до желаемых размеров, не затрачивая значительных капиталов и значительного времени на постройку мастерских и т. п. А такое немедленное расширение производ-

ства очень часто предписывается условиями рынка, когда усиленный спрос является вследствие оживления какой-либо крупной отрасли промышленности (напр., железнодорожного строительства) или вследствие таких обстоятельств, как война и т. п.» [11, с. 446–447].

Ленин был прав в констатации общей тенденции вовлечения кустарей в капиталистическое производство мануфактурного типа. Сельские промышленники все более теряли независимость, разорялись, превращались в наемных рабочих. Однако этот процесс в России имел и собственные особенности. По замечанию Рындзюнского, «складывание буржуазной верхушки деревни в первых десятилетиях после реформы 1861 г. как в количественном, так и в качественном отношении не развернулось еще с такой силой, как то было в последующий период капиталистического развития России. Но другой социальный элемент утверждавшегося социального строя – лишенные средств производства и готовые продать свою силу деревенские выходцы – имелся в избытке» [17, с. 51]. В связи с этим сам процесс перехода к крупному производству тормозился, а кустарные промыслы получали возможность существовать и даже конкурировать с индустриальными гигантами, если не на всероссийском, то на региональном рынке.

Кустарь и технический прогресс

В пользу этого говорило, по мнению Воронцова, и **качество кустарных изделий**. Он не соглашался с утверждением отечественной публицистики о техническом несовершенстве изделий, возмущался голословными обвинениями кустарей в отказе от нововведений, полной несуразницей считал точку зрения, что только скупщики товара выступали неким противовесом этой самоуверенности. Они якобы выискивали для кустарей новые образцы, буквально принуждали их вносить новые приемы производства, словом, являлись «светочем знания и прогресса в темной массе невежественных кустарей» [3, с. 188].

Причину невысокого качества товаров кустарного производства Воронцов находил в их низкой цене, часто не окупавшей издержек производства. «Там, где мелкий промышленник работает за хорошую цену, он умеет удовлетворить требованию и вкусу покупателя и приготовляет вполне удовлетворительные изделия», – писал народнический экономист по этому поводу. Что же касается роли скупщика, то она была отнюдь не благой. Напротив, посредник в большинстве случаев

не обращал внимания на качество изделия, а старался как можно меньше заплатить изготовителю [3, с. 189].

Неоправданными считал Воронцов и представления о слепой привычке кустарей к традиционным орудиям труда, к приемам производства, об отсутствии у них интереса к любым усовершенствованиям. Такие утверждения не учитывали, как он считал, того, что «заурядный кустарь-работник, стремящийся получить наибольшие выгоды от промысла и нуждающийся в увеличении своих доходов, ибо они крайне низки, чутко относится к техническим улучшениям, доходящим до его ведома» [3, с. 191].

Абсолютно неверным было и видение противниками кустарного производства «борьбы прогресса и рутины, медленной победы новой идеи над упорным консерватизмом старины». Новатор в области технических усовершенствований отнюдь не был «борцом за улучшение, тщетно убеждающим своих товарищей в пользе известного изменения в орудиях производства». Напротив, он «всеми мерами старается скрыть от соседей секрет нововведения, дающего ему перевес над остальными на рынке сбыта товаров; масса же кустарей употребляет не менее энергичные усилия для того, чтобы узнать новый прием. И раз это сделано, – улучшенный способ производства сразу вводится в общую практику» [3, с. 191, 192].

Наряду с тем, что имевшиеся сведения опровергали весьма распространенное заблуждение, Воронцов считал, что они указывали на глобальную проблему оторванности кустика от достижений цивилизации, гордившейся современными успехами науки и техники. На их фоне он по-прежнему оставался невежественным, «образуя как бы архаическое государство в государстве, блистающем железными дорогами, паровыми машинами... и прославляющем свой новый промышленный успех». Будто высокой китайской стеной мелкий производитель был защищен от «просветительного влияния науки», как были лишены представители технической интеллигенции возможности отдать ему свои знания и умения. «Кустари, – писал по этому поводу Воронцов, – получают доступ к знанию благодаря случайным встречам с невежественным фабричным рабочим, еще менее его знающим отставным солдатом и т. д.». Они не знают не только того, что происходит на фабрике, но им чужды сведения о положении такого же промысла в других местах, если их район отдален на несколько сот верст [3, с. 194, 195].

В результате кустари оставались предоставленными «собственным допотопным знаниям и изобретательным способностям». «Они чувству-

ют дыхание прогресса, видят, что что-то неладно, испытывают беспокойство за свои архаические орудия и приемы производства, стремятся к лучшему, пытаются изобретать и действительно изобретают приемы работы, давно уже сданные наукой в архив; а мы – видя только, что их техника отстала, – упрекаем их в невежестве и рутинности, не признающих будто бы лучшего нового, не замечая, что на самом деле перед нами две жизни, текущие в одно время и в том же месте, но вечно остающиеся параллельными и потому никогда не встречающимися. И еще вопрос – кто должен сделать первый шаг к сближению: невежественный ли мужик, плохо понимающий, что делается вокруг него, или образованный человек, которому все ясно и который сознает свои обязанности перед страной и будущими поколениями» [3, с. 195–196].

Рассуждая о возможности повышения качества кустарных изделий, а значит, и о возможности конкуренции мелких производителей с машинной индустрией, Воронцов, с одной стороны, был убежден в способности русского мужика повысить свой образовательный и профессиональный уровень. А, с другой, – надеялся на всестороннюю и эффективную помощь русского общества в лице отечественной интеллигенции, в задачу которой входило просвещение населения и организация в рамках земских начинаний различных вспомогательных форм адаптации кустарей к рыночным условиям. К их числу относились кредитные, сбыто-торговые, складские, заготовительные и т. п. учреждения. Предлагаемые меры прямо укладывались в пропагандируемую Воронцовым в печати «теорию малых дел».

В. П. Воронцов: «...занятие хлебопашеством придает кустарю устойчивость»

Так, он утверждал, что «занятие хлебопашеством придает кустарю устойчивость». Эта необходимая для существования сельского ремесленника связь проявлялась буквально во всем: земледелие обеспечивало необходимыми продуктами питания, что позволяло не спешить с реализацией изделий на рынке при их низкой цене, успешно конкурировать с городским мастером. Наличие лошади давало возможность, не прибегая к услугам скупщика, сбывать товар за пределами местного рынка, чередовать занятие ремеслом с извозом, лесными заработками и другими видами труда [3, с. 205, 204].

Но все-таки главным в сохранении и развитии кустарного производства Воронцов считал **сохранение связи между промыслами и земледелием**.

Именно из-за того, что хлебопашество поддерживало промысел, кустарь, по мнению Воронцова, и должен «стремиться к упрочению своего положения в качестве земледельца». В общей массе вывод был справедлив. По наблюдениям народнического экономиста, «типическим представителем промысла является не безземельный горожанин, а крестьянин-хлебопашец» и в России не было «больших безземельных кустарных районов» [3, с.205].

Чисто теоретически Воронцов предполагал, что может сложиться ситуация, когда «солидарность» между двумя видами деятельности сельского жителя ослабеет до полного ее уничтожения и превращения в антагонизм. Но это могло произойти в самом крайнем случае, при условии, что мастер лишится имевшихся выгод, «скученность» населения достигнет максимума, земельные участки станут крайне малы и будут крайне скудно обеспечивать кустаря. В таком случае промысел и земледелие составят «почти чуждые друг другу занятия» и «кустарь перестанет быть хлебопашцем» [3, с.206].

Но такое развитие событий представлялось Воронцову чуть ли не апокалиптическим сюжетом, и он предпочитал проводить анализ земледельческой жизни кустаря в экономическом, нравственном и других аспектах.

Находившемуся в полуподчиненном и полузависимом положении кустарю занятие земледелием возвращало независимость хотя бы на одно лето и тем самым удовлетворяло стремление «к самостоятельности, столь развитому в русском крестьянине». Это происходило даже в том случае, если он прилагал труд «не в собственном хозяйстве, а по найму к чужому полю».

«Кустарю нет причин предпочитать промысел земледелию...»

в виду, что, как правило, ему приходилось трудиться в жилом помещении или в мастерской со спертым воздухом, отравленным дурно пахнущими парами, то выезд в чистое поле и земледельческий труд «при участии всех мышц тела» составлял, по словам Воронцова, «корректив вредного влияния промышленного» труда. «Расстройство организма, происшедшее зимой, исчезает под благотворным влиянием летнего полевого труда». Это прекрасно понимают кустари и поэтому «с наступлением лета они бросают мастерские и спешат в поле – хотя бы на на-

Отдыхал сельский житель и от однообразных, утомляющих дух и тело движений во время изготовления кустарных изделий. А если иметь

емную работу, причем делают это не только хлебопашцы, но и безземельные пролетарии» [3, с.207, 208].

Нарисовав едва ли не пасторальную картину, Воронцов, как ему казалось, подтверждал ее абсолютно объективным примером. Количество рабочих на мелких и даже крупных промышленных предприятиях сокращалось летом настолько, что собственники вынуждены были идти на хитрость: они платили рабочему, нанявшемуся в мастерскую на весь год, больше по сравнению с мастером, живущим у хозяина только осень, зиму и весну. Так, хозяева экипажных заведений Московской губ. нанимали представителей первой категории с оплатой по 9 руб. в месяц, а второй – по 8 руб. [3, с.209]

«Итак, – делал вывод Воронцов, – нравственные и гигиенические преимущества находятся на стороне земледелия, а не промысла».

Если говорить об экономических выгодах земледелия и кустарно-производства, то их следовало рассматривать с точки зрения постоянства доходов и их величины. Земледелие давало крестьянину, писал Воронцов, особенно в промышленных районах, «не меновые, а потребительные ценности». Произведенный на своем участке хлеб он не понесет на рынок, а употребит со своей семьей. Его сельскохозяйственные доходы в связи с этим не зависели от колебаний цен на рынке, а характеризовались устойчивостью и постоянством.

В отличие от земледелия промышленные заработки кустаря колебались в зависимости от множества причин самого различного свойства (изменение курса рубля, тарифа, урожая хлебов, проведение новой железнодорожной ветки и т. п.) [3, с.209, 210].

В связи с этим Воронцов предлагал «отличать абсолютные цифры заработков в обеих отраслях труда и оплату единицы труда земледелием и промыслом». Конечно, если мастер посвящал 8–9 месяцев в году ремеслу, то его совокупный доход в этой отрасли составлял больший процент по сравнению с земледелием. Однако это не исключало того, что «3–4-х месячная работа в мастерской не дала бы кустарю столько дохода, сколько он получит за это время от хлебопашества». Даже это гипотетическое предположение давало возможность утверждать, что «кустарю нет причин предпочитать промысел земледелию и, напротив того, существует полное основание заботиться о благоустройстве последнего» [3, с.210, 211].

Подсчеты, проведенные Воронцовым, давали ему основание утверждать, что реальные доходы семьи кустаря от земледелия «редко ограничиваются 1/3 бюджета семьи; обыкновенно они выше 40 %, нередко

достигают 1/2 бюджета». Оставшиеся 60–50% приходились на кустарные промыслы, и редко когда один главный из них давал заработок, превышавший сельскохозяйственные доходы. Если такое и случалось, то происходило это «большую частью благодаря каким-нибудь заработкам временным, случайным и потому ненадежным» [3, с.213, 214].

Воронцов пытался определить производительность промыслового и земледельческого труда кустаря. Даже в том случае, писал он, если земледелие покрывает меньшую часть крестьянского бюджета, то и занимается кустарь хлебопашеством меньшую часть года. Простой арифметический расчет показывал, что «оплата единицы труда в земледелии значительно выше, чем оплата труда той же единицы в промысловой работе». А раз это так, то земледелие представляло такие выгоды сравнительно с главным промышленным занятием, что конкуренция между ними вряд ли возможна [3, с.214, 216].

Суммирующее все частные выводы заключение звучало однозначно: «большая часть промыслов в глазах кустаря уступает земледелию, и крестьянин не станет забрасывать хозяйство, направляя всю рабочую силу на промысловые заработки». Правда, Воронцов сразу же оговаривался, что подобная ситуация возможна только в тех случаях, когда «крестьянин обладает участком земли для содержания лошади и сельскохозяйственного инвентаря» [3, с.217].

«Суть дела... в агрикультурных и экономических условиях местности»

В совершенно ином положении оказывался кустарь, наделенный значительным участком земли. Он рисковал стать наемным работником в городе и окончательно порвать с хлебопашеством. Эта опасность несколько отдалялась при условии, если мастер занимался обрабатывающей промышленностью на месте проживания, где кустарные промыслы составляли «один из надежнейших оплотов земледелия». И если мелкое хозяйство здесь находилось в далеко неудовлетворительном состоянии, то причины этого, как писал Воронцов, следовало приписывать не кустарному промыслу, а отхожим промыслам, близости промышленных центров, измельчанию семейных земельных участков [3, с.219–220].

Воронцов был убежден, что как гипотетические предположения, так и богатый фактический материал, доказывали безусловную справедливость вывода о том, что «соединение промышленного занятия с земледелием выгодно для кустаря в экономическом, нравственном и гигие-

ническом отношении», и что он будет стараться, чтобы «его хозяйство находилось в исправном состоянии» [3, с.220, 221].

Сочетание хлебопашества и кустарных промыслов было выгодно в первую очередь своими хозяйственными преимуществами. Хлебопашец, изготавливавший разнообразные изделия, мог прикрыть за счет их продажи прорехи в своем бюджете. Так, при неурожае зерновых он мог «употребить» денежные средства, «даваемые промыслом», на выплату податей, покупку тяглогового скота и т. п. Всего этого был лишен земледелец, живший исключительно земледелием. К тому же «отбросы» промыслов могли давать «хорошее удобрительное или кормовое средство». Правда, крестьяне в силу своего невежества не умели этим пользоваться, хотя некоторые попытки и предпринимались, впрочем, безуспешно [3, с.222, 223, 224].

Однако существовало и противоположное мнение. Так, Харизоменов утверждал, что «мелкая промышленность находится в добром согласии с сельским хозяйством в тех случаях, где промысел составляет подсобное занятие населения, а главные доходы последнее имеет от земледелия. Там, где промысел составляет главный источник заработка, а земледелие остается на заднем плане, последнее подчиняется первому, и это подчинение, поддерживая высокий земледельческий уровень немногочисленной категории средних промышленников, в общем итоге отражается крайне дурно на земледелии» [3, с.225–226].

Воронцову казалось, что у Харизоменова речь шла не столько о мелком промысле, сколько о положении дел в местностях, где господствовали капиталистическая организация и наемный труд. «Если промышленный кризис ведет за собой упадок сельского хозяйства, – писал он, – то значит – между промыслом и земледелием нет ...антагонизма: хозяйство в этом случае упало не от того, что крестьянин занимается промыслом, а именно потому, что он перестал ему отдаваться (благодаря кризису)» [3, с.227].

Воронцов, напротив, был уверен, что там, где земледелие не обеспечивало населения, крестьянину или предстояло уйти на сторону, или найти подсобное занятие по месту жительства. А если говорить о разрушительном влиянии кризиса, то его негативные последствия ощущались в одинаковой степени как в черноземной, так и в нечерноземной полосе. И винить мелкий промысел в кризисе так же неправомерно, как и винить в этом хлебопашество. «Суть дела не в промысле, – подытоживал Воронцов, – а в агрикультурных и экономических условиях местности;

оживление же рынка лишь обнаруживает прорехи, давно существовавшие в хозяйстве» [3, с.228].

Антагонизм промысла и хлебопашества заключался не в преобладающем значении первого над вторым, а в том, что в местностях, где громадная масса кустарей работала по найму у нескольких десятков хозяев, «население оказалось в неоплатном долгу у фабрикантов». К тому же его экономическая зависимость дополнялась юридическим обезличением, когда за неуплату долга «крестьянин приговаривается волостным судом к телесному наказанию». «При таких отношениях, – заключал Воронцов, – действительно, земледельческое хозяйство кустика находится в крайне шатком положении, тем более, что фабрикант, от которого зависит все существование кустика, первый враг сельского хозяйства» [3, с.228, 229].

Народнический экономист был убежден, что даже в тех местностях, где земледелие давало всего 1/3–1/4 часть доходов крестьянина, оторвать его от хлебопашества было крайне трудно. На какие бы ухищрения ни пускался фабрикант, кустика стремился дополнить одно занятие другим [3, с.230].

Если сравнивать промышленную местность с земледельческой, то оказывалось, что в организации крестьянского сельскохозяйственного промысла первая представляла «гораздо большую однородность, так как число земледельцев, возвышающихся над средним уровнем, составляет здесь ничтожный процент всех крестьян, что в свою очередь свидетельствует о сильнейшем стремлении заурядного кустика к хозяйству» [3, с.231].

Характеризуя взгляды Воронцова на состояние крестьянских кустарных промыслов, следует отметить и такой факт, как изменение его общих оценок по этому вопросу. Они не оставались статичными. Так, в 1870-е гг. Воронцов считал, что кустарное производство не переживало кризис, а, наоборот, продолжало, «в большинстве случаев, процветать и развиваться» как самостоятельное явление экономической жизни страны. Ему угрожали отнюдь не технические преимущества крупного промышленного производства, а «превышение предложения его продуктов над спросом». Лишенные возможности поддерживать свое существование земледельческим трудом, крестьяне обращались к выпуску кустарной продукции ради покрытия фискальных выплат, выкупных платежей и т. п. В результате этого на рынок выбрасывалось такое количество товара, что он превышал реальную потребность населения, вызывал соперничество среди крестьян-производителей и в конечном итоге понижал

СУДЬБЫ
КАПИТАЛИЗМА
ВЪ РОССІИ.

В. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Бас. Остр., 2 л., 7.
1882.

Обложка книги В.П.Воронцова «Судьбы капитализма в России»

цену изделий. Воронцов утверждал, что «дело не в промысле, не в его технической элементарности и неспособности выдержать конкуренцию крупного производства, а в положении народа, упадке земледельческого хозяйства, заставляющем большую массу крестьян бросаться в описываемую отрасль труда, что ведет к переполнению рынка продуктом и подчинению населения кулаком» [4, с.223, 228].

В 1880-е гг. русский экономист под влиянием фактов статистических исследований изменил свою позицию и стал считать, что кустарное производство по сравнению с земледелием было больше втянуто в товарно-денежные отношения. Однако Воронцов, хотя и видел, что происходит «замена одной формы производства другою» [3, с.172, 173, 185], но свя-

зывал укрепление капиталистических отношений не столько с влиянием фабричного производства, сколько с кредитно-финансовыми условиями функционирования кустарей.

**Народники и марксисты
о кустарных промыслах:
кто прав?**

...Как часто бывает при обсуждении принципиально-важных вопросов, в полемике между народниками и марксистами о положении кустар-

ной промышленности не оказалось победителя. Русские марксисты в лице Туган-Барановского и Ленина верно определили магистральное направление развития России. Капитализм последовательно и неотвратно закреплялся в стране. В русле этой тенденции кустарному производству грозило не просто подчинение главному укладу отечественной экономики, но и, если не окончательное исчезновение, то превращение в придаток крупной машинной индустрии с крайне ограниченным рынком сбыта продукции, полупролетарским и пролетарским составом производителей. Тем более что по этому пути кустары уже совершили к концу XIX в. существенную эволюцию. В этом вопросе марксистские наблюдения и выводы были объективны, как и в анализе переходных стадий к отечественному индустриализму.

Однако скорость происходивших изменений в экономике страны оказалась не столь высокой, как представлялось марксистам. Этому мешали как сохранявшееся полукрепостное положение крестьянства, так и сопротивляемость кустарей закреплению товарно-денежных отношений, проникновению капитала в производство. Кустарничество продемонстрировало значительную устойчивость и способность к развитию.

На этот факт в свое время обратил внимание К. Н. Тарновский. Для рассмотрения динамики изменения положения кустарных промыслов он обратился к анализу численности лиц, занятых в этом секторе экономики. Опираясь на подсчеты А. Г. Рашина, Тарновский указал, что в 1860 г. общее количество фабрично-заводских рабочих равнялось 800 тыс. человек, столько же было занято и в мелкой промышленности. В 1913 г. количество рабочих фабрично-заводской и горной промышленности возросло до 3,1 млн а в мелкой промышленности – до 3 млн человек. Другой отечественный историк А. А. Рыбников указывал, что в 1908 г. «в крупной промышленности насчитывалось... 2,7 млн рабочих, объем промышленного производства достигал 4, 900 млн руб... В мелкой промышленности было почти 5,2 млн человек (в том числе в сельской – 4 млн человек), а объем производства выражался в сумме 2,400 млн руб. (в том

числе сельской мелкой промышленностью изготавливалось продукции на 1,7 млн руб.). Таким образом, по численности рабочих мелкая в два раза превосходила крупную, а по сумме производства, напротив, крупная промышленность в два раза превосходила мелкую» [6, с. 341].

Объяснение этим бесспорным фактам Тарновский находил в том, что в начале XX в. существовало «два принципиально отличных типа ремесленно-кустарного производства. Первый, традиционный, является прямым наследием ремесла и мелкотоварного уклада феодальной эпохи, феодального способа производства... Под ударами крупно-фабричного производства и изменений общих условий жизни этот вид мелкого производства сокращается и гибнет. Второй тип ремесленно-кустарного производства непосредственно связан с крупно-фабричным, а иногда и порожден им... Рост мелкого производства в целом в начале XX в. происходил, главным образом, за счет промыслов этого типа. ... Ремесло и простое товарное производство обслуживает местные нужды, т. е. сравнительно небольшой рынок; этой форме кустарно-промышленного производства соответствует рассеянное размещение. Что же касается мелкой товарной промышленности, организованной по принципу мануфактуры (рассеянной и централизованной), то для нее характерна концентрация (гнездование) в особых районах... В гнездовой промышленности с наибольшей очевидностью выявляется связь системы кустарного производства с крупной фабричной промышленностью» [6, с. 342–343].

В целом, как подтверждают исследования отечественных историков, доказательства Воронцовым жизненной силы кустарных промыслов, возможности их существования и развития при капитализме были основаны на объективных данных, не противоречили реальному положению и не были идеологически заданы. Кустарная промышленность и ремесло оказались весьма устойчивыми формами производства. Но рассматривать их в качестве альтернативы капиталистической эволюции страны крайне спорно.

Библиографический список

1. Андреев Е.Н. Кустарная промышленность в России. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1882. 31 с.
2. Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М.: Наука, 1995. 265 с.

3. В.В. [Воронцов В.П.] Очерки кустарной промышленности в России. СПб.: Тип. В.Киршбаума, 1886. 233 с.
4. В.В. [Воронцов В.П.] Судьбы капитализма в России. СПб: тип. М.М.Стасюлевича, 1882. 312 с.
5. Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя, 2008. 202 с.
6. Данилов В.П., Тарновский К.Н. Судьба мелкой промышленности России до и после победы революции // Не отступая, быть самим собой. К столетию со дня рождения К.Н.Тарновского. М.: ИРИ РАН, 2021. С.339–384.
7. Жвания Д.Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П.Воронцов, И.И.Каблиц, П.А.Соколовский). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. 313 с.
8. Зверев В.В. Н.Ф.Даниельсон, В.П.Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. М.: РКТИ, 1997. 224 с.
9. Зверев В.В. Экономист Василий Павлович Воронцов (1847–1918): новые факты к биографии ученого // Проблемы отечественной истории нового и новейшего времени: сборник научных статей в честь профессора Валерия Васильевича Журавлева. М.: Изд-во ВВЕ МГОУ, 2018. С.57–89.
10. Каблуков Н.А. О значении профессионального образования при экономических условиях России // Русская мысль. 1888. №12. С.50–79.
11. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т.3. М.: Изд-во политической литературы, 1971. С.1–609.
12. Мокшин Г.Н. Василий Павлович Воронцов // Вопросы истории. 2003. №9. С.57–73.
13. Наумова Г.Р. Кустарная промышленность // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. В 2 т. Т.1 / отв. ред. Петров Ю.А. М.: РОССПЭН, 2008. С.1188–1190.
14. Новые книги: В.В. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886 // Северный вестник. 1886. №3. С.184–187.
15. Промыслы Владимирской губернии. Вып.1–5. М.: А.Баранов, 1882–1884.
16. Рачков М.П. Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1993. 188 с.
17. Рындронский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. М.: Наука, 1966. 261 с.
18. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб: Наука, 1998. 796 с.
19. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем // Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М.: Наука, 1997. С.67–521.
20. Харизоменов С.А. Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. 1883. №11. С.414–441; №12. С.544–597.

Никакая партия ничего не стоит, если она не имеет целью захват власти.

Лев Троцкий

Молодость быстро летит: лови уходящее время. День миновавший всегда лучше, чем нынешний день.

Овидий

Нет в мире таких крепостей,
которые не могли бы взять
трудящиеся, большевики.

Иосиф Сталин

Для того чтобы жить,
человеку нужны воспомина-
ния, как топливо. Всё равно
какие воспоминания.

Харуки Мураками

**Валерий Журавлев,
Петр Савельев**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ

I. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В РЕВОЛЮЦИИ*

УДК

94(47).084.1

В статье анализируется процесс генезиса левого фланга партийной системы России весной – летом 1917 г. Начавшаяся Российская революция полностью разрушила старую систему политических партий, основанную на думской деятельности и выборах в Думу. В развитии российского социал-демократического движения действовали две тенденции – к консолидации, объединению в единую партию и к расколу, образованию ряда самостоятельных партий. Социал-демократы к осени 1917 г., размежеваясь и объединяясь, оформились в две противостоящие друг другу общероссийские партии – РСДРП (объединенная) и РСДРП (большевиков), а также занявшую промежуточную между ними позицию РСДРП (интернационалистов) и ряд мелких организаций, главным образом национальных.

The article analyzes the process of genesis of the left flank of the Russian party system in the spring – summer of 1917. The outbreak of the Russian Revolution completely destroyed the old system of political parties based on Duma activity and Duma elections. There were two tendencies in the development of the Russian Social democratic movement – towards consolidation, unification into a single party and towards a split, the formation of a number of independent parties. By the autumn of 1917, the Social Democrats, separating and uniting, took shape into two opposing all-Russian parties – the RSDLP (united) and the RSDLP (Bolsheviks), as well as the RSDLP (internationalists), which took an intermediate position between them, and a number of small organizations, mainly national.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г.; политические партии России; социал-демократы; РСДРП.

Key words: Russian Revolution of 1917; political parties of Russia; Social Democrats; RSDLP.

E-mail: kaf-nnir@mgou.ru; savelev57@bk.ru

**Статья подготовлена в рамках реализации поддержанного РФФИ проекта №20-09-00105 «Политические партии России начала XX в.».*

23 февраля (8 марта) 1917 г. началась Великая российская революция. В течение всего нескольких дней была разрушена просуществовавшая два столетия имперская политическая система. Россия встала перед историческим выбором, характеризующимся, как и всякий выбор, разнообразием возможных векторов дальнейшего движения.

Естественно, существовала возможность реставрации прежней системы. Однако она оказалась не обеспечена наличием политических сил, способных осуществить такой поворот назад. Правые политические партии, несколько десятилетий находившиеся под патронатом действующей власти, были неспособны бороться самостоятельно, не смогли сформировать жизнеспособную альтернативу силам, ратовавшим за глубокое реформирование России.

Первоначально политическую инициативу в свои руки взяли либерально-демократические силы, ориентировавшиеся на образцы европейских демократий. Они сформировали Временное правительство, принявшее на себя ответственность за судьбы страны.

Однако еще в ходе Февральского переворота о себе заявила и крайне левая альтернатива. Уже первые дни революции протекали под Красным флагом – партийным символом социалистов, и значительные массы, участвовавшие в революционных событиях, находились под сильным влиянием их максималистских требований. Правда, сами социалисты в начале революции были малочисленны и раздроблены на десятки враждующих друг с другом группок, тяготевших либо к неонародническому, либо социал-демократическому направлению. Но они с каждым днем набирали силу, росли и все значительнее влияли на ход событий, корректируя политику Временного правительства, а затем и войдя в его состав. Социал-демократия же сыграла в развитии революции особенную роль.

Тенденции к консолидации и размежеванию российских социал-демократов. Февраль – июнь 1917 г.

К началу 1917 г. российское социал-демократическое движение было крайне фрагментированным.

Помимо далеко не нового деления на меньшевиков, внефракционных социал-демократов и большевиков оно включало множество национальных организаций. В условиях войны произошло дальнейшее дробление этих течений, фракций и групп. Общая же их численность составляла 32–33 тыс. чел.¹

¹Характеристику фракций социал-демократии подробнее см.: [36, с.686–689].

Баррикады у Арсенала. Петроград. Конец февраля 1917 г.

Февральские события в России застали социал-демократов врасплох². 23–26 февраля никаких осмысленных действий со стороны их руководящих центров не наблюдалось. В первые дни революции среди митингующих действовали только отдельные социал-демократы. Лишь 27 февраля Русское бюро ЦК РСДРП, члены которого в тот день были освобождены из тюрьмы восставшими, выступило с Манифестом «Ко всем гражданам России». Он объявлял революцию победившей и ставил перед рабочим классом задачу создать Временное революционное правительство, которое должно было ввести 8-часовой рабочий день, конфисковать помещичьи земли и обеспечить созыв Учредительного собрания³. Ни слова в Манифесте не было сказано о Советах рабочих депутатов. Однако именно в день издания Манифеста в Таврическом дворце начали собираться заводские депутаты. Они избрали Исполком, в котором абсолютно преобладали меньшевики-центристы и было всего два большевика – А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий. Его председателем стал Н. С. Чхеидзе, заместителями – М. И. Скобелев и А. Ф. Керенский (единственный не принадлежавший к социал-демократии и в дальнейшем не принимавший участия в работе Совета) [42, с.76–77, 91–93]. Результат выборов отразил реальное соотношение сил в социал-демократической среде.

² См., например: [45, кн. 1, с. 15; 2, с. 21].

³ Текст см.: [8, с. 484–485].

В воззвании ОК РСДРП (28 февраля), в отличие от большевистского Манифеста, содержался призыв поддержать создание Временного правительства и сплотить все революционные силы в Советах [20, т. 1, с.140–142]. Если большевики первоначально явно недооценили организационные возможности Советов и авторитет, которым они пользовались среди рабочих и солдат⁴, то меньшевики отдавали приоритет советской работе, отставая от большевиков в процессе партийного строительства. Восстановление системы местных и региональных партийных организаций, сопровождавшееся бурным ростом численности социал-демократов, шло с преобладанием объединительных настроений. В небольших центрах почти повсеместно создавались объединенные организации. Даже спустя полгода после ряда глубоких политических кризисов, раскалывавших социал-демократов, объединенными считали себя 65 организаций с общим числом членов 67 тыс. человек [22, с.130]. В Петрограде и Москве, где традиция фракционной борьбы была сильнее, эта тенденция была не столь заметна.

В марте появились первые отклики политэмигрантов на события в России. Так, В.И. Ленин в «Письмах из далека» оценивал ситуацию в России как переход от первого этапа революции ко второму, в ходе которого власть должна перейти в руки пролетариата и беднейших крестьян. Он считал, что новое рабоче-крестьянское правительство будет иметь форму Советов рабочих и солдатских депутатов. Его главными задачами будут: слом прежней государственной машины и замена ее всеобщей организацией вооруженного народа, заключение демократического мира, конфискация помещичьей земли и национализация всей земли, контроль над производством и распределением, а также введение всеобщей трудовой повинности [17, с.55–56].

Близкой к Ленину позиции придерживался Л. Д. Троцкий. В статье «Война или мир?», опубликованной 20 марта в газете «Новый мир», он выдвинул лозунги: «Долой империалистических хищников! Да здравствует Революционное Рабочее правительство! Да здравствует мир и братство народов!» [35, т. 1, с.36–38]. Подходы различались только тем, что Ленин видел возможность победы пролетариата в России лишь в случае поддержки его большинством крестьянства, а Троцкий уповал на международную солидарность рабочих.

В свою очередь, Л. Мартов считал все это «чушью» и «глупостями». По его мнению, события в России «блестяще» подтверждали те идеи, которые меньшевики защищали еще в 1905 г. А именно: радикальная

⁴Это была фракционная традиция, имевшая начало в 1905 г.

буржуазная революция развивается путем усиления контроля пролетариата над буржуазным правительством и давления на него. Партия пролетариата «получает возможность, не смешиваясь с правительством и не отвечая за его действия», организовывать силы пролетариата «в неслыханном размере, приобретать колоссальное влияние на всю страну и заставлять правительство идти влево и влево». Конечно, писал Мартов, когда возможности этого давления будут исчерпаны, придется свергать это правительство, «но это не значит, что свергать надо будет во имя рабочего правительства, а лишь во имя более прогрессивного буржуазного правительства». «Лишь тогда, когда вся буржуазия и их подголоски исчерпают себя, – подытоживал Мартов, – ...встанет задача или взять власть в свои руки... или признать, что эта революция закончена... и занять место оппозиции». Ленинцы же, по мнению Мартова, лишь спровоцируют конфронтацию без шансов на успех и безнадежно испортят то «блестящее положение», в котором оказалась партия пролетариата [32, с.156–157].

Социал-демократы, действовавшие в России, полагали, что политэмигранты плохо представляют себе происходящее на родине и пытались самостоятельно определиться в области стратегии и тактики. Подавляющее их большинство оценивало русскую революцию как буржуазную, считая, что в России отсутствуют достаточные материальные и культурные предпосылки для социалистического переворота. Исходя из этих общих оценок, они приходили к выводу о недопустимости вхождения социалистов во Временное правительство, что не исключало солидарности с прогрессивными мероприятиями последнего и контроля за ним со стороны Совета [20, т. 1, с.140–142, 146–147].

Что касается интернационалистского меньшинства, то оно выдвинуло формулу условной поддержки правительства «постольку-поскольку». Этот лозунг был подхвачен в том числе большевистским ПК РСДРП [24, с.49, 65–67]. Близкую позицию заняло и Русское бюро ЦК [27, с.136, 141, 143].

По второму важнейшему вопросу общественной жизни того времени, отношению к войне, убеждения подавляющего большинства социал-демократов, действовавших в России, состояли в признании необходимости борьбы за скорейшее заключение мира. Но речь не могла идти о сепаратном мире с Германией, а тем более поражении России. Поэтому, наряду с борьбой за мир, необходимо было вооруженной силой защищать завоевания демократической революции от мировой реакции, олицетворяемой Германией. Логически из этого следовал вывод: необ-

ходимо поддерживать Временное правительство в его усилиях организовать оборону страны и предотвратить развал армии [20, т. 1, с.142–145, 157]. Эта позиция получила название революционного оборончества.

Интернационалистское меньшинство протестовало против такой постановки вопроса о мире, но недостаточно решительно и последовательно. Правда, ЦК и ПК РСДРП заявили о приверженности лозунгу превращения империалистической войны в гражданскую [24, с.24–25; 27, с. 138, 142]. Но эта установка была поколеблена в связи с приездом в Петроград 12 марта из Сибири Л.Б.Каменева, И.В.Сталина и М.К.Муранова. Последних двоих ввели в Бюро ЦК. Кандидатура Каменева была отклонена в связи с его неприглядным поведением на суде над думской фракцией в 1915 г. [27, с.143]. Все трое были направлены на работу в «Правду», которая стала центром оппозиции левому крылу в Бюро ЦК. Одновременно из редакции и Бюро был исключен В.М.Молотов [41, с.156–157]. В №8 «Правды» была опубликована статья Каменева «Временное правительство и революционная демократия», обосновывавшая тактику условной поддержки правительства, а в №9 – «Без тайной дипломатии», защищавшая политику революционного оборончества. В том же духе писали в «Правде» Сталин и Муранов. В течение недели протесты ЦК были подавлены, и 22 марта Русское бюро приняло тактические резолюции вполне в каменевском духе [27, с.153].

Не менее важные изменения происходили и в лагере революционного оборончества. 19 марта в Петроград из Сибири прибыла группа И.Г.Церетели, а несколькими днями позже из Туркестана приехал Ф.И.Дан. Заняв сразу видное место в Исполкоме Совета, они, найдя надежных союзников в лице Б.О.Богданова, М.И.Либера, М.И.Скобелева и Н.С.Чхсидзе, подчеркивали общенациональный характер Февральской революции, считали, что продвижение страны к демократии, миру, восстановлению разрушенного войной хозяйства должно происходить в обстановке гражданского согласия, союза пролетариата с буржуазией. Ими был поддержан курс на соглашение с либералами и политика «революционного оборончества». Эта позиция завоевала абсолютное большинство в ОК РСДРП и привела к пересмотру резолюции ОК от 19 марта в более умеренном духе. Лишь группа О.А.Ерманского в петроградской организации выступала определенно против «оборонцев» [20, т. 1, с.156, 159–160].

Эволюция в сторону сближения тактических взглядов неизбежно ставила вопрос и об организационном объединении социал-демократов.

29 марта – 3 апреля в Петрограде проходило Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Руководящую роль на нем играли революционные оборонцы. В президиуме совершенно отсутствовала левая оппозиция, но в качестве «объединительного жеста» были приглашены большевики – Муранов, Шляпников, В.П.Ногин и И.А.Теодорович. С докладами по всем вопросам повестки дня выступали меньшевики-оборонцы, а основным оратором стал Церетели. Ему удалось добиться полной поддержки оборонческой позиции, дружного отрицания идеи превращения Советов в органы власти. Но перспектива создания коалиционного правительства с участием социалистов не была одобрена на совещании [3, с.163–164, 293; 20, т. 1, с.173–174]. Церетели получил неожиданную поддержку от прибывшего 31 марта в Петроград Г.В.Плеханова, который высказался за единение всех демократических сил уже во время встречи его на Финляндском вокзале, а затем и на самом совещании 2 и 3 апреля⁵.

Президиум Всероссийского совещания советов. Апрель 1917 г.
 Слева направо: М.И.Скобелев, Н.С.Чхеидзе, Г.В.Плеханов, И.Г.Церетели

К Всероссийскому совещанию Советов большевики приурочили свое партийное совещание. В нем участвовали представители ЦК, петроградской организации и делегаты-большевики, прибывшие на советское совещание. Всего было представлено 58 партийных организаций. По пер-

⁵Подробнее см.: [44, с.328–329].

В.И.Ленин в группе русских политэмигрантов возвращается в Россию. Стокгольм. Первые числа апреля 1917 г.

вому вопросу повестки дня о войне среди делегатов образовалось три группировки: «оборонческая» (В.С.Войтинский, Ш.З.Элиава, П.Н.Северук), прямо поддерживавшая советское большинство, «циммервальдистская» (А.М.Коллонтай, Молотов, В.П.Милютин), требовавшая разрыва с оборончеством, и «центр», составившийся из большинства делегатов под руководством Каменева. Итоговая резолюция выражала его позицию об усилении давления на правительство, прямое обращение Совета к народам с предложением мира, но до его заключения – сохранение боевой мощи армии [6, с.7]. Несмотря на резолюцию партийного совещания, Каменев пошел на компромисс с «оборонцами», согласившись на поправки к советской резолюции, связывавшие достижение демократического мира с Временным правительством.

29 марта большевистское совещание начало обсуждение центрального вопроса – об отношении к Временному правительству. С докладом выступил Сталин⁶. Его позиция была более левой, чем у Каменева. Он явно учитывал рекомендации Ленина, приезд которого ожидался в самом ближайшем времени. Сталин рекомендовал условную поддержку правительства до момента, пока оно исчерпает свои революционные потенции [43, с.234–235]. С контрдокладом выступил Войтинский [43, с.235–237].

⁶Протокольную запись см.: [43, с.230–232].

Острые дебаты окончательно запутали вопрос, и на советском совещании Каменев по сути поддержал резолюцию Исполкома Петросовета.

Все это создало почву для объединения с меньшевиками. Соответствующее предложение поступило от Церетели. 1 апреля большевистское совещание занялось этим вопросом. В результате выявились две позиции. Сталин предлагал объединение только на основе признания резолюции Кинтальской конференции, Молотов требовал выработки четкой большевистской платформы как основы объединения. В итоге обсуждения было принято решение пойти на совместное с меньшевиками собрание, но пока с информационными целями [43, с. 265–267].

Вся эта с таким трудом возводившаяся тактико-организационная постройка была разрушена приездом в ночь с 3 на 4 апреля В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева. Встречать их на Финляндский вокзал прибыл сам Чхеидзе, сопровождаемый Скобелевым. Это не помешало Ленину действовать в абсолютном диссонансе с настроениями оборонческого большинства. В ответной речи на приветствия он призвал не доверять Временному правительству и выдвинул лозунг: «Да здравствует социалистическая революция!» [19]. Во дворце Кшесинской Ленин выступил с развернутой речью перед партийным активом, а утром 4 апреля – в Таврическом дворце (сначала – на заседании фракции большевиков, а затем – на совместном заседании фракций большевиков и меньшевиков, участников уже закончившегося советского совещания). Для удобства оппонентов Ленин оформил свой доклад в виде тезисов (один из экземпляров он

Выступление В.И.Ленина в Таврическом дворце на Всероссийском совещании Советов. Апрель 1917 г.

лично вручил Церетели). Документ, получивший название «Апрельские тезисы», включал в себя 10 положений, резко расходившихся с решениями, только что принятыми совещанием [15; 35, т. 1, с. 100–104]. А именно: характер войны со стороны России не изменился, поэтому недопустимы никакие уступки «революционному оборончеству»; своеобразие текущего момента – в переходе к социалистической революции; ни поддержка Временного правительства, ни партийный блок большевиков с оборонцами недопустимы; необходимо выдвижение лозунга республики Советов, требований конфискации всех помещичьих земель и национализации всей земли, установления контроля Советов за банками, общественным производством и распределением продуктов.

Кроме того, Ленин выдвигал и собственно партийные задачи: немедленный созыв большевистского съезда, пересмотр программы и переименование партии в Коммунистическую, а также создание революционного Интернационала против «социал-шовинистов» и «центристов».

«Апрельские тезисы» вызвали возмущение руководства Петросовета, Исполком которого 15 апреля, оговорив недопустимость применения какого-либо насилия над личностью Ленина и его единомышленниками, вынес резолюцию о том, что «Тезисы» являются «не менее вредными, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа». Церетели при этом заявил, что «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: это трон Бакунина!», а Чхеидзе предвещал вождю большевиков полное политическое одиночество [25, с.6–10]. Враждебно отнеслись к «Тезисам» и социал-демократы, не входившие в советское большинство. Плеханов, посвятивший им статью с вызывающим названием «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен», обвинял Ленина в разжигании гражданской войны в среде революционной демократии. Комментируя возможность построения социализма в стране с аграрной экономикой и крестьянским большинством, Плеханов заявлял, что «русская история еще не смогла той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма»⁷.

В среде большевиков «Тезисы» вызвали «переполох», «колебания» и «смуту» [31, с.35; 47, с.280]. Ленин вынужден был методично и упорно преодолевать недопонимание и отрицание. С 5 апреля он приступил к редактированию «Правды» (Муранова отправили на родину в Харьков). 6 апреля тезисы Ленина обсуждались на заседании Бюро ЦК

⁷Статья была опубликована в газете «Единство» 12 апреля. См.: [26, с.22–28; 35, т. 1, с.111–117].

РСДРП. Против тезисов выступали Каменев и Сталин, а И. П. Гольденберг заявил, что выслушанное «есть очевидная и недвусмысленная декларация анархизма». Зиновьев дистанцировался от Ленина. ЦК принял решение начать партийную дискуссию [33, с. 15–16]. После этого Каменев и Сталин перестали препятствовать публикации тезисов. Они появились в «Правде» 7 апреля под названием «О задачах пролетариата в данной революции». Через два дня на ее страницах в развитие тезисов Ленин публикует статью «О двоевластии», в которой доказывает, что Советы – зачатки новой власти, проводя параллель между ними и Парижской коммуной 1871 г. [14; 35, т. 1, с. 108–111]. Каменев отвечает на публикации Ленина статьями «Наши разногласия» и «О тезисах Ленина», в которых заявляет, что в тезисах Ленина нет ответа ни на один вопрос жизни России сегодняшнего дня, что они совершенно не соответствуют настроениям рабочих, а тезис о переходе к социалистическому этапу революции просто абсурден [35, т. 1, с. 120]. 8 апреля ПК большевиков по докладу С. Я. Богдатыева голосует против «Тезисов» (2 голоса за, 13 – против, 1 – воздержался). Было решено продолжить их обсуждение в районных парторганизациях [24, с. 182–186].

В свою очередь, Ленин развернул необычайную активность, выступая по несколько раз в день. Оппоненты Ленина во множестве публикаций, сами того не желая, пропагандировали ленинские тезисы. И наступил перелом. За Ленина проголосовали районные большевистские организации Питера, балтийские моряки, Москва, ряд городов центральной России, Харьков, Киев. Повсеместно проводятся большевистские конференции, принимающие «Апрельские тезисы» в качестве программного документа и формирующие чисто большевистские местные организации. 18 апреля по всей стране прошли грандиозные первые в истории России легальные первомайские митинги и демонстрации, показавшие, что ленинские лозунги созвучны настроению массы. В тот же день вышел № 1 интернационалистской газеты «Новая жизнь» (А. М. Горький, Б. В. Авиллов, В. А. Базаров, Н. Н. Суханов). Консолидация группы «новожизнцев», критически относившейся к тезисам Ленина, также являлась и реакцией на «революционное оборончество». Издательством выглядела направленная в этот же день Англии и Франции Нота П. Н. Милюкова, подтверждавшая верность России союзническим обязательствам. Как только стало известно ее содержание, в Петрограде 20–21 апреля начались массовые акции протеста с участием вооруженных солдат с требованием отставки кабинета и немедленного заключения мира. В ходе их Богдатыев и его сторонники от имени ПК, не имея на то полномочий,

распространяли антиправительственную листовку, разжигая страсти [24, с.215]. Были организованы и контрдемонстрации в поддержку правительства. В общей сложности в манифестациях участвовало до 100 тыс. человек. Разразился правительственный кризис. Под давлением демонстрантов Петросовет потребовал от правительства дезавуировать Ноту Милюкова. Глава правительства Г.Е.Львов в ответ пригрозил отставкой правительства. Начались переговоры о возможном компромиссе.

В таких условиях начинала работу Всероссийская конференция большевиков (24–29 апреля)⁸. В конференции участвовали 152 делегата, представлявшие часть и объединенные организации. Это создает трудности подсчета численности большевиков в то время, которая, вероятно, не превышала 46 тыс. человек.

Центральный доклад «О текущем моменте (война и Временное правительство)» делал Ленин [12], обосновывавший правильность тактики, предложенной им в «Апрельских тезисах». Против него выступили авторитетные среди делегатов Каменев и А.И.Рыков [38, с.82, 84]. Перелом в настроении конференции произошел в связи с прибытием на нее делегации уральских большевиков во главе с Я.М.Свердловым. Спаянная крепкой внутренней дисциплиной, она консолидировала вокруг себя всех сторонников Ленина, которых на конференции оказалось большинство. В результате конференция приняла резолюции, осуждавшие военные усилия правительства, квалифицировавшие его как союзника контрреволюции и призывавшие рабочих организовываться и вооружаться для самозащиты [38, с.241–245]. Она выдвинула лозунг «Вся власть Советам!» и взяла курс на переход к следующему этапу революции с целью передачи власти пролетариату и беднейшему крестьянству. Предполагалось, что в создавшихся условиях возможен относительно мирный переход власти путем перевыборов Советов. Для этого необходимо было обеспечить свою партийную самостоятельность. В специальной резолюции «Об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока», приветствуя в принципе объединение социал-демократов, конференция запрещала большевикам объединяться с «оборонцами» [38, с.253]. В реальной жизни это означало необходимость разрушения созданных до этого объединенных организаций и создание чисто большевистских комитетов на местном и региональном уровне. Тем не менее оппозиция во главе с Каменевым

⁸ *Существует устойчивая историографическая традиция считать ее «Седьмой» по счету, исходя из того, что история РСДРП тождественна истории большевизма. Поскольку последнее не соответствует истине, мы будем называть ее «Апрельской».*

настойчиво отстаивала свои позиции. Вопрос о переименовании партии не включили даже в повестку дня, по поводу программы было принято решение поручить ЦК разработать проект (решение этой задачи затянулось до 1919 г.), а по проблеме Интернационала Ленин, требовавший разрыва теперь и с «циммервальдийцами», остался в меньшинстве. Из девяти членов ЦК, избранных конференцией, четверо (Зиновьев, Каменев, Милютин и Ногин) в той или иной мере противостояли Ленину. Но все это было уже не столь существенно по сравнению с главным. Большевики пошли по пути консолидации своего течения внутри российской социал-демократии и противопоставления себя ей. При этом нужно отдать должное Ленину: выступив как яркий раскольник по отношению к социал-демократическому движению в целом, он был способен на компромисс по отношению к членам своей фракции ради объединения, в том числе терпеливо переубеждал своих оппонентов в ЦК.

Большевики были сильны не своей численностью, а исключительной энергией и самоотдачей в достижении поставленных целей. При ЦК и ПК большевиков действовала Военная организация («Военка»)⁹, в Советах – большевистские фракции. Особое внимание уделялось работе в фабрично-заводских комитетах – фабзавкомах. Далекое не всегда и не сразу большевикам удавалось привлечь к себе внимание пролетарской и солдатской массы, но ситуация стремительно менялась в их пользу. Эта будничная, кропотливая работа оказалась не под силу другим партиям и группировкам. Иное положение было в деревне, где преобладали эсеры.

Тем временем меньшевистское большинство Исполкома Петросовета погрязло в «высокой политике». Оно продолжало искать пути преодоления правительственного кризиса. При этом внутри оборончества все более явственно определялась позиция в пользу создания коалиционного правительства с участием социалистов. Еще 20 апреля подавляющее большинство, по крайней мере на словах, было против этого [25, с.258], но уже 22 апреля меньшевистская фракция большинством в 51 голос против 6 (при 9 воздержавшихся) высказалась за идею коалиции [25, с.318]. Решение это не нашло поддержки ни в Петроградской организации меньшевиков, ни в ОК, который обсудил предложения советской фракции 24 числа [20, т. 1, с.208–209]. На первых порах против коалиции были даже Церетели и Скобелев, правда, мотивировавшие это лишь целесообразностью [25, с.416]. Однако под давлением доктринальных

⁹ «Военкой» руководили С.Я. Богдатыев, Н.И. Подвойский, А.Н. Сулимов и В.И. Невский. Организация издавала газету «Солдатская правда».

соображений и опасений контрреволюционного переворота (в случае отказа цензовых элементов нести ответственность за демократические преобразования) позиция оборонческого большинства быстро менялась. Была сформирована советская комиссия по переговорам о создании коалиционного правительства, в которую от меньшевиков вошли Церетели, Чхеидзе, Дан, Б.О.Богданов и перешедший к меньшевикам Войтинский [25, с.485]. К 5 мая переговоры завершились формированием нового кабинета, в составе которого оказались два меньшевика – Церетели и Скобелев. В качестве помощников они пригласили П.Н.Колокольникова, К.А.Гвоздева, Н.А.Рожкова и И.В.Чернышева.

Это был переворот во всем подходе меньшевиков к вопросам стратегии и тактики. Он провел еще более глубокую разделительную линию между меньшевиками и большевиками и грозил расколом самим меньшевикам. Подобно тому как большевики в марте пытались оправдать свою позицию решениями партийного совещания до приезда Ленина, так оборонцы искали поддержки у партийной конференции меньшевиков до возвращения в Петроград членов Заграничного секретариата ОК, которые вполне определенно были против коалиции¹⁰.

Общероссийская конференция РСДРП, созванная ОК, состоялась 7–12 мая в Петрограде. Приводимые в литературе данные о численности меньшевиков в это время явно занижены. Участвовавшие в конференции делегаты от 31 меньшевистской и 28 объединенных организаций представляли 46,7 тыс. социал-демократов. Но на конференцию не прибыли представители Закавказья, Тулы, Одессы и ряда других крупных меньшевистских организаций, которые считали излишней фракционную меньшевистскую конференцию и ожидали объединительного съезда социал-демократов. С учетом этого, по мнению В.И.Миллера, меньшевиков в России в это время было свыше 100 тыс. человек [21, с.109–110]. Подавляющее большинство из них вступило в движение после февраля 1917 г., придерживалось революционно-оборонческих взглядов, подобно «молодым» большевикам имело слабое представление о меньшевистских традициях и недостаточное уважение к заслугам «старых» меньшевиков. Это самым решительным образом сказалось на работе майской конференции. На ней сложилось большинство под руководством Дана–Церетели, которые быстро проводили нужные им решения. Конференция взяла курс на упрочение буржуазно-демократического строя, признание необходимости защиты революционной России от внешнего врага впредь до заключения всеобщего демократического

¹⁰ *Позицию Ю.О.Мартова и П.Б.Аксельрода см.: [20, т. 1, с.250, 253–254].*

мира, полное доверие коалиционному Временному правительству. Была признана необходимость соглашения пролетариата и буржуазии на основе взаимных уступок, а также целесообразность оттягивания решения аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания. Несмотря на то, что конференция обратилась ко всем социал-демократам (включая большевиков) с призывом объединиться [20, т. 1, с.413, 423], сама она продемонстрировала глубину разногласий в среде меньшевиков. Прибывшие из Швейцарии прямо на конференцию 9 мая лидеры интернационалистов во главе с Мартовым резко выступили против основных ее решений [20, т. 1, с.351–359, 457] и, оставшись в меньшинстве, образовали свое Бюро и начали издавать фракционный «Летучий листок меньшевиков-интернационалистов». Мартов заявил, что не признает решений конференции и будет вести агитацию против них. Он подчеркнул, что не видит возможности работать вместе со сторонниками А.Н.Потресова (впрочем, равно как и с большевиками), а на предложение войти в редакцию «Рабочей газеты» потребовал отдать ему всю редакцию [32, с.196–197]. Особой была позиция Аксельрода, избранного на конференции председателем ОК РСДРП. Он делал акцент на сохранении единства меньшевиков и восстановлении Интернационала на широкой основе. В целом майская конференция, подобно апрельской (большевистской), положила начало консолидации и обособлению меньшевизма внутри российской социал-демократии. Меньшевики быстро превращались в одну из самых влиятельных политических сил в стране, играющую ведущую роль во многих Советах и представленную в правительстве. Но в рядах меньшевиков сохранялось несколько обособленных друг от друга течений: правое во главе с Потресовым (несмотря на то, что на майской конференции он по всем вопросам поддержал большинство), центристское во главе с Церетели и Даном и левое во главе с Мартовым. Доминировали в меньшевистских кругах взгляды Церетели.

Вне консолидационных процессов, которые шли у большевиков и меньшевиков, пока что были плехановское «Единство» и группы «новожизненцев» и «межрайонцев». «Новожизненцы» тяготели к меньшевикам (Н.Н. Суханов уже в мае вошел в группу Мартова), а «межрайонцы» – к большевикам, особенно после 4 мая, когда в Петроград прибыл Л.Д. Троцкий, ставший лидером группы. «Единство», занимавшее принципиальную позицию «над фракциями», не участвовало ни в апрельской, ни в майской конференциях. Плеханов был полон надежд возродить РСДРП, не знающую фракционного раскола. Ее первоначальным ядром и должна была стать группа «Единство», с 29 марта издававшая

в Петрограде одноименную ежедневную газету. 9 апреля группа провела свое учредительное собрание и начала организационное строительство, но реально смогла создать только две относительно заметные организации – петроградскую и московскую. Платформа же группы сводилась к требованию мира на основе возвращения всех оккупированных Германией территорий, а пока этого не произошло, считались целесообразными следующие меры: сосредоточение всех сил страны на обороне, продолжение демократических преобразований коалиционным Временным правительством с участием буржуазии, критика «интернационалистов» за экстремизм, а «революционных оборонцев» – за непоследовательность [9, с.33–34, 61]. Соответственно, и советское большинство не жаловало Плеханова. Депутатом Петросовета он был избран только 2 июня. Впрочем, сразу по возвращении на родину он простудился и в течение всего года перманентно болел, что существенно ограничивало его возможности влиять на политические события.

Июнь 1917 г. ознаменовался новым кризисом правительства, уже включавшего в свой состав меньшевиков и эсеров. Состоявшийся 3–24 июня I Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов прошел под лозунгами правых социалистов, имевших подавляющее большинство (у ленинцев было лишь 12% мандатов). Это не помешало, однако, Ленину заявить на съезде, что большевики готовы взять на себя всю полноту ответственности за судьбы страны. Когда один из лидеров меньшевиков министр Церетели заявил: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место», из зала вдруг раздался голос Ленина: «Есть!» Получив затем слово, лидер большевиков сказал, что большевики каждую минуту готовы «взять власть целиком» [10, с.267]. Съезд прошел в обстановке резкой конфронтации ленинцев с большинством съезда практически по всем вопросам. Но понятно, что при наличном соотношении мандатов речами и голосованиями они не могли серьезно влиять на принимаемые решения. А съезд фактически полностью поддержал Временное правительство, в том числе оправдал готовящееся на фронте наступление [20, т. 1, с. 536–538].

С целью оказания давления извне на решения съезда ЦК и ПК РСДРП (б) наметили протестную демонстрацию на 10 июня [24, с.249, 251, 273, 276]. Брошенный большевиками вызов укрепил, с одной стороны, единство меньшевиков. Для них всех по-прежнему было неприемлемо «подталкивание» революции к социалистической фазе. С другой стороны, меньшевики столкнулись с новым (со времени первой коали-

ции) внутренним кризисом. В дискуссиях по вопросу о противодействии большевикам четко выявились три группировки. Церетели и другие убежденные сторонники коалиции призывали исключить большевиков из Советов и разоружить все их милитаризованные формирования. Дан, Л. М. Хинчук и Б. О. Богданов обвиняли большевиков не в заговоре, а в авантюризме и были категорически против применения к ним в тот момент каких-либо репрессивных мер. Они предлагали запретить не только готовящуюся демонстрацию, но и подобные демонстрации в будущем. Наконец, «интернационалисты» устами своего лидера Мартова осуждали большевиков за авантюризм, требовали их «моральной изоляции», но настаивали на том, что большевики выражают радикализацию масс, которая является, прежде всего, результатом деятельности коалиционного кабинета [20, т. 1, с. 543–547, 573–576]. Нетрудно заметить прямую противоположность оценок Церетели и Мартова. Не случайно именно в это время меньшевики-интернационалисты создали свою отдельную фракцию в Петросовете. Съезд особым решением запретил проведение любых демонстраций, а 12 июня, по предложению Богданова, на 18 июня была назначена советская демонстрация по случаю возложения венков к могилам жертв революции. Ее планировалось провести под лозунгами борьбы с контрреволюцией, призывая к миру и созыву Учредительного собрания [23, с. 20, 25; 20, т. 1, с. 592–594]. ЦК и ПК РСДРП (б) в экстренном порядке отменили свою демонстрацию [24, с. 277]. По злой иронии судьбы состоявшаяся 18 июня советская демонстрация совпала с днем начала наступления на фронте. И хотя вышедшие на нее почти 500 тыс. человек еще не знали об этом, она превратилась в манифестацию недоверия Временному правительству под лозунгами «Долой министров-капиталистов!» «Вся власть Советам!». По оценке видного меньшевика-практика Н. Череванина, ее «лучше было бы вообще не устраивать» [30].

Провалившееся наступление на фронте стало еще одним фактором нарастающей напряженности. Престиж Временного правительства упал до катастрофически низкой отметки. В этой обстановке часть большевиков, анархисты и некоторые «распропагандированные» ими воинские части, которым грозила отправка на фронт, стали склоняться к немедленной попытке вооруженного свержения Временного правительства. При этом речь шла о настроениях в низовых организациях. Партийные лидеры, не исключая и Ленина, считали вооруженное выступление несвоевременным и никакой подготовки к нему не вели. Более того, 27 июня Ленин уехал из Петрограда на отдых в Финляндию.

Раскол российской социал-демократии. Образование трех социал-демократических партий. Лето 1917 г.

Волнения в столице начались рано утром 3 июля, с митинга 1-го Пулеметного полка¹¹, организованного анархистами. Пулеметчиков поддер-

ждали матросы Кронштадта, где тоже были сильны позиции анархистов. Требовали передачи всей власти Советам. Делегация пулеметчиков прибыла в резиденцию большевиков – дворец Кшесинской, где уже третий день работала 2-я Петроградская партийная конференция [4, с.14]. Заседания конференции были прерваны требованиями пулеметчиков «возглавить восстание». Указание В.Володарского на то, что «партия решила не выступать», солдатами воспринято не было. Делегаты конференции немедленно разошлись по районам, а там уже все кипело и бурлило. В середине дня ЦК РСДРП принял решение не допустить демонстрацию, т.к. провинция не готова поддержать столицу [24, с.361–362].

На заседании ОК РСДРП, состоявшемся синхронно, разброс мнений относительно действий в сложившейся ситуации был чрезвычайно велик: от предложений увеличить удельный вес эсеров в правительстве до передачи власти в руки Советов. Большинство решительно отвергло крайности и ратовало за сохранение коалиции с цензовыми элементами. В этом духе была принята и резолюция, но с оговоркой, что в случае невозможности сформировать новое коалиционное правительство, оно должно быть сформировано Советами [20, т.2, с.75–76]. Практически было принято предложение Церетели оставить правительство в том составе, в каком оно было после ухода кадетов, и вернуться к обсуждению вопроса через 2 недели. По позднему признанию Церетели, принятые решения шли вразрез с настроениями масс [45, с.265].

Попытки большевистских агитаторов предотвратить выступление также оказались тщетны. Митинги охватывали все новые и новые полки и заводы. В значительной мере это был результат всей предшествующей пропагандистской деятельности большевиков, разжигавших ненависть к Временному правительству. Уже вечером 3 июля пулеметчики вышли на улицу, произошли первые вооруженные столкновения, появились первые жертвы. В этих условиях на совещании ЦК, ПК РСДРП, «Военки», Межрайонного комитета и рабочей секции Петросвета было принято воззвание, отпечатанное в виде листовки, с призывом к Советам взять власть в свои руки, «поскольку контрреволюционная буржуазия явно выступила против революции» [34, с.17–18]. Причем расчет был на мирный ход событий.

¹¹ Как учебное подразделение этот полк имел численный состав, равный дивизии.

В ночь на 4 июля совместно заседали и Исполнительные комитеты Советов. Здесь царили страх, что начнется разгром самого Совета, и необычайное единодушие в оценке событий: большевики – авантюристы, способствовавшие росту хаоса и контрреволюции [20, т.2, с.92–94]. Мартов, по-видимому, колебался. С одной стороны, он осуждал авантюризм большевиков, но, с другой стороны, заявлял, что «история требует, чтобы мы взяли власть в свои руки» [20, т.2. с.99]. При этом речь шла не столько о составе правительства, сколько об изменении политического курса.

Ленин вернулся в Петроград к середине дня 4 июля. К этому времени никем не управляемая толпа («вооруженная демонстрация»), о численности которой до сих пор идут споры, прошла по Невскому и Литейному проспектам, двигаясь к Таврическому дворцу. Во многих местах возникли стычки и перестрелки [31, с.132–135]. По мнению А.Рабиновича, сопоставившего самые различные источники, в вооруженных столкновениях в равной мере были повинны «все – воинственно настроенные демонстранты, провокаторы, правые элементы, а подчас и просто паника и неразбериха» [29, с.182]. Ленин оказался в весьма невыгодном положении. Несколько тысяч кронштадтских матросов, собравшихся у дворца Кшесинской, были готовы к наступательным действиям и требовали соответствующих руководящих указаний. Для Ленина же было очевидно, что выступать не следовало, а уж если выступили, то следовало придать демонстрации мирный характер. В таком духе и была выдержана его речь перед матросами [16, с.21–22].

Между тем Исполкомы Советов обратились к войскам на фронте с призывом восстановить порядок в столице, в которой объявили военное положение. Между советским руководством и большевиками, которых представлял Сталин, начались переговоры. Революционные оборонцы явно тянули время, обещая созвать через две недели съезд Советов и, если не будет иного выхода, передать всю власть ему. ЦК и ПК РСДРП(б) были склонны «договориться». В то же время были обнародованы материалы о причастности большевиков к шпионажу в пользу Германии. Речь шла о деле прапорщика Ермоленко – немецком агенте, который в ходе расследования выдвинул против Ленина и большевиков эти обвинения. Расследование велось контрразведкой с конца апреля и к июлю было далеко до завершения, но министр юстиции П.Н.Переверзев и начальник контрразведки Б.В.Никитин вечером 4 июля ознакомили с имеющимися материалами представителей петроградского гарнизона. Несмотря на свою неполноту и малую доказательность, материалы дела

Расстрел демонстрации в Петрограде. Июль 1917 г.

произвели должный эффект. Он был подкреплен на следующий день их публикацией в печати членом группы «Единство» Г.А.Алексинским и эсером В.С.Панкратовым. Все это делалось без санкции кабинета. Более того, Г.Е.Львов сразу же обратился во все газеты с просьбой снять разоблачительные материалы. Конечно, это было сделано не из симпатий к большевикам, а из-за того, что преждевременное разглашение документов нанесет ущерб следствию. Того же мнения придерживался Церетели, отмечавший в своих мемуарах, что обвинения поражали своей поверхностностью и необоснованностью [45, кн.2, с.336–341]. Тем не менее «вброс информации» сделал свое дело. Уже в ночь на 5 июля части, ранее сохранявшие нейтралитет, выдвинулись к Таврическому дворцу для защиты Исполкомов Советов. Последние сразу же приняли резолюцию, поддерживающую то, что осталось от Временного правительства, и обещающую созыв в трехдневный срок совещания с участием представителей местных Советов для оформления нового кабинета. В городе еще продолжались вооруженные столкновения, но в событиях произошел перелом. В ночь на 5 июля на совместном заседании ЦК и ПК РСДРП Ленин выступил с обоснованием необходимости прекращения забастовок и демонстраций [24, с.365]. На следующий день сводные отряды георгиевских кавалеров и юнкеров начали разоружать воинские части, выступавшие за власть Советов, разгромили редакцию и типо-

графию газеты «Правда», ряд райкомов большевиков. Ленин вынужден был перейти на нелегальное положение. 6 июля Временное правительство создало особую следственную комиссию для привлечения виновных к ответственности. Согласно постановлению правительства, аресту подлежали в первую очередь Ленин, Каменев и Зиновьев¹². Немалых трудов стоило правительству арест кронштадтских лидеров. Местный Совет отказался их выдавать. И лишь под угрозой блокады и бомбардировки города Раскольников, Рошаль и Ремнев сами сдались властям. Позднее в знак солидарности с большевиками сам себя потребует арестовать Троцкий и окажется в «Крестах». Ленин и Зиновьев 9 июля тайно выехали из Петрограда в деревню Разлив. «Перепуганная обывательщина, гады всякие, явно темные силы, погромщики подняли голову, – писал Мартов Н.С.Кристи. – Пришлось взять на себя главную работу защиты чести и доброго имени многих противников, которых одни забрасывали грязью, а другие выдавали на растерзание из-за политиканства трусливого, из доктринерства или из фракционной мести» [32, с.229].

Между тем сам политический кризис не был исчерпан. 7 июля ОК РСДРП принял резолюцию «О текущих событиях», которую одобрили с некоторыми изменениями Исполкомы Советов. Она получила известность как «Программа 8 июля» и включала в себя объявление России демократической республикой, скорейший созыв Учредительного собрания, немедленный роспуск Государственной думы, реализацию мер, разработанных Советами по рабочему, земельному и продовольственному вопросам [20, т.2, с. 106–107, 108–109]. Ознакомившись с этим документом, Львов подал в отставку. 9 июля правительство возглавил Керенский, сохранивший за собой и пост военного министра. Церетели вынужден был принять обязанности управляющего министерством внутренних дел. Тем самым именно на него падала ответственность за репрессии против «левых». Полученные тревожные известия с фронта о начавшемся немецком наступлении побудили совместное заседание Исполкомов Советов в ночь на 10 июля, по предложению Дана, провозгласить Временное правительство «правительством общественного спасения» и наделить его неограниченными полномочиями [20, т.2, с. 116]. Большевики и меньшевики-интернационалисты выступили категорически против этого, центристы признали возможным поддержать предложение только

¹² Доказать виновность разыскиваемых и арестованных контрразведке и министерству юстиции так и не удалось, в отличие от скандала вокруг Р.Гримма, тесно связанного с меньшевиками-интернационалистами. Неоднократно поднимавшаяся в исторической литературе тема «немецкого золота» и действий Ленина в интересах Германии также не имеет достаточной доказательной базы. Подробнее см.: [7; 40; 39].

при условии контроля революционной демократии над правительством [20, т. 2, с. 121]. Однако возможностей для осуществления такого контроля теперь становилось все меньше. В этом отношении показательным стало объединенное заседание Исполкомов Советов 13 июля, на котором Керенский огласил правительственную декларацию, не согласовывавшуюся с «Программой 8 июля», и решение созвать в Москве Государственное совещание на широкой партийной основе. Чхеидзе, Церетели, Дан и Либер приветствовали Керенского и никто даже не пытался обсуждать заявленную им программу, требуя лишь суровых мер против большевиков. «Оборонцы» под давлением справа готовы были пойти и на запрещение большевистской партии [20, т. 2, с. 128, 159]. Их остановил Мартов. В целом, по поводу заседания 13 июля он саркастически заметил: «По-видимому, настало время, когда декларации правительства не подлежат обсуждению, а лишь принимаются к сведению» [20, т. 2, с. 132]. Одним из результатов июльских событий стал все углублявшийся раскол в меньшевизме. Коренное расхождение между «оборонцами» и «интернационалистами» усилилось на общегородской Петроградской конференции 15–16 июля, где обе фракции оказались численно почти равны. Основным докладчиком был Мартов. Лейтмотивом его выступления было резкое осуждение идеи коалиции и требование перехода власти к «органам революционной демократии» [20, т. 2, с. 142–144, 158]. Мартову оппонировал Дан. 36 делегатов конференции проголосовало за резолюцию Мартова, 37 – Дана. Решение вопроса было отложено [20, т. 2, с. 148].

Многим в те дни казалось, что большевики как политическая партия, потеряв авторитет у масс, потерпели окончательное поражение. Но это было не так. Они сохранили свое незначительное представительство в Советах. ЦК РСДРП(б) продолжал действовать, потеряв арестованного Каменева и скрывающихся Ленина и Зиновьева. 10 июля в здании школы по Петергофскому шоссе состоялось заседание ПК РСДРП, на котором Г.И. Боккий, суммируя поступающую из районов информацию, заявил, что «наша работа не парализована» [24, с. 373].

Ленин, находясь в Разливе, разрабатывает новую тактическую платформу. Он пишет статьи «Политическое положение (Четыре тезиса)» и «К лозунгам» [18; 13]. Суть его позиции сводилась к следующему: контрреволюция при попустительстве меньшевиков и эсеров овладела государственной властью, двоевластия больше нет; существующие Советы взять власть не могут, поэтому лозунг «Вся власть Советам!» должен быть снят; в сложившейся обстановке приход пролетариата к власти

возможен только посредством вооруженного восстания. Поскольку сам вопрос о социалистической революции не снимался, Ленин размышлял в это время и над тем, каковы будут задачи партии после взятия власти, изложив свои мысли по этому поводу в книге «Государство и революция» [11]. Прекрасно сознавая, что о материальных предпосылках социализма в России говорить пока рано, Ленин предлагал решать проблему выхода из жесточайшего экономического кризиса так: сначала переход власти в руки трудящихся, а затем уже хозяйственное возрождение страны, используя для этого рычаги государственного регулирования и энтузиазм освободившегося от эксплуатации народа. Он подчеркивал, что речь не идет о немедленном «введении» в России социализма. Для начала он предлагал осуществить меры, которые вполне укладывались в рамки госкапитализма (национализация банков, синдикатов, рабочий контроль за производством и распределением продуктов, всеобщая трудовая повинность).

13–14 июля на расширенном заседании ЦК с участием представителей ПК, МК, Московского окружного комитета и «Военки» были обсуждены тезисы Ленина «Политическое положение» и принята резолюция, определявшая задачи партии, заключавшиеся «в подготовке и накоплении сил для решительной борьбы за реализацию программы большевиков» [8, с. 574–576]. Совещание не приняло некоторых тезисов Ленина. В тексте резолюции были обойдены молчанием вопросы о снятии лозунга «Вся власть Советам!» и о вооруженном восстании.

16–20 июля продолжила свою работу прерванная 3 июля 2-я Петроградская конференция большевиков. С докладом «О текущем моменте» на ней выступил член ЦК Сталин. Поскольку ряд делегатов был уже знаком с позицией Ленина, не совпадавшей с резолюцией ЦК, докладчик попытался занять промежуточную позицию, которая никого не удовлетворила. Главный акцент Сталин делал на задачах выдержки и сплочения [4, с. 64–68]. По поводу доклада разгорелась горячая дискуссия. Оппозицию резолюции ЦК возглавили Молотов, А. И. Слущкий и М. А. Савельев. Принятая конференцией резолюция по докладу Сталина почти дословно повторяла резолюцию ЦК, но голоса при ее принятии разделились следующим образом: 28 – «за», 3 – «против», 28 – «воздержались» [4, с. 88].

Несмотря на столь невнятную тактическую линию, продолжался рост большевистских организаций. Рабочие и солдаты, недовольные Временным правительством, которое все еще продолжало формироваться до конца июля, воспринимали преследуемых этим правительством большевиков как героев и выразителей самых сокровенных народных

чаяний. В ходе июльских событий фактически с большевиками объединились «межрайонцы». Крупная национальная организация Социал-демократия Латышского края на своем V съезде, прошедшем в Риге, приняла решение вступить в большевистскую партию. К середине августа Петроградская организация, по сравнению с началом июля, увеличилась на 8 тыс. членов, и ее численность превысила 40 тыс. человек [24, с. 392]. Возобновилось издание десятков большевистских газет. «Правда» была возрождена под названием «Солдат и рабочий». Рост авторитета большевиков показали выборы в Петроградскую городскую думу, проходившие 30 июля – 20 августа. Они получили 67 мандатов (больше них только эсеры – 75), а меньшевики – только 8 [24, с. 381].

В этих условиях, по соглашению между ЦК РСДРП(б) и Междурайонным комитетом, был созван съезд, получивший в советской историографии название «VI съезд РСДРП(б)». На самом деле он был объявлен как съезд «интернационалистских организаций и групп, стоящих на почве антиоборончества» [46, с. 312]. Лишь на последних минутах работы съезда было внесено предложение Сталина «восстановить счет съездов, утерянный меньшевиками» и назваться «VI съездом». Подавляющим большинством голосов это предложение было принято [46, с. 381].

К моменту созыва съезда, прошедшего в Петрограде 26 июля – 3 августа, в рядах большевиков насчитывалось уже 200–215 тыс. членов, с учетом объединяющихся с ними «межрайонцев» [21, с. 111]. На съезде были представлены 162 организации. Как следует из не полностью сохранившихся анкет делегатов, 42 из них были чисто большевистские, а 14 – объединенные. Среди последних – Выборгская, Рязанская, Рижская, Ревельская, Одесская, Царицынская, Челябинская, Витебская, Вологодская и др. [46, с. 319–390]. Работа съезда проходила в крайне напряженной обстановке. 28 июля был опубликован правительственный декрет, дававший право министру внутренних дел запрещать любые собрания и съезды из соображений государственной безопасности. Вероятность разгона съезда была чрезвычайно велика. Заседания спешно перенесли из Выборгского района в Нарвский. На случай разгона съезда было подготовлено обращение к рабочим и солдатам и избран ЦК, персональный состав которого постановили не разглашать [46, с. 109, 423–424]. В первую очередь, съезд решил отрицательно вопрос о явке Ленина и Зиновьева в суд [46, с. 270]. Из-за отсутствия на съезде главных партийных теоретиков делегаты договорились отложить обсуждение программных вопросов. Основное внимание съезд уделил анализу текущего момента и разработке нового политического курса партии. В соответствии с до-

кладом Бухарина о войне и международном положении съезд исходил из роста «международной пролетарской революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство» [46, с. 254]. Предполагалось, что с докладом «О политическом положении» выступит Троцкий, но после его ареста буквально за два дня до открытия съезда доклад был поручен Сталину. Он добросовестно изложил ленинские тезисы и предложил съезду проект резолюции, по-видимому, также написанный Лениным¹³. Споры вокруг предложенного текста сконцентрировались на проблеме Советов. Разброс мнений был так велик, что назначенная съездом редакционная комиссия смогла представить компромиссный вариант текста только 3 августа. Он и был единодушно утвержден делегатами [46, с. 255–257]. Из исходного текста были устранены все резкие выпады против меньшевиков и, наоборот, в окончательный текст было включено положение о защите Советов «от контрреволюционных покушений», что не исключало сотрудничества с советским большинством. Вместо лозунга «Вся власть Советам!» был выдвинут лозунг «Полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии». В то же время резолюция ни слова не говорила о вооруженном восстании и захвате власти. Напротив, в ней подчеркивалось, что «пролетариат не должен поддаваться на провокации», она предостерегала от ввязывания в «преждевременный бой» [46, с. 257].

Съезд большое внимание уделил грядущим выборам в Учредительное собрание, выработав детальную резолюцию, регламентирующую организационную и агитационную подготовку и тактику в ходе избирательной кампании [46, с. 260–261].

На съезде по-прежнему были сильны объединительные настроения. Сам факт проведения съезда на паритетных началах большевиками и «межрайонцами» означал оформление объединения этих организаций. В самом начале работы съезда с приветствием к нему обратился лидер петроградских меньшевиков-интернационалистов Ю. Ларин. Его речь находилась в прямом противоречии с ленинской позицией, но съезд встретил и проводил оратора бурными овациями [46, с. 69–72]. Через пару недель после съезда Ларин с небольшой группой единомышленников вступил в большевистскую партию [28, с. 47]. Наконец, съезд по докладу Юренева принял резолюцию «Об объединении партии» [46, с. 269–270]. Она призывала к единству всех интернационалистов, но отвергала «проект беспочвенных интеллигентов из "Новой жизни"», предлагавших объединение и с революционными оборонцами. Несколько испортило объ-

¹³ Ее текст см.: [37, с. 336–341].

единительный настрой анонсированное Лариным, но не состоявшееся выступление на съезде Мартова. Решающую роль в его отказе выступить на большевистском съезде сыграл Аксельрод, не раз беседовавший с ним по этому поводу [22, с. 135, 137]. В последний день работы съезда, 3 августа, в газете «Новая жизнь» было опубликовано приветствие Мартова большевистскому съезду, в котором констатировалось глубокое расхождение в тактических вопросах между интернационалистами разных направлений, делающее «все еще невозможным объединение всех партийных элементов» [20, т. 2, с. 223–224].

4 августа состоялось организационное заседание вновь избранного ЦК РСДРП(б). В него входили 21 член и 10 кандидатов. Заочно членами ЦК были избраны Ленин, Зиновьев, Каменев¹⁴, А. М. Коллонтай и Троцкий. Сохранили свои посты Сталин, Свердлов, Ногин, Милютин и И. Т. Смилга. А. С. Бубнов повысил свой статус, перейдя из кандидатов в члены ЦК. Снова членом ЦК становится Муранов. В ЦК появился ряд новых фигур – Артем (Ф. А. Сергеев), Я. А. Берзин, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Крестинский, А. И. Рыков, Г. Я. Сокольников, М. С. Урицкий и С. Г. Шаумян.

В целом, большевистский съезд продемонстрировал дальнейшую консолидацию большевиков, их способность «выживать» в самых неблагоприятных условиях. Вопреки тому, что утверждалось советской историографией, съезд не принял «курс на вооруженное восстание». Оформившаяся на съезде партия большевиков стремилась сохранить легальность, всерьез готовилась к выборам в Учредительное собрание и не представляла себе участия во власти вне блока с социалистическими партиями.

Между тем политический кризис в стране все еще не был исчерпан. Продолжалось формирование правительства, напоминавшее министерскую чехарду. 18 июля Верховным главнокомандующим был назначен Л. Г. Корнилов, что вызвало восторг «правых» и раздражение «левых». После очередного краха коалиционных попыток в ночь на 22 июля в Зимнем дворце состоялось совещание всех политических партий левее октябристов. Дан на нем огласил заявление ОК РСДРП, доверявшего Керенскому составление кабинета, но на основе «Программы 8 июля» [20, т. 2, с. 188–189]. Большинство совещания отвергло это требование, равно как и контроль над правительством со стороны Советов. Советское большинство вынуждено было проглотить эту горькую пилюлю, продолжая вести дискуссии о характере власти. Тем временем Исполкомы были

¹⁴ Каменев был освобожден из тюрьмы 4 августа за недоказанность обвинения.

переселены из Таврического дворца в здание Смольного института под предлогом подготовки к грядущему Учредительному собранию. 4 августа во время первого заседания на новом месте Мартов съязвил: «Советы из института государственной власти обращаются в институт благородных девиц» [20, т. 2, с. 236]. Разрешение правительственного кризиса поставило как центристов Дана и Богданова, так и интернационалиста Мартова в сложное положение. Они критиковали сложившуюся ситуацию, но не видели адекватного выхода из нее.

Очередным шагом в наступлении на Советы стало Государственное совещание в Москве 12–15 августа. Оно было создано по инициативе Керенского как попытка достичь политической стабилизации и объединить вокруг Временного правительства поддерживающие его силы. Делегаты-социалисты тонули в море правых. Из 2,5 тыс. делегатов 229 представляли Советы и еще 176 – профсоюзы. Большевики, представители от Советов, намеревались выступить на Совещании с декларацией, разоблачающей контрреволюционный, по их мнению, смысл совещания, а затем покинуть его. Однако руководители ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов потребовали от них солидарного действия в составе делегации. Тогда большевики, члены советской делегации, бойкотировали Совещание [28, с. 5, 7, 10–11, 12, 13–14, 28–29]. Резкое столкновение произошло также между оборонцами и меньшевиками-интернационалистами. При обсуждении меньшевистской декларации Мартов пытался внести в нее существенные изменения, придав ей больший радикализм. Они были отклонены. Тогда Мартов демонстративно покинул Совещание, отправившись на митинг своих сторонников [20, т. 2, с. 281–282]. Большевики все же присутствовали на Совещании в составе профсоюзной, кооперативной и некоторых других делегаций, но были лишены возможности зачитать свою декларацию и передали ее в президиум Совещания для оглашения¹⁵. Но на Совещании рефреном звучали совсем другие мысли – ликвидация Советов, армейских комитетов, война до победного конца. Завязывались узлы заговора, в котором, преследуя каждый свой интерес, участвовали Керенский и Корнилов. Для давления на Совещание извне московские большевики организовали в первый день его работы масштабную забастовку, в которой участвовало до 400 тыс. человек. Не работали рестораны, кофейни и даже буфет Большого театра, где проходило Совещание. Москва погрузилась в темноту, поскольку бастовали газовщики и электрики. Масштабы забастовки сви-

¹⁵ Ее текст см.: [28, с. 7–9].

детельствовали о возможностях большевиков. Но ход дискуссии на соещании показывает, что его делегаты этого не поняли.

В этой тревожной обстановке собрался еще один съезд. Это был тот объединительный съезд, которого так жаждали социал-демократы разных направлений с начала революции. Организационное бюро его было создано 18 июня на собрании социал-демократов всех течений – делегатов I Всероссийского съезда советов. На съезд сознательно не была приглашена группа «Единство» в связи с ее позицией, выходящей даже за рамки революционного оборончества, а большевики, будучи приглашены, проигнорировали этот жест [20, т.2, с.307].

Съезд работал 19–26 августа. На нем были представлены 146 организаций общей численностью около 200 тыс. человек [21, с.112]. Налицо был значительный рост меньшевистских рядов, но темпы этого роста существенно уступали аналогичной динамике большевистских структур. Из представленных на съезде организаций 13 (общей численностью 20 тыс. членов) были объединенными с большевиками [5, с.156]. Весь июль и первую половину августа шло глубокое размежевание между оборонцами и интернационалистами. Последние собирались 8 августа провести свою собственную конференцию и только после долгих уговоров Аксельрода отложили это намерение до съезда [20, т.2, с.175]. Работа же третьей общегородской конференции Петроградской организации 5–6 и 12–13 августа продемонстрировала их резко возросшее влияние. По всем вопросам были приняты резолюции интернационалистов. При выборах нового состава комитета и делегатов на предстоящий съезд они отказали оборонческому меньшинству в пропорциональном представительстве, продиктовав свои условия [20, т.2, с.270].

Съезд, открывшийся 19 августа, с первых же минут своей работы показал всю глубину разногласий. Из обмена репликами между Церетели и Мартовым стало ясно, что фактически речь шла о различном понимании роли партии. Церетели понимал ее как правительственную, подходящую к любому вопросу с внеклассовых, общенациональных позиций. Мартов, напротив, исходил из понимания партии как классовой, пролетарской организации. Съезд поддержал Церетели, но всего лишь 81 голосом при 65 «против» и 12 воздержавшихся [20, т.2, с.326]. Ход последовавших дебатов по пунктам повестки дня показал, насколько разобщены делегаты. Одних интернационалистов было 4 группы. По каждому вопросу выступало 3–4 докладчика от фракций. При этом «оборонческое» большинство всякий раз «продавливало» свои резолюции. В результате в существенно изменившейся обстановке не были внесены заметные коррективы в по-

литику партии. Все крутилось вокруг набивших оскомину коалиции, доверия и поддержки Временного правительства, в том числе и в его усилиях продолжать военные действия, оставаясь верным союзническим обязательствам. Чем дальше шел съезд, тем явственнее он разваливался на враждующие фракции. Последним аккордом было обсуждение организационного вопроса и связанные с ним выборы ЦК. Одобрив целый ряд организационных принципов, съезд не принял нового устава, предполагая, что каждая партийная организация имеет свой устав и обладает широкой автономией. Базовой организационной единицей отныне становилась организация в избирательном округе. Выборы в партийные учреждения на всех уровнях должны были проходить на основе принципа пропорционального представительства. Парламентская фракция признавалась автономной и ответственной за свою деятельность только перед съездом [20, т.2, с.512–513]. Все это было очень «по-европейски», но это был отрыв от той социальной базы, от заводской среды, которая всегда питала социал-демократию. В предпоследний день работы съезда 40 делегатов подали в президиум заявления о несогласии с принятыми им решениями. 26 мартовцев заявляли о своем намерении выступить перед «пролетарскими массами» с критикой этих решений, другие вообще отказывались от участия в выборах ЦК. С раннего утра 25 августа начались фракционные совещания. Масла в огонь подлил Церетели, когда предложил делегатам принять решение о недопущении в ЦК представителей «группы 26-ти» [20, т.2, с.518]. Его предложение не только было отвергнуто, но и увеличило число противников Церетели. После длительных консультаций был согласован состав ЦК на фракционной основе: 28 оборонцев, 14 интернационалистов [20, т.2, с.524].

Чисто внешне съезд завершился успешно. На основе неприятия большевизма почти все собственно меньшевистские организации и группы оформились в РСДРП (объединенную) (с марта 1918 г. просто РСДРП). Но борьба между ее фракциями после съезда только усилилась.

Мартов с сентября приступил к изданию своей газеты «Искра». Он выступал за продолжение и углубление революции в России как части мировой антиимпериалистической революции, требовал создания правительства, состоящего из представителей всех социалистических партий, советов, профсоюзов, фабзавкомов и армейских комитетов, осуждал вхождение меньшевиков во Временное правительство, настаивал на скорейшем заключении мира и передаче земли крестьянам.

«Новожиженцы» выступили с заявлением о том, что «задача создания единой классовой, рабочей партии осталась неосуществленной» [20,

т. 2, с. 529] и приступили к созданию собственной партии, первоначально получившей название «Организация объединенных социал-демократов-интернационалистов», затем – РСДРП (интернационалистов). К 8 сентября было уже создано Центральное бюро организации и началась подготовка Всероссийской конференции, которая состоялась 18–22 октября [1, оп. 1, д. 5, л. 1; д. 8, л. 1, 2; д. 11, л. 1–24]. На ней были представлены делегаты из Петербурга, Москвы, Харькова, Вологды, Казани, Перми и других городов, ряда армейских комитетов. В принятой политической платформе отрицалась необходимость диктатуры пролетариата, утверждалось, что Россия должна была стать демократической парламентской республикой с «однородным социалистическим правительством», в задачу которого входит преодоление экономической катастрофы, заключение мира, созыв Учредительного собрания. Лидерами организации были Б. В. Авиллов, В. А. Базаров, В. П. Волгин, В. А. Десницкий, Г. Д. Лейтейзен.

Остались недовольны результатами съезда и «правые». Сразу после него группа правых меньшевиков – Потресов, И. Н. Кубиков (Дементьев), М. Л. Хейсин, Д. Кольцов (Б. А. Гинзбург) посетили Плеханова. В результате вплоть до октябрьского переворота «Единство» и правые меньшевики выступали с согласованной позицией поддержки Временного правительства, обороны революционного Отечества, борьбы с «контр-революцией слева» [9, с. 113–114].

(Продолжение следует.)

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 444.
2. Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М.: Терра, 1999. 318 с.
3. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1927. 356 с.
4. Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года: Протоколы и материалы / Под общ. ред. П. Ф. Кудели, сост. Г. Л. Шкловский. М.; Л.: Госиздат, 1927. 164 с.
5. Галили З., Хеймсон Л., Миллер В., Ненароков А. РСДРП(б) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М.: Новый хронограф, 2007. 502 с.
6. Драбкина Ф. И. Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 г. // Вопросы истории. 1956. №9. С. 3–16.
7. Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию: план Парвуса. М.: Центрполиграф, 2007. 317 с.

8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9, доп. и испр. В 15 т. Т.1: 1898–1917. М.: Политиздат, 1983. 638 с.

9. Костяев Э.В. Г.В.Плеханов, А.Н.Потресов и их единомышленники в 1917–1918 годах: Отношение к проблемам войны и мира. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 410 с.

10. Ленин В.И. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 3–24 июня (16 июня – 7 июля) 1917 г. I. Речь об отношении к Временному правительству 4 (17) июня // Там же. Т.32. Май–июль 1917. М.: Политиздат, 1969. С.263–276.

11. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Там же. Т.33. М.: Политиздат, 1969. С.1–120.

12. Ленин В.И. Доклад о текущем моменте, 24 апреля (7 мая) 1917 г. // Там же. Т.31. С.342–360.

13. Ленин В.И. К лозунгам // Там же. Т.34. С.10–17.

14. Ленин В.И. О двоевластии // Там же. Т.31. С.145–148.

15. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Там же. С.113–118.

16. Ленин В.И. Ответ // Там же. С.21–32.

17. Ленин В.И. Письма из далека // Там же. Т.31. С.9–59.

18. Ленин В.И. Политическое положение (Четыре тезиса) // Там же. С.1–5.

19. Ленин В.И. Речь на площади Финляндского вокзала к рабочим, солдатам и матросам 3(16) апреля 1917 г. Газетный отчет // Там же. Т.31. С.98.

20. Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З.Галили, А.Ненарокова, Л.Хеймсона. М.: Прогресс-академия, 1994–1997.

21. Миллер В.И. Осторожно: история! М.: ЭТЦ, 1997. 222 с.

22. Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М.: Новый хронограф, 2012. 599 с.

23. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет. В 2 т. Т.2. М.; Л.: Госиздат, 1931. 489 с.

24. Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Бельведер, 2003. 684 с.

25. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполкома и фракций. 27 февраля – 25 октября 1917 г.: Документы и материалы. В 5 т. / Под ред. П.В.Волобуева. Т.2 / Отв.сост. Б.Д.Гальперина. СПб.: Библиотека «Звезды», 1995. 575 с.

26. Плеханов Г.В. Год на Родине: Полное собрание статей и речей, 1917–1918 гг. В 2 т. Т.2. Июль–ноябрь 1917 г. – май 1918 г. Paris: J.Povolozky, 1921. 270 с.

27. Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. №3. С.134–157.

28. Протоколы Центрального комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918 / Под общ.ред. М.А.Савельева; подготовил к печати В.Рахметов. М.; Л.: Госиздат, 1929. 309 с.
29. Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М.: Республика, 1992. 270 с.
30. Рабочая газета. 1917. 20 июня.
31. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Политиздат, 1990. 317 с.
32. Революционная Россия. 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова / Под ред. Г.А.Бордюгова и Е.А.Котеленец, сост. Н.С.Антонова и Л.А.Роговая. М.: АИРО-XXI, 2007. 352 с.
33. Революционное движение в России в апреле 1917 г.: Апрельский кризис: Документы и материалы / Под ред. Л.С.Гапоненко. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 935 с.
34. Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис. Документы и материалы / Под ред. Д.А.Чугаева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 626 с.
35. Революция 1917 года глазами современников. В 3 т. / Ред. – сост. В.В.Журавлев, А.П.Ненароков, В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2017. 351 с.
36. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. / Отв.ред. Ю.А.Петров. Т.1. М.: РОССПЭН, 2017. 743 с.
37. Савокин А.М. В преддверии Октября: Подготовка победы вооруженного восстания. М.: Мысль, 1973. 348 с.
38. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). М.: Госполитиздат, 1950. 92 с.
39. Следственное дело большевиков: Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г.: Сборник документов. В 2 кн. / Отв.сост. О.К.Иванцова. М.: РОССПЭН, 2012.
40. Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та (СПбГУ), 2009. 475 с.
41. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф.Чуева. М.: Изд. центр «Терра», 1991. 604 с.
42. Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3 т. Т.1. М.: Политиздат, 1991. 382 с.
43. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций: поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Наука, 1990. 331 с.
44. Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов: судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997. 375 с.
45. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. В 2 кн. Paris; La Haye: Mouton, 1963.
46. Шестой съезд РСДРП (б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. 487 с.
47. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3 т. Т.2. М.: Республика, 1992. 495 с.

Олег Волобуев

СИМФЕРОПОЛЬ. КРЫМПЕДИНСТИТУТ.

1950–1954 ГОДЫ*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

929

Эта часть воспоминаний посвящена времени учебы автора на историческом факультете Крымского педагогического института. В очерке рассматриваются возрастной состав и жизненная ориентация провинциального студенчества, подготовка студентов-историков к профессиональной деятельности, быт в условиях послевоенного проживания в общежитии. Даются индивидуальные характеристики преподавателей и некоторых особо выделившихся студентов. В разделе «Штрихи к портретам», в частности, речь идет о двух талантливых ученых – сейсмологе Б. В. Кострове и химике Э. А. Гюннере, которые одновременно с автором были студентами педагогического института. Студенческая повседневность связывается с рефлексией на социально-политическую жизнь страны (письма Сталину, смерть Сталина, передача Крыма Украине и др.).

This part of the memoirs is devoted to the time of studying the author at the historical faculty of the Crimean Pedagogical Institute. The essay considers the age composition and life orientation of provincial students, the preparation of historians for professional activities, life in the conditions of post-war residence in the hostel. Individual characteristics of teachers and students especially highlighted in the text are given. In the section "Strokes to portraits", in particular, we are talking about two talented scientists – seismologist B. V. Kostrov and chemist E. A. Günner who, simultaneously with the author, were students of the Pedagogical Institute. Student everyday life is associated with reflection on socio-political life with the country.

Ключевые слова: Крымский государственный педагогический институт; преподаватели; студенты; учеба; быт; сокурсники и друзья; рефлексия на социально-политическую жизнь страны.

Key words: Crimean State Pedagogical Institute; teachers; students; studies; life; fellow students and friends; reflection on the socio-political life of the country.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

*Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2021. №2; 5–6; 2022. №2.

Выбор профессиональной судьбы

С дипломом младшего агронома в кармане и направлением на работу в один из колхозов – то ли Бахчисарайского, то ли Куйбышевского района (какого, сейчас уже забыл) – я отправился в очередной раз устраивать свою жизнь. Председатель колхоза предложил мне работать на трудодни и вступить в члены колхоза. Я уперся: работать готов только за зарплату деньгами и без обязательства вступать в колхоз. Уговорил председателя отписать, что я как специалист не нужен, мотивировав еще и тем, что в следующем году все равно стану поступать в институт. Председатель понял, что этот мальчик (а я выглядел совсем мальчиком в свои 18 лет) до должности агронома (даже младшего) в его колхозе еще не вызрел. Справку, как тогда говорили, открепление от назначения на работу, я каким-то чудом получил. Переночевал я в райцентре Куйбышево (Албат) и утром на попутной машине по редко используемому Ай-Петринскому шоссе вернулся в Ялту.

Это было мое первое знакомство с природой предгорного Крыма, с его садоводческой долиной реки Бельбек. Путь от Бахчисарая до райцентра Куйбышево я проделал пешком по протоптанным веками тропам. Шел мимо заброшенных татарских садов-чаиров, выращенных трудолюбивыми земледельцами. Кстати, замечу, что бытующее представление о крымских татарах как преимущественно кочевниках не совсем точно. Население ханства состояло частично из земледельцев, частично из кочевников. Последние принадлежали в основном к ногайским татарам, действительно кочевавшим на обширной степной территории от Приазовья до Буджака (южной части Бессарабии) и в степном Крыму. Прикосновений к истории в Крыму всегда много. Так на пути в Куйбышево я проходил мимо позже ставшего мне известному навесному скальному гроту, где были обнаружены следы человека времени палеолита. Сейчас это место Сирень (Сюрень) известно тем, что там воздвигнут мемориал всем репрессированным в годы Великой Отечественной войны народам Крыма (то есть не только крымским татарам, но и армянам, болгарам, грекам).

Через несколько дней я снова оказался в Симферополе. На этот раз с задачей отвоевать себе место в Крымском педагогическом институте. Приемные экзамены уже закончились, но – тогда были такие годы – имелся недобор. Поэтому прием проводился в два тура (потока). Перед мной встал вопрос – выбор специальности. Самой притягательной для меня была специальность учителя русского языка и литературы.

Но в этом случае предстоял экзамен по иностранному языку, который я, скорее всего, мог не сдать. В техникуме он преподавался только на первом курсе, а в семилетней школе ему учили кое-как. Вознамерился сменив любовь к литературе на любовь к географии. И здесь исход экзаменов также был зыбким. Надо было сдавать физику, с которой я совсем не дружил (хотя имел оценку «хорошо»). Подал документы на прием по специальности «история». Предстояли устные экзамены по истории СССР, русской литературе, экономической географии. И, конечно же, список вступительных экзаменов начинался с сочинения по русской литературе.

Казалось, успех обеспечен. Но, прочтя список абитуриентов, писавших сочинение, я был обескуражен своим полным провалом. А ведь темой сочинения была поэзия любимого Маяковского. На следующий день я явился в институт забирать документы и вдруг встретил Бориса Писаревского, с которым отец познакомил меня в санаторном Кастрополе. Борис, недавно окончивший пединститут, в прошлом боевой офицер, коммунист и председатель профкома в годы учебы, как выяснилось, пользовался авторитетом среди преподавателей. Он в кратчайшие сроки каким-то образом уладил ситуацию. Добился, казалось бы, невозможного: я второй раз написал новое сочинение уже на другую тему и даже на «хорошо». Борис объяснил, что мои ошибки по русскому языку в первом сочинении все связаны со знаками препинания в обильно цитируемых стихах Маяковского.

Я никогда не подвергал провал по сочинению сомнению до тех пор, пока мой сын не получил двойку по сочинению на вступительных экзаменах в университет Дружбы народов. При поступлении в том же году в институт Плеханова сын после упомянутого провала спокойно обзавелся четверкой по очередному экзаменационному сочинению. Так что на вступительных экзаменах могут происходить всякие чудеса.

Сейчас у меня есть предположительная версия случившегося казуса. В приемной комиссии еще при представлении моих документов с подозрением отнеслись к двум из них: к диплому, где запись «с отличием» была сделана от руки (о чем я уже упоминал в предыдущем очерке), и справке с откреплением от направления на работу, заверенной лишь колхозной печатью. Смею предположить, что от подозрительного абитуриента проще всего избавиться, поставив парочку запятых в его экзаменационном сочинении. В моем случае избавителем от напасти стал Борис Писаревский. С ним на эту тему я больше не говорил. Он был

благородным человеком и старался никогда не затрагивать самолюбие собеседника.

Что касается устных экзаменов, то я их сдал на «отлично» без особой подготовки. Исключение представляла для меня сдача экзамена по экономической географии. Учебник по этой учебной дисциплине я видел впервые. Знания, однако, усваивались без напряжения и легко.

Голосовал на трассе без рубля в кармане. Водитель грузовика поведал, что верну ему деньги в Ялте. Все же верить человеку лучше (правда, не всегда), чем не верить.

Выбор профессиональной судьбы – исключительно ответственный выбор. Конечно, в случае неудачного выбора профессию можно поменять, и это удастся многим. Например, немало выпускников Ялтинского сельскохозяйственного техникума стали кадровыми офицерами. Но, кроме желания, есть еще и обстоятельства, которые сужают поле возможностей. В послевоенные годы поле возможностей особенно сужала скудость семейных бюджетов. Все знают, что в карточной игре решающее значение может иметь пришедшая к тебе из колоды карта. И если она нулевая, то приходится сидеть «в дурачках». Мне пришла козырная карта в лице Бориса Писаревского. Ждать, что судьба облагодетельствует тебя, – глупо. Иногда следует принимать решения не «по зову сердца», не по целенаправленности, а по целесообразности. Это не лучший путь, но и не худший. То, что я стал преподавателем истории, не помешало мне реализовать (пусть не в полной мере) свой творческий потенциал.

Так нецеленаправленно я стал историком. Как утверждает лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин, жизнь – это совпадение случайностей.

Студенты

Человеческая память одновременно надежна и ненадежна. Память должна быть надежной, так как вне памяти нет жизненного опыта. Она же и ненадежна, потому что ее оборотной стороной является забывание. Нашу память я бы сравнил с кладовой, где складываются старые вещи. Если в кладовую долго не заглядываешь, не перетряхиваешь хранящиеся там образы и слова, то их хаотическое нагромождение превращается в ничего не говорящую труху. Работая над мемуарами (я сейчас это очень ощущаю), приходится вычерпывать фрагменты из своих более

ранних записей и публикаций¹. Часто имеешь дело с тщательно обработанными текстами, их ничем дополнить уже не можешь и сохраняешь в прежнем виде.

Итак, в конце августа 1950 года я приехал из солнечной Ялты в не менее солнечный Симферополь, чтобы начать новую жизнь – студенческую, вузовскую. Сбылась моя мечта – учеба на одном из гуманитарных факультетов высшего учебного заведения.

Крымский педагогический институт носил имя М.В.Фрунзе, которого чтили как командующего Южным фронтом Красной армии, руководившего военной операцией 1920 г. по вытеснению войск П.Н.Врангеля из Крыма. В 1972 г. пединститут был преобразован в университет, который ныне носит имя В.И.Вернадского. В названии университета имя известного военачальника сменили на имя известного ученого. И этим была восстановлена историческая справедливость.

В послевоенном Крыму главное здание института располагалось на ул. В.И.Ленина. Лекции, общие для студентов всех факультетов (по истории партии, политэкономии, психологии и педагогике), читали в огромном зале дореволюционного здания по ул. Студенческой. Эта улица раньше именовалась Лазаретной², так как на ней в годы Крымской войны устроили госпиталь для раненых воинов. Общежитие института занимало несколько зданий на территории бывшего госпиталя и было со стороны улицы обнесено решетчатой металлической оградой.

Нас, первокурсников, поместили в одноэтажном строении, которое, видимо, сохранилось с госпитальных времен. В большой комнате корпуса, расположенного в глубине двора, размещалось около 20 кроватей, одна из которых досталась мне. И это казалось составной частью счастья: можно целых четыре года учиться и читать, читать...

В комнате поселили разновозрастных студентов – историков первого курса. Среди них было несколько фронтовиков. Старейшим был демобилизованный капитан, участник Великой Отечественной войны, потерявший один глаз на фронте, Булычев. Держался он особняком, смотрел на мир оставшимся глазом и, видимо, чувствовал себя не очень уверенно в студенческой среде. Как исключение, к нему все обращались на «Вы». Среди «старших» выделялся Никита Паталаха, смуглый, высокий и красивый, участник торжественного парада на Красной площади в честь

¹ В этом очерке, в частности, использованы тексты моей статьи «Историки выпуска 1954-го» из университетского юбилейного издания [15, с.304–319].

² Улица упиралась в балюстраду над обрывом, откуда сверху открывался вид на долину реки Салгир. Вниз по склону обрыва вела весьма крутая лестница. По вечерам у балюстрады часто можно было видеть студентов.

Победы. По другим уже параметрам, о чем пойдет речь далее, выделялся и Костя Когонашвили. Еще одним демобилизованным был Слава Ботескулов. О других студентах, прошедших армию, упомяну позднее.

Самым младшим по возрасту среди студентов-историков был Алик Ярославский, 1933 г. рождения. Он принадлежал к тем редким среди мужского состава студенческой корпорации экземплярам, которые окончили нормальную среднюю школу (другим был Саша Сидоров). Остальные получили среднее образование разными путями. Так, Леша Шевченко попал в историки после окончания медучилища, он имел диплом фельдшера. Игорь Козлов, по-командирски подтянутый, был комиссованным по болезни (язва желудка) курсантом одного из киевских военных училищ. Валя Бадян, худой и нескладный, успел поработать официантом в Феодосии и там же окончил вечернюю школу. Виля Черный, симферополец, тоже заканчивал вечернюю школу и даже год проучился в мединституте³. Николай Волков был воспитанником воинской части и прошел начальный курс жизни в музыкальной команде (он отлично, профессионально играл на трубе). Среди историков затесался и один физик-математик Борис Костров.

Большинство студентов были крымчане: кто из семей довоенных старожилов, как Виля Черный и я, кто из послевоенных, новых жителей полуострова. Многие приехали из соседних областей. Алик Ярославский и Леша Шевченко были из Запорожья. Слава Ботескулов – из Бердянска, где когда-то обитала семья моего дедушки по матери.

Первое время бывшие армейцы пытались «наводить» дисциплину и соблюдать «порядок» в нашей казарме: будить по утрам, заставлять по правилам «стелить» кровати и прочее. Но младшие не поддавались: за их плечами тоже был опыт трудной жизни в военные и первые послевоенные годы. Все отличались самостоятельностью и не выносили никакого «помыкания». Для нас авторитета старших не было. Авторитет завоевывался тем, что человек умел. Таким рисуется в моем представлении общежитийный портрет двух поколений, сведенных студенческой судьбой в единый «учебный и спальный» коллектив.

Одним из объединяющих начал почти для всех парней, проживавших в общежитии, была необходимость продержаться на скудном пайке четыре года. Мало кто из нас получал достойную денежную сумму из семейных средств. Так, например, мой паек вплоть до первой стипендии

³Наибольшее сближение мое с Вилей Черным приходится на 1965–1972 гг., и в будущем очерке, посвященном этому времени, я предполагаю изложить свои воспоминания о нашей дружбе.

составляли буханка хлеба в сутки и чай, а точнее – подслащенный кипяток (кипяток всегда был в общежитии). Потом стало легче. На противоположной общежитию стороне Студенческой улицы, в учебном корпусе, была полуподвальная столовая. Там завтракали и обедали: каша, суп пшеничный или перловый, а иногда и с вермишелью. Что было еще в меню, не помню. Я тогда мало обращал внимания на то, что ем, было бы что есть. На ужин *иногда* (делаю курсивом акцент) можно было приобрести рыбные (только рыбные, но не мясные) консервы. Наибольшим спросом пользовались консервы «Бычки в томате» гениченского или керченского производства. Овощи и фрукты покупали редко. На базар не ходили: далеко и дорого. Но, конечно, в сезон огурцы, помидоры и яблоки, бывало, покупали. В магазинах изобилия не было. Когда одного выпускника нашего факультета, работавшего в сельской школе, спросили, как он живет, тот ответил: с Наткой. И пояснил: в магазине сельпо (сельхозкооперация) нет никаких продуктов, кроме хлеба и крабовых консервов с названием «Натка» (для сельчан эти консервы были дороги и непривычны).

И была у меня еще одна насущная забота – как прожить зиму без пальто. Но мне повезло – нашелся покровитель. Им стал бывший артиллерийский капитан Борис Писаревский, прошедший войну от ее трагического начала до победного конца. После демобилизации он с орденами (которых, между прочим, не носил) вернулся в родной Симферополь, где его уже не могли встретить родители. Они были расстреляны фашистами в дни оккупации. Закончив педагогический институт, Борис работал учителем русского языка в школе. Жил он недалеко от нашего общежития на улице Нижне-Госпитальной. И я к нему порой, до его женитьбы, заглядывал. Да и после тоже, но уже редко.

Борис был замечательным человеком. Его красила мягкая, совсем не желчная, саркастическая улыбка, но за ней пряталась исключительная доброжелательность, которую он излучал на окружающих. Я ему, как говорят, по гроб благодарен за все. С той упомянутой встречи в коридоре главного корпуса и до моего окончания института Борис не оставлял меня без покровительства. И это делал неназойливо, как бы мимоходом. Глубокой осенью (а может быть, уже и ранней зимой) я зашел к нему изрядно озябший, и он подарил мне со своего офицерского плеча шинель. Это была великолепная английская шинель, легкая и теплая. Не шинель, а волшебный тулупчик. В ней я проходил все четыре симферопольских зимы. Пришлось покупать и пиджак. Для этого была толкучка – вещевого рынок. Она находилась сразу же за стеной нашего просторного

двора. На толкучке я и приобрел пиджак, который пленил меня и ценой, и светло-кофейным цветом. Он как раз пришелся мне по размерам, позже я определил, что пиджачок тот женского покроя. Но я этого изъяна не уловил по житейской неопытности и невнимательности. Никто меня за мои наряды не высмеивал. Одет не в рваное – уже хорошо. Долго потом я приучался выбирать для покупки одежду.

Кто мог, подрабатывал, где мог. Костя Когонашвили где-то что-то оформлял (наглядная агитация всегда была в ходу). Я репетировал по русскому языку, но недолго (не преуспел и не умел устанавливать контакты с родителями и учительницей из соседней с общежитием школы). В репетиторстве мне устроил протекцию физкультурник, керчанин Толя Злобин. Потом, уж не помню каким путем, я стал позировать в художественном училище имени Самокиша. Николай Волков, который тоже, как и я, носил зимой шинель, пристроился к ресторанному оркестрику. В общем, каждый вертелся как мог. К сожалению, строительных отрядов в то время не было.

После окончания первого учебного года в нашем общежитийном колллективе произошли некоторые изменения. Валя Бадян, который самостоятельно осваивал латинский язык, перевелся на исторический факультет Харьковского университета. Он уже тогда определил, что будет заниматься средними веками и востоковедением. В Харькове Валентин становится учеником арабиста А.П. Ковалевского, известного, в частности, своим переводом рукописи ибн-Фадлана о путешествии на Волгу в 921–922 гг. Игорь Козлов вернулся в Киев, надеясь восстановиться в курсантах военного училища. Молодые люди настойчиво искали свое место в жизни. Я хотел перевестись на специальность преподавателя русского языка и литературы, но удержался от соблазна. Я успел сжиться с новыми товарищами по учебе и общежитию. А филологический факультет был сугубо девичий.

В следующем учебном году небольшой группе студентов-историков удалось каким-то образом (предполагаю, стараниями Кости) заполнить комнату в другом одноэтажном корпусе физкультурного факультета. Это была даже не комната, а отдельная квартира из двух смежных комнат, с боковым по отношению к учебному корпусу выходом прямо во двор. В ней и прошли мои остальные студенческие годы. Это была квартира на шестерых. Моими сокомнатниками, кроме Кости, были Алик Ярославский, Коля Волков, Слава Ботескулов, Леша Шевченко. Леша и я симпатизировали друг другу. У меня сохранилась подаренная им фотография с надписью: «Философу и скептику, в лучшие дни – хороше-

Выпускники Крымпединститута на фоне главного корпуса общежития на улице Студенческой.
В центре Петя Одарченко, слева Алик Ярославский, справа Олег Волобуев

Алексей Шевченко, студент исторического факультета, сокурсник и товарищ Олега Волобуева

му товарищу». Надпись мне льстила: она отражала мою склонность к рассуждениям и мое критическое отношение к жизни.

Костя Когонашвили вскоре женился и выбыл из общежития, однако место за ним осталось. Были и другие студенческие браки. Так, в числе демобилизованных из армии студентов-историков нашего курса примечательной личностью был Дорохов, сталинский стипендиат, носивший элегантные заграничные костюмы, которые он привез, кажется, из Германии. Дорохов устроил свадебное пиршество в институтской столовой, что было по тем временам редкостью. Выделялся также представительный, особен-

но в кожаном пальто, Леня Солодовник, женившийся на однокурснице Нелли. Они были симферопольцами и поэтому тесно не общались с живущими в общежитии сокурсниками. Еще одной парой на нашем курсе был, тоже из дембелей, Шаповалов, женившийся на однокурснице Лине Шестерниной.

Пришло, наверное, время, вспомнить и о значительном «партийном клине» (от вклиниваться) нашего курса. Членами партии были почти все молодые люди, имевшие военное прошлое. Перечислю таковых: Булычев, Дорохов, Когонашвили, Паталаха, Стебайло, Солодовник, Шаповалов. Некоторые из них как, кажется, Солодовник, вступили в КПСС, уже будучи студентами. В дальнейшем партийную карьеру сделал только Солодовник. Он, насколько я помню, еще перед выпуском стал одним из обкомовских работников, потом секретарем Крымского обкома комсомола, в дальнейшем секретарем Крымского обкома КПУ, затем одно время возглавлял республиканскую цензуру в Киеве и закончил свою карьеру начальником Управления по охране военных и государственных тайн Республики Крым.

Членом Коммунистической партии была и Евдокия Хохликова (Ногина по мужу), которая просила называть ее Дусей. Она принимала участие в партизанском движении, а, начав в возрасте, значительно превосходившем наш, учиться в вузе, старалась опекать молодежь. В общем, была заботливой старшей сестрой. Особенно благосклонно она относилась к Ярославскому, тепло и сердечно – и ко мне. Вспоминая ее, нахожу в Интернете: Е.И. Хохликова – помощник комиссара по комсомолу, Южное соединение партизан.

Курс наш насчитывал (плановый расчет) 50 студентов, разделенных на две учебные группы. Но еще больше собиралось студентов на общефакультетские лекции, которые читались в зале учебного корпуса на ул. Студенческой. Набиралось и набивалось человек двести. Но шума на лекциях не было. Зато можно было, если лекция не интересовала, тихо играть в «Морской бой»⁴. Не уклонялся от этой игры даже Леня Солодовник. Однако большинство упорно конспектировало лекции. Наш учебный поток включал, помимо историков, еще и филологов – русистов и инфаковцев, физиков-математиков, физкультурников. Среди студентов-физкультурников были колоритные фигуры: керчанин Толя Злобин, ялтинiec Виталий Шерстобитов и участник Великой Отечественной вой-

⁴ «Морской бой» – игра; выигрывает тот, кто раньше уничтожит флот противника, условно изображенный на разграфленной в квадратики бумаге. Номера клеток называются играющие, и каждый пораженный корабль перечеркивается по количеству клеток, его изображающих.

ны и Керченского десанта Соломон (фамилию забыл). С умным Толей у меня установились приятельские отношения, но общих интересов не было. Виталий был для меня образцом мужской подтянутости и аккуратности в одежде. Встречая его на ялтинской набережной, я всегда замечал, как он выделялся в толпе гуляющих своей мужской статью (то, чего не хватало мне). Соломон, высокого роста широкоплечий и узкий в талии блондин, запоминался своей пышной соломенного цвета шевелюрой. В нем, матросе-десантнике, в заношенной полосатой тельняшке, была заложена какая-то природная удаль.

Учебников у студентов почти не было. В юбилейном издании, посвященном Крымскому университету, есть такие сведения по 1951 г.: институт располагал тогда вузовскими учебниками по истории Средних веков – двумя, по Новой истории – одним, по истории СССР – тремя экземплярами [15, с.67].

Исключением был обязательный для всех идеологический курс «Истории ВКП(б)». «Краткий курс», учебник-библия для всех советских людей и нелюдей (последние бывают у всех народов), был в избытке⁵.

Преподаватели

Знаю по опыту, в том числе общения с выпускниками вузов, что прежде всего запоминаются преподаватели первого года обучения. Курс истории партии большевиков вел Борис Николаевич Ромбой. Инвалид-горбун с резко рельефным крупным лицом, он поднимался на сцену-помост, опираясь на костыли, садился на стул и прислонял костыли к нему. Ромбой был отличный лектор и вел не очень популярный среди студентов учебный курс истории КПСС мастерски. Читал не по конспекту, пафосно, в очень индивидуализированной тональности, как-то нараспев. Его манера исполнения лекций напоминала речитатив сказителей. Для меня это был полный контраст с ялтинским историком, занудливо долбящим учащимся техникума материал о бесконечных партийных съездах, конференциях, решениях и борьбе Ленина и Сталина с меньшевиками и другими оппортунистами всех мастей. В лекциях Ромбоя это тоже было, но как-то незаметно уходило на второй план.

Помнятся и общеуниверситетские лекции по психологии. Их читал Александр Григорьевич Ковалев. Мы были последним курсом, который

⁵ До сих пор поражает, как могли мы тогда верить этой исторической мифологии, созданной с целью гипнотического внушения массам лукавой правды большевизма. Хотя надо признать: скептики и еретики в студенческой среде были всегда. Но многие скептики тогда не были лишены веры в будущее коммунизма.

их слушал в Симферополе. В 1951 г. Ковалев уехал в Ленинград, где преподавал в университете и педагогическом институте им. Герцена и стал создателем оригинальной психолого-педагогической концепции личности. Вел он лекции не похоже на других преподавателей, на ходу, неоднократно пересекая сцену, лишь временами садясь на (я не оговариваюсь – на) стол. Не мог он усидеть на месте или так привлекал внимание? – неведомо. Содержание лекций я сейчас воспроизвести не могу, но заверяю – это были настоящие профессорские лекции, пробуждавшие интерес к психологии.

Курс педагогики вел Иван Андреевич Фурсенко. Это был, в отличие от распространенного типа педагогов-догматиков, самостоятельно мыслящий человек. В фокусе его педагогических представлений о формировании нового человека находилось, если так можно определить, замкнутое, но не элитное, сообщество детей. Своего рода некая воспитательная среда, возникавшая в кадетских корпусах и особых учебных заведениях, вроде Царскосельского лицея и Института благородных девиц. Идеалом советского педагога для него был А.С.Макаренко.

Из преподавателей-историков два основных учебных курса в первый год моего студенчества вели Людмила Ивановна Блахина и Мария Васильевна Васильева. Обе были добросовестными и в меру требовательными преподавателями. Людмила Ивановна запомнилась своими учебно-практическими занятиями, в основу которых была положена работа с историческими источниками. По истории Древнего Востока мы изучали «Речения Ипувера» (тогда переводили – Ипусера). Меня очаровывала образность древнеегипетского письма: «Воистину: люди стали подобны птицам, ищущим падаль. <...> Воистину земля перевернулась, подобно гончарному кругу». Но «Речения» привлекали не только образностью, но и попыткой осмысления постигших Египет социальных бедствий. В этом документе я столкнулся с пониманием (над чем не задумывался ранее) важности интерпретации исторических событий: революционные события – это благо или несчастье для страны? «Благо» – никак не укладывалось в голове. Не укладывалось такое истолкование и в голове автора «Речений», констатирующего: «Каждый человек говорит: "Мы не понимаем, что происходит в стране"». Выход автор ищет в восстановлении в стране сильной власти, которая предотвращает насилие и произвол.

Мария Васильевна была внимательна к студентам, а в преподавании особое внимание уделяла обсуждению на семинарах студенческих докладов. Она учила умению обосновывать свои суждения ссылками

на источники. Мне по душе было писание рефератов, но не по душе – низкий уровень их обсуждения студентами.

Среди преподавателей-историков выделялся Сергей Анатольевич Секиринский. Не стану стараться набросать его портрет заново, а воспроизведу то, что ранее уже было написано. Итак, прибегаю к «самоцитированию» статьи, посвященной двоим Секиринским, отцу и сыну: «Высокий, худощавый, с резко вычерченным лицом, с какой-то очень индивидуализированной и ироничной улыбкой, Сергей Анатольевич объяснял негромким голосом, но не однотонно, выделяя и подчеркивая интонацией главное, сущностное. <...> В аудитории на лекциях Сергея Анатольевича всегда стояла тишина... Лекции были весьма социологичны, что характерно для советской историографии, но отличались проблемностью и изложением различных точек зрения на события и процессы, что уже было не характерно для вузовского преподавания в сталинское, да и постсталинское время. Меня увлекал интеллектуально изощренный узор лекционной ткани. Но влияние на меня Сергея Анатольевича в годы студенческой учебы можно назвать только дистанционным. То было влияние, определяемое самим фактом существования преподавательского и научного Авторитета» [4, с. 7–8]. В годы нашей учебы Сергей Анатольевич писал и защитил кандидатскую диссертацию, на основе которой и издал свою книгу о средневековом Суроже [12]. Добавлю лишь несколько штрихов к его портрету. Сергей Анатольевич обладал свободолюбивой натурой, но был очень осторожен (уроки жизни). Как и многие, в армии, с которой он прошел тяжелые дороги от поражений до побед, вступил в Коммунистическую партию. Порой он повторял свое любимое изречение: «Путь наименьшего сопротивления есть путь наибольшего зла». Истинный крымчанин, он свою судьбу связал с жизнью на своей малой родине и в своей альма-матер.

Сергей Анатольевич преподавал историю Средних веков, в которую влюбилось немало студентов. Новую историю вела молодая преподавательница Екатерина Алексеевна Ненастьева, которая, закончив аспирантуру, прибыла в Симферополь, кажется, из Ярославля. И, насколько я помню, мы были ее чуть ли не первыми студентами. Екатерина Алексеевна была человеком чистой души и всю себя отдавала, не имея семьи, преподаванию.

Лекции по истории СССР по существу заканчивались для нас девятнадцатым веком. А потом наступила лекционная скука побед и пятилеток под руководством (не продолжаю: дальше все ясно)...

Запоминающейся фигурой был заведующий кафедрой истории СССР и декан исторического факультета (на этом посту его сменил Секирин-

Группа студентов-историков третьего курса. В центре преподаватель Екатерина Алексеевна Ненастьева. Слева от нее Александр Ярославский, справа Олег Волобуев

ский) Федор Степанович Загородских. Он был участником Гражданской войны, инвалидом, хромал и ходил с палочкой, одет всегда был неряшливо. Ему явно не хватало культуры и понимания причинно-следственных связей исторических процессов и событий, что, конечно, сказывалось на содержании лекций. Федор Степанович представлял собой тип неинтеллигентного советского профессора. И на этом месте повествования предоставляю слово профессору Крымского федерального университета А.А.Непомнящему, который написал монографию о крымоведе профессоре Н.Л.Эрнсте и выявил автобиографию Ф.И.Загородских, написанную его рукой и относящуюся к 1942 г. (время эвакуации института в Дагестан). Из работ А.А.Непомнящего можно узнать, что в Крымский педагогический институт Загородских попал после жесткой чистки преподавательского состава в 1934 г., а в 1938 г. сыграл неблагоприятную роль (правда, не он один) в деле археолога и историка Н.Л.Эрнста, которому инкриминировали пропаганду фашистских идей в научных работах и шпионаж в пользу Германии [10]. Во время и после войны, надо признать, Загородских как декан исторического факультета Крымпединститута много

сделал для налаживания вузовской учебы, сохранения и возрождения факультета. На его лекциях я занимался всем, кроме их выслушивания. А к его роли в 1930-е гг. отношение у меня сложное. Теперь я понимаю, каково было тем, кого вызывали для дачи показаний, а вот кто шел сам с доносом, с того спрос другой. Как обстояло дело с Загородских, что им руководило в коллективной кампании 1938 г. по травле Н.Л.Эрнста, – не знаю. Убежденность в правоте обвинений – это сомнительно. Убежденность в том, что так надо, – может быть. А может быть, коллективный страх в случае неучастия в клевете – распространенное тогда явление. Во всяком случае Загородских производил впечатление добродушного человека.

14 июля 2018 г. в «Крымской правде» вышла статья Натальи Пупковой «Наша Белла Борисовна», которая заканчивается фразой: «Студенты, которым повезло слушать лекции Беллы Борисовны, вспоминают, что рассказывала она вдохновенно, стараясь влюбить каждого в русскую литературу, так как любила ее сама». Одним из этих студентов был и я, слушавший лекционный курс по древнерусской литературе. И когда, припоминая годы учебы в институте, я прочел в Интернете статью о Белле Борисовне Трахтенберг, то публикация вызвала у меня немало радости и печали. Радости, что ее помнят. Печали, что все проходит. Белла Борисовна запечатлелась в моей памяти не такой, какой она выглядит на фото из архива газеты, а со строгим лицом подвижницы, лесной партизанки и флотской разведчицы-переводчицы.

Интересными и четко структурированными были лекции заведующей кафедрой зарубежной литературы Марианны Ивановны Новиковой. Она ввела нас в мир античной литературы и знакомила с великими древнегреческими трагиками времен афинской демократии и поэтами эпохи древнеримского имперского величия. Но меня больше волновали не Вергилий и Овидий, а Катул и Ювеналий.

Достоинством учебного плана исторических факультетов того времени было наличие в нем довольно обширных курсов русской и зарубежной литературы. Для учителей истории очень важно было литературоведческое образование, ведь представления о прошлом мы черпаем не столько из специальных исторических трудов, сколько из произведений художественной литературы и искусства, кинематографа и телевидения. Так, уже после окончания института возник замысел создания «Художественно-исторической хрестоматии» по Средним векам⁶.

⁶Хрестоматия была подготовлена вместе с С.А.Секиринским и выходила в издательстве «Просвещение» в 1965 и 1977 гг. [18].

Были в нашем высшем историческом образовании и существенные пробелы. В первую очередь, к ним я бы отнес отсутствие таких учебных предметов, как историография и источниковедение. А ведь на них, как на слонах, стоит все здание исторических наук.

Отношение преподавателей к студентам было внимательное, уважительное и доброжелательное. Безусловно, учитывалось наличие прослойки бывших фронтовиков и партизан и общее послевоенное состояние страны, полуголодной и начавшей чуть выползать из-под военной разрухи и послевоенных трудностей.

Особенно плохо дело обстояло с изучением иностранных языков. Большинство студентов мало что помнило из школьных курсов. Немецкий язык у нас вела пожилая преподавательница Марцинкевич, добрейшей души человек, которая настолько хорошо и заботливо к нам относилась, что многим прощала незнание лексики и грамматики. Удовлетворительную оценку она ни за что бы не поставила, ведь студента можно было лишить стипендии.

Личное и общественное

Легче всего осваивали вузовскую премудрость те студенты, которые были начитаны и имели как можно более широкий кругозор. Такими студентами на нашем курсе были Виля Черный, Костя Когонашвили, Алик Ярославский. Учеба и мне давалась легко. Я с детства неведомо какими чувствами был вовлечен не только в мир художественной литературы, но также в миры исторических и географических представлений, отлично ориентировался в географических и исторических картах. Уже в первом–втором классе я неоднократно пролистывал «Всеобщую историю» Оскара Иегера (Егера – в другом переводе фамилии). Многие прекрасные иллюстрации этого четырехтомного свода фактов запомнил на всю жизнь. Больше всего нравился второй том, посвященный Средним векам [7]. Том начинался с портрета Карла Великого работы Дюрера. Привлекало изображение мавзолея Теодориха в Равенне, столь непохожего на мавзолей Ленина в Москве. Знакомство с иллюстрациями (текст для меня служил пояснительным материалом к ним) было своего рода экскурсией в средневековую историю, что очень помогало мне в вузовскую пору. Не раз перечитывал исторические драмы Шекспира, откуда черпал сведения о войне Алой и Белой розы и знал чуть ли не всю историческую географию средневековой Британии.

Почти все студенты были упорны в учебе, относились к ней серьезно, но дальних целей перед собой не ставили. Мне некоторые из моих со-

курсников прочили после вуза научную карьеру. Но меня вполне удовлетворяли нацеленность на имманентную интеллектуальную деятельность, позиция искателя ответов на вопросы миропонимания, а не соискателя ученой степени как цели⁷.

Ответственной частью профессиональной подготовки была педагогическая практика в школах Симферополя. Я проходил практику в школе, где завучем работал мой покровитель Борис Писаревский. Он являл собой прирожденного учителя. Даваемые им показательные уроки русского языка и литературы были образцом педагогического мастерства. Объяснял он сложности и хитрости русской речи ясно и доходчиво. Все студенты относились к подготовке уроков ответственно. Для меня педагогическая практика представляла немало трудностей. Главная из них состояла в преодолении неуверенности в умении управлять коллективом учащихся. В знании исторического материала неуверенности не было. Авторитетным и уважаемым студентами руководителем практики был учитель истории Николай Резвин. Участник, как и Борис Писаревский, Великой Отечественной войны, он прихрамывал и ходил с палочкой. Резвин отличался остроумием, был любим студентами и особенно студентками. Он не был женат и не имел своей квартиры, поэтому частенько заходил в общежитие к девушкам «на чай и на разговоры». Как инвалид и ветеран Резвин получил жилье только в конце нашей институтской жизни, т. е. спустя девять лет после окончания войны.

С первого курса несколько студентов, в том числе и я, было вовлечено в науку. Не помню, каким образом я оказался под опекой Бориса Николаевича Ромбоа. Тему о роли личности в истории предложил он. Мне она тоже понравилась. Борис Николаевич мне очень помогал, и в моем докладе, подготовленном для общеуниверситетской студенческой конференции, было много «от него». Сегодня можно удивляться: такая тема в сталинское время. Вот именно такая тема в то время могла «быть ко двору»: ведь, рассматривая роль личности в истории, нужно было говорить о великих людях. У нас их было двое – Ленин и Сталин. Были еще, конечно, Маркс и Энгельс, но они были заоблачными гениями.

Как бы то ни было: доклад был написан, и я с ним выступил на научной студенческой конференции. На этой конференции выступал также Дорохов (тему его доклада, к сожалению, не помню). Больше я научных докладов не делал, а с учебными докладами на семинарах выступал успешно. Тема же «роль личности в истории» не оставляла меня никогда. Эта тема актуальна вечно и даже, кажется, сегодня особенно.

⁷Н.А.Бердяев писал: «Я всегда был лишь прохожим» [3, с.14].

Меня больше привлекали семинары, посвященные анализу документов. На втором курсе мы пользовались прекрасной трехтомной «Хрестоматией по истории средних веков», под редакцией С.Д.Сказкина и Н.П.Грацианско-го [17]. В частности, по этой хрестоматии мы изучали Салическую правду.

Я, в свою очередь, делился с друзьями восточной поэзией, китайской и японской. Еще в Ялте случайно на Набережной купил томик стихов Бо Цзюйи (издания 1949 г.), поэта эпохи Тан (618–907), и несколько дней с ним не расставался. Этот томик пришлось подарить моей бабушке по отцу Марии Никифоровне, которая также увлеклась Бо Цзюйи.

Предпринял я и попытку написать критическую статью о крымской поэзии. Статью отослал в литературно-художественный альманах «Крым». Редакция, конечно, не могла принять ее хотя бы из-за того, что альманах был печатным органом крымской организации литераторов. Я не очень помню содержание статьи, но полагаю, что она, видимо, оказалась дилетантски слабой. Однако меня пригласили в редакцию альманаха, пообщались, дали какие-то советы и порекомендовали продолжать опыты литературной критики. Я никому об этой своей вылазке в печать не сообщал, а мой порыв заглох. Вероятно, я тогда еще не читал «Мартина Идена» Джека Лондона и не представлял, сколько надо испортить бумаги, чтобы выйти в люди. А текущих забот было и так достаточно.

Я писал стихи для себя. Писал нечасто, а когда «находило». Как правило, они были слабыми, хотя технику стихосложения освоил. Удача редко осеняла меня. Но изредка везло. Вот, на мой взгляд, редкий пример такого рода:

Как не люблю избитых, надоевших рифм,
Я не люблю красивых слов, затасканных.
Вот если сердце мучит, как нарыв,
Какими вылечить его лекарствами?
На тумбочке наставь хоть сто микстур,
Ты ими боль свою унять не сможешь.
Играет дождь на улицах ноктюрн,
И редко в окна вписаны прохожие.

Жаль тех, кто в юности не писал стихи. В этом отношении образец – китайская и японская культуры, где было требование: все грамотные люди должны владеть стихосложением. Илья Эренбург рассказывал, что, когда он был в Китае, на одном из обедов-встреч ему подарили стихотворение, и он решил, что его автор – поэт. Но выяснилось, что этот «поэт» – директор банка, который объяснил, что раньше в Китае «все должны были владеть версификацией» [20, с.695]. Стихосложе-

ние было составной частью гуманитарного образования. Недавно узнал, что от эпохи Тан сохранилось более 40 тыс. стихотворений. Поэзия, как и рисунок, одно из средств выражения чувств образным языком. Поэтический язык не является привилегией профессиональных литераторов.

Студенческая среда не удостоивала вниманием советскую литературу конца 1940 – начала 1950 гг. Если кто и читал отмеченные сталинскими премиями (а в постсталинское время канувшие в забвение) романы «Счастье» Петра Павленко и «Кавалер Золотой звезды» Семена Бабаевского, то эти книги не могли взволновать молодые сердца читателей. Мертвая изначально художественная литература скоротечно превращается в литературный мусор. Зато едкие анонимные эпиграммы на такую литературу пользовались успехом. Приведу пример такой эпиграммы на роман Бабаевского:

Не всякий алмаз самой чистой воды,
Не всякое золото чисто и звонко,
А твой «Кавалер Золотой звезды»
Не стоит хвоста «Золотого теленка».

Мушкетеры А. Дюма-старшего не теряют своего очарования с годами и столетиями, а золотозвездные кавалеры растворяются в серной кислоте отходов исторического времени.

Но не только учебой и художественной литературой жило студенчество. Новый 1951 год я встречал в отдельном кабинете при нашей студенческой столовой. Организатором этого мероприятия был, конечно, Константин. На этой новогодней вечеринке я познакомился с Ириной Ш., студенткой нашего инфака. Из перекрещивания искрометных взглядов в тот вечер зародилась наша дружба, которая продолжалась два с половиной года студенческой жизни. Ирина на год раньше меня закончила пединститут.

Я ничего не пишу о девушках нашего курса. Я к ним особых чувств не испытывал и смутно их помню. А они, – справедливо, видимо, – не очень-то замечали меня. Симпатию вызывали девушки с инфака и литфака. С ними можно было поговорить о литературе и искусстве. И еще о том и сем – на общеинститутских лекциях. Да и выглядели они щеголихами (по меркам того времени). Среди литфаковок я выделил бы двух девушек – Людмилу Меерсон и Нелли Фридлянд. Обе они были отличницы.

Равнодушие к студенткам-историкам прошло через год, с новым набором и приемом в вуз. На этот раз я довольно часто заходил в одну из комнат четырехэтажного общежития, где они жили. От них осталась память – роман американского писателя Говарда Фаста (у нас известен фильм «Спартак», созданный по его одноименному роману режиссером

Стэнли Кубриком) «Дорога свободы» с трогательно наивной надписью: «Нашему товарищу в день рождения от девочек 2-й комнаты». Вроде ничего особенного не значащая надпись передает спартанский дух того далекого времени. Я до сих пор люблю этот роман Фаста и ценю символическое для меня название этой книги⁸.

Испытывал студенческий коллектив и давление государственной и общественной жизни. Из идеологических событий запомнился выход сталинской работы «Экономические проблемы социализма в СССР» в конце 1952 г., смерть Сталина и начало коллективного руководства, арест Берии, передача Крыма Украине. Вот на студенческой, в том числе и моей, реакции на эти события я и останавлиюсь.

Работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» появилась в конце 1952 г. (после XIX партийного съезда). Но ей предшествовали публикации по экономическим вопросам и организованная ЦК ВКП(б) дискуссия (осенью 1951 г.). В частности, дискутировался вопрос о колхозах. Забегая вперед, отмечу, что, по мнению Сталина, высказанному в «Экономических проблемах...», назрело превращение колхозной собственности в общенародную, так как ресурсы колхозов практически уже принадлежат государству.

Освещение вопроса о состоянии колхозов и их будущего на страницах печати, очевидно, послужило для меня стимулом к обращению с письмом лично к товарищу Сталину. Дело в том, что, будучи учащимся сельскохозяйственного техникума, я проходил преддипломную практику в колхозе, находившемся в селе Переваловка Судакского района, о чем речь шла в предыдущем очерке. Поселили меня у многодетной и безмужней колхозницы, и я в течение нескольких месяцев мог наблюдать, как живут и как питаются семьи тружеников в сталинских колхозах. Тогда я пришел к выводу, что выход только в одном – преобразовании колхозов в совхозы (первую практику я проходил в совхозе «Крымская роза» и у меня были основания для сравнения). Свои немудреные соображения, как наивный молодец-глупец, изложил в письме Сталину. И когда Дуся Хохликова осенью, после летних каникул, рассказала мне о каких-то критических ответах Сталина на письма о положении в сельском хозяйстве, у меня мелькнула мысль, а не меня ли он заклеил как невежду. Ответа на письмо я так и не получил.

Работая позже в Российском государственном архиве социально-политической истории, я наткнулся на сведения о письме Сталину ученика де-

⁸ В посленаполеоновской Европе Жозеф де Местр сетовал на то, что в мире стало слишком много свободы. Но слишком много свободы не бывает, если не принимать за свободу ее суррогаты. Есть только бесконечная и трудная «дорога свободы».

вятого класса А.Е.Багно. Учащийся писал о колхозах, где выдают на трудодень от 700 до 1000 грамм зерна и от 7 копеек до 1 рубля. В аннотации на письмо, подготовленной сотрудником ЦК, было сказано: «Просит дать оценку его письму, "ибо так жить нельзя – это противоестественно советскому строю"». Тревожное письмо школьника Сталин направил Маленкову⁹. Похожее письмо Сталину студента МГУ В.М.Быкова имеется в сводке аннотаций, датированной февралем 1952 г. Студент объясняет, что его обращение вызвано походом молодых людей по Московской области, во время которого они беседовали с колхозниками. В аннотации на письмо отмечается: «Колхозники заявляют, что они ряд лет получают на трудодень 160–200 граммов и материальная жизнь их крайне тяжелая» [1, л. 12]. «Колхозники почти не получают зерна на трудодень», – печально сообщает журналист В.В.Овечкин из Курской области [1, л.35–36]¹⁰. И, наконец, из целого ряда писем о положении в колхозах сошлюсь на письмо К.И.Савинова, который считал необходимым переход к денежной оплате колхозников с преобразованием колхозов в совхозы [2, л.48–49]. Предложение Савинова совпадало с моими соображениями того времени¹¹. В раскритикованных Сталиным письмах ставился вопрос о повышении колхозной собственности до уровня общенародной.

А вот предложение преобразовать колхозы в совхозы не совпадало с мыслями Сталина о колхозном будущем. В «Экономических проблемах...» вождь выступал за ликвидацию товарно-денежных отношений и переход к продуктообмену между селом и городом [14]. Замечу: хрущевско-маленковская политика в сельском хозяйстве в основных чертах соответствовала предложениям советских граждан, писавших Сталину о возможных выходах из колхозных бед. Многие колхозы тогда и были преобразованы в совхозы. Мировоззрение вождя было сформировано догматическим восприятием марксизма и эпохой военного коммунизма.

Мною было отправлено еще одно письмо Сталину. В отличие от предшествующего послания, его мотивы имели личностный характер. Тетя Люся, крайне не приспособленная к жизни, мыкалась без пристанища и написала мне отчаянное письмо, которое я приложил к своему письму. Дело в том, что ей отказали в съемной комнате, так как Виктор, сын хозяйки, повзрос-

⁹Сводка на письма и заявления, доложенные И.В.Сталину, и списки на письма и заявления, направленные на рассмотрение (август–декабрь 1952 г.) [2, л. 2].

¹⁰В.В.Овечкин был, в частности, некоторое время членом Курского обкома партии.

¹¹К сожалению, подтвердить информацию текстом письма я не могу, копии у меня никогда не было. В РГАСПИ я также никаких следов этого письма не обнаружил. Но для меня имеет значение сам факт составления такого письма, характеризующий актуальность темы и мою реакцию на «болевые вопросы».

лев, хотел обрести свое отдельное место в доме на Средне-Слободской. Я оказался в сложном положении: хотелось закончить вуз, не переходя на заочное обучение, а по-иному никакой помощи от меня тетьа Люся ожидать не могла. Уже ранее я пытался как-то решить вопрос с жилплощадью для нее и даже ходил на прием в Ялтинский горком партии. Со мной долго разговаривал работник горкома, разговаривал участливо, объяснял, что подобных ситуаций в городе много, надо ждать, а горком всем помочь не может. Неожиданно из канцелярии Сталина (соответствующий отдел ЦК КПСС) был получен направленный в Ялтинский горисполком ответ на трогательное и горестное письмо тети Люси. Его содержание сводилось, насколько я помню, к паре фраз, содержавших просьбу разобраться и помочь с жилплощадью больному человеку. Но это была бесценная бумага – на ней, о чудо, была подпись Сталина, точнее, как я теперь полагаю, факсимиле его подписи. В горсовете дело о предоставлении жилплощади поручили депутату Мураховской (работнице мяскокомбината). И она ответственно им занялась. В результате тетю Люсю поставили в особую очередь на получение жилплощади. Забегая вперед, замечу, что комнаты она так и не получила по стечению исторических обстоятельств (смерть Сталина и уже в хрущевские времена – преследование по религиозным мотивам). Не могу не обратить внимания современного читателя на то, что в партийные органы тогда часто обращались по личным вопросам. Это был пользующийся доверием многих граждан канал регулирования житейских конфликтов и бед. Другими такого же назначения общественными каналами были обращения к народным депутатам разных уровней и в редакции газет.

Письма И.В. Сталину имели для меня в то время скрытые последствия. Первой ласточкой было предостережение доцента М.В. Васильевой. Как-то в коридоре главного учебного здания она, ухватив момент, когда коридор пустовал, подошла и тихонечко сказала, что мной интересовался некий «казенный» человек и что следовало бы вести себя осторожнее. До сих пор удивляюсь, как Мария Васильевна решилась на такое, не столь уж хорошо зная меня. Никогда никаких внеучебных контактов между нами не было.

Еще один «звоночек» прозвучал, когда мое поведение стали обсуждать на (не помню каком) общекурсовом или групповом комсомольском собрании. В этом обсуждении было две неожиданности. Прежде всего, со мной до собрания никто из комсомольского «начальства» не говорил, что потом мне показалось странным. Другим сюрпризом было, что в роли «обличителя» моей греховности выступал (было ясно, что в тени этой инициативы маячили представители партийного руководства) Костя Когонашвили, которого я считал тогда если не другом, то

близким товарищем. Выступал он без присущего его речи словесного блеска, как-то формально, серо и путано. Мне в «ответке» не трудно было поставить под сомнение его обвинения, которые не носили прямого политического выпада и были ловко переведены Костей в этическую плоскость (воспроизвожу примерно: высокомерие, устранение от общественной деятельности и прочий вздор). Никто обвинителя вроде не подержал, но я на Костю обиделся. Обсуждение, а тем более коллективное обвинение не состоялись. Спустя какое-то время я Костю простил, но по неопытности не связал оба события в один предупреждающий узел.

Хорошо помню, – это нельзя забыть, – смерть Сталина и всенародное горе. «Всенародное горе» – это не преувеличение и не ирония. И в то же время немало, видимо, было людей, для которых смерть вождя несла с собой облегчение и даже радость. Если «плакальщики» были на виду, то последние прятали свои чувства. В день смерти Сталина был объявлен траур. Студент литфака Борис Шаин уехал в Москву на похороны. Двоих студентов, евпаторийцев, исключили из института: они, оказывается, в ночь смерти вождя играли в карты (полагаю, в преферанс). Фамилию одного из них помню: Катък (фамилия караимского происхождения). Многие студентки плакали, кто-то даже рыдал. Моя подруга Ирина была в числе рыдающих, и мне пришлось ее утешать. Все судачили: что теперь будет?

Я много читал и слышал об этих вошедших в историю похоронах. Недавно, перелистывая мемуары Ильи Эренбурга, я натолкнулся на его тогдашнюю рефлексию на смерть Сталина, и в очередной раз задумался над своим отношением к Вождю. Многоопытный в жизни и в политике писатель схватил близкий мне момент переживания не человеческой судьбы, а судьбы своей страны: «Мне не было жалко бога, который скончался от инсульта в возрасте семидесяти трех лет, как будто он не бог, а обыкновенный смертный, но я испытывал страх: что теперь будет?..» И Эренбург признавался: «Я боялся худшего. Я много говорил в этой книге о мыслящем тростнике. Теперь я вижу, что сохранить ясность мыслей очень трудно. Культ личности не сделал из меня верующего, но он повлиял на мои оценки: я связывал будущее страны с тем, что ежедневно в течение двадцати лет именовалось "мудростью великого вождя"» [20, с. 731]. Да, мы почти все связывали уход из жизни Сталина с никогда не раскрывающим свои тайны будущим.

Вскоре наступили более свободные и более интересные времена. Остался последний год студенческой жизни. Приехав в Симферополь после каникул, я был поражен: вечерами город уходил в пустоту. Все старались до темноты попасть домой. Ходили слухи: бандиты–бандиты!

Таковы были последствия большой амнистии, в которой вину арестованного в июне 1953 г. Лаврентия Берию. Если я возвращался в общежитие из центра в сумеречные часы, то сначала в тишине слышал дробь солдатских сапог по брусчатке, а потом обгонял военные патрули. Солдаты ходили по трое с автоматами на груди. Но это продолжалось недолго. Скоро жизнь вошла в обыденную колею. Занятия, библиотека, гуляние либо по Пушкинской, либо по Студенческой.

В конце 1953 г. поползли слухи о передаче Крыма Украине. Говорили, что Никита Хрущев вступил «в сговор» (выражение в данной редакции слышал сам от крымчан) с председателем Крымского облисполкома Д.С.Полянским. В январе 1954 г. Полянский стал первым секретарем Крымского обкома КПСС¹², а в феврале Крымская область уже оказалась в составе Украины. Формально народ безмолвствовал, люди помнили депортации и знали: власть все может. Вскоре пришло успокоение: вроде бы и особых перемен нет – как жили в Советском Союзе, так и продолжали жить. Противившийся же передаче Крыма первый секретарь обкома П.И.Титов был переведен на пост заместителя министра совхозов СССР. Очень долго не утихали разговоры об изменении статуса Крыма. Но никто не мог предполагать, как это волонтаристское решение скажется не только на судьбе Крыма, но и на судьбе Украины, жаждавшей и принявшей «дары данайцев», а также и на судьбе России, вынужденной недалёковидными вождями (Хрущевым и Ельциным) преподнести этот роковой подарок братскому народу.

Наступил последний семестр учебы. Готовились к сдаче государственных экзаменов. Ждали, куда распределят на работу.

Наконец, пришла пора расставания. Началась новая – учительская – жизнь. Большинство студентов-историков попало в школы Крымской области, преимущественно в сельские. Булычев и Паталаха были назначены директорами школ. Дорохов стал директором школы рабочей молодежи в Феодосии. Наша четверка (Костя, Алик, Виля и я) закончила институт, получив дипломы с отличием. На этот раз у меня написанный тушью текст диплома был вставлен в официальный бланк.

Штрихи к портретам

В этой части очерка я попытался в лаконичном изложении, по сохранившимся в моей голове воспоминаниям и сведениям из блогов Интернета и других источников, дать отдельными мазками портретные

¹² В 1958 г. Полянский стал уже Председателем Совета Министров РСФСР, и в том же году избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

наброски четверых близких мне по духу, но разных по типологии студентов. Не замыкаясь в хронологическую рамку тех лет, я счел целесообразным для полноты характеристики Личностей включить в портретные зарисовки также штрихи, относящиеся к их более поздним биографиям. Это было нужно для создания более или менее цельных портретов.

**Костя/Константин
Когонашвили**

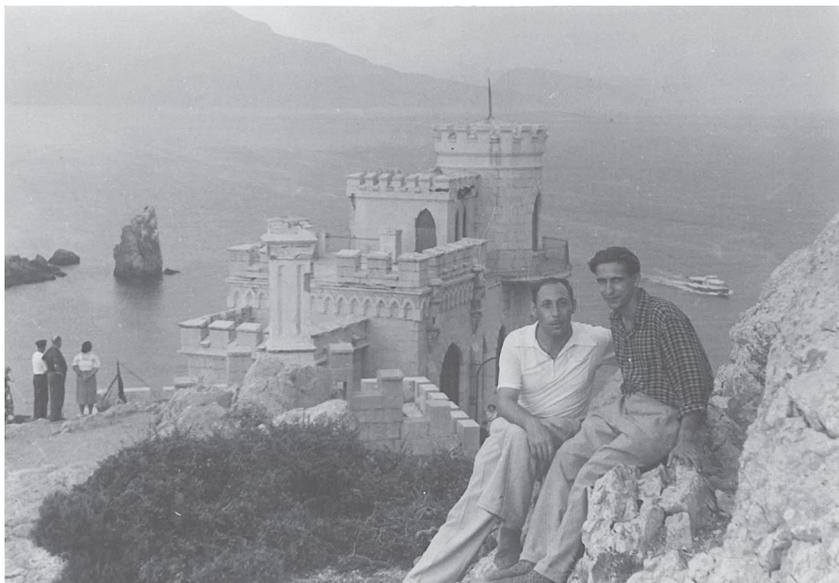
Костя принадлежал к тем людям, которые не могут не обращать на себя внимания окружающих. Во-первых, внешностью, несовместимой с общепризнанными стандартами красоты. Выдающийся вперед подбородок, покаты́й лоб, крупный рельефный нос. Некоторые девушки даже именовали его питекантропом. Во-вторых, – поведением. Создавалось впечатление, что все его тело находилось в вечном движении. Меняющееся ежеминутно выражение лица, жестикулирующие руки и какое-то беспокойное туловище. В-третьих, – речью, яркой, остроумной и сдобренной, как перцем, иронией. И, как вы думаете, можно ли на такого человека не оглянуться и не засмотреться! В паспорте у него в графе «национальность» было записано «украинец» (его мать была украинкой). Фамилия была на грузинский лад. Швили – сын, т.е. сын такого-то, в данном конкретном случае, думается, – Когона, скорее всего Когана. В общем двухкорневая фамилия была запоминающейся, как и он сам.

Темпераментный и остроумный Костя Когонашвили попал в армию в конце войны (он был 1926 г. рождения). Побывал в составе Красной армии в Румынии и Чехословакии. Демобилизовался из летной части военного аэродрома в Сарабузе. Не был, как тогда говорили, «летуном», а служил, кажется, по технической части. Только недавно из краткой биографической справки, попавшей в Интернет, я узнал, что он был награжден орденом Красной звезды.

Костя Когонашвили, человек практической ориентации и интеллектуального склада, всегда был на виду и не терялся в любой кампании. В пединститут он поступил обдуманно и говорил, что если не станет кандидатом наук через несколько лет после окончания вуза, то покончит с собой. Конечно, это вроде было не всерьез, но в каждой шутке, как говорят, есть доля правды. У Константина была жестко намеченная цель – стать кандидатом наук в кратчайшие сроки.

Сначала Костя увлекся историей Древнего мира, стремился выйти на археологическую стезю. Завел знакомства с сотрудниками крымского отделения АН СССР, в частности, с занимавшейся эпиграфикой Эллой

Исааковной Соломоник. Добыл он и древнегреческий словарь. Но эти его мечты остались неосуществленными. Похоже, затянули житейская текучка и беспокойный характер. Костя рано женился, на втором, по-моему, году обучения, на нашей сокурснице Гале. Вскоре у них родился сын – Георгий. У Юры (как называли мальчика родные и знакомые) была врожденная травма: отсутствие кисти одной руки. Но он унаследовал присущую Косте способность рисовальщика и в будущем стал известным в Крыму художником, автором картин авангардистской и религиозной тематики.

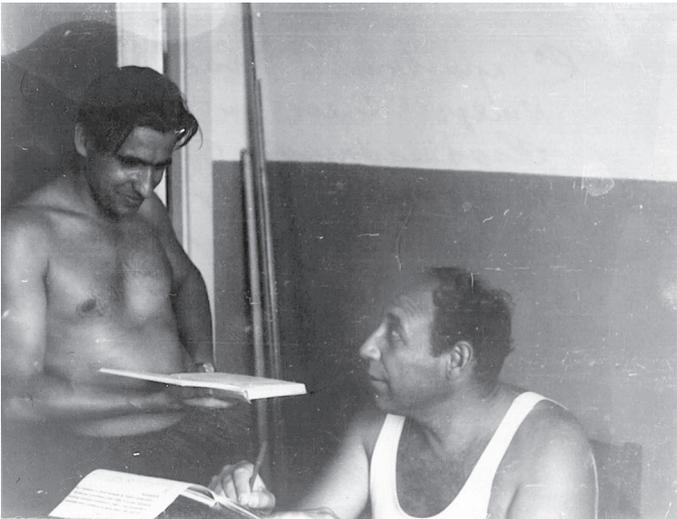
Константин Когонашвили и Олег Волобуев. Мисхор. Ласточкино гнездо

Из посвященного художникам Георгию/Юре Когонашвили и Георгию Бострэму очерку можно извлечь и отдельные факты биографии Константина¹³. Мне было известно, что Высшую летную школу Костя окончил, не получив офицерского звания. Согласно вышеупомянутому очерку, это связано с тем, что его отец в годы Гражданской войны был белым офицером и подвергся репрессиям в советское время. Валерий Митрохин, автор очерка, сопровождает это утверждение следующим коммен-

¹³ Представление о художниках Георгии Когонашвили и Георгии Бострэме можно получить из любопытного очерка крымского писателя Валерия Митрохина «Два Георгия». В нем имеются упоминания о Константиновиче Когонашвили [9].

тарием: «Если бы командование узнало, что отец курсанта был белым офицером, что репрессирован, сын бы не только не получил звездочки, но мог бы и к папе загреметь. Константин, боясь глубокой проверки, "терял" то один, то другой документ, чтобы скрыть опасную о себе правду. Так и ушел на фронт». Костя рассказывал мне другую объясняющую версию: отец был репрессирован, но служил в Красной армии. Не исключаю, что противоречия может и не быть: известны случаи, когда один и тот же человек в разное время оказывался в разных военно-политических станах.

Костя с первого курса определился как художественный оформитель разного рода агитационно-пропагандистских и рекламных витрин и «уголков». Это был устойчивый финансовый приработок. Обладал он и организационными данными.

Константин Когонашвили и Олег Волобуев за совместной работой в дни знойного лета

После института я в первое же отпускное лето захал к Косте в степное село, где он был директором школы. Затем наши пути разошлись. Его дальнейшая жизнь с Галей не сложилась, и он уехал в Грузию. Там он получил место директора школы в одном из горных осетинских селений. Позже о своем пребывании в горах Кавказа Костя рассказывал разные необычные истории. В частности, об устоявшихся совсем не братских взаимоотношениях грузин и осетин. К Кавказу Костя, в отличие от Крыма, не прилепился и вернулся в Симферополь.

В один из летних дней (после возвращения с Кавказа) Костя неожиданно появился у меня в Алушке. Привез мне в подарок (был моим должником) добротные туфли румынского производства (даже такого рода товар у нас в магазинах трудно было сыскать). С той поры наши отношения возобновились, хотя жили мы в разных крымских городах. Закончив аспирантуру, я перебрался в Симферополь. Костя директорствовал в школе пригородного совхоза-птицефабрики и получил жилплощадь в доме, разделенном на две семьи. Он перевез мать и дядю из Курска в Симферополь, а двоих сыновей от Гали (она, выйдя вторично замуж, оставила детей Косте) забрал к себе.

Будучи аспирантом, я рекомендовал Константина, который к тому времени уже сдал кандидатские экзамены по философии и иностранному языку, моему научному руководителю В.Ф. Антонову. Так Костя поступил в заочную аспирантуру по специальности методика преподавания истории. В положенные сроки Костя написал диссертацию о педагогической деятельности М.Н. Покровского.

Став остепененным, Костя одно время вел занятия на заочном отделении Крымпединститута. Писатель В. Митрохин, выпускник Крымпединститута, пишет об этом периоде его педагогической деятельности в вузе: «Константин Константинович Когонашвили появился в 60-е годы на историко-филологическом факультете Крымпединститута так же неожиданно, как потом и исчез. Лентяям он пришелся по душе тем, что не пенял им за их порок. Стремящимся к знанию – тем, что мог часами после занятий беседовать по теме и вообще». Одно время Костя преподавал в Луганском педагогическом институте, где я его посещал, будучи в составе министерской комиссии по проверке постановки учебной работы. Но Крым обладает (знаю по себе) притягательной силой, и Костя в конце концов вернулся в Симферополь и в родной вуз, где продолжал вести занятия на условиях почасовой оплаты.

Костя был талантливым интерпретатором и превосходным вузовским лектором. По его инициативе мы «на троих» (С.А. Секиринский, К.К. Когонашвили и я) подготовили два издания научно-популярной книги «Крепость в Судак» [13] и «на двоих» несколько статей, посвященных исследовательскому методу обучения истории¹⁴. Последние годы жизни Константин отдал своему любимому крымоведению. Как удачно выразился Валерий Митрохин, отпечатки его пальцев остались на страницах истории Крыма.

¹⁴ См., например: [5].

Алик/Александр Ярославский

В отличие от Константина, Алик (Александр Леонидович) Ярославский видел себя не ученым и даже не вузовским преподавателем,

а учителем, директором школы, деятелем народного и партийного просвещения. Он был основательно начитан, отличался отменной памятью и слыл интересным рассказчиком. Больше всего ему удавались монологи. Выглядел Алик старше своих лет (не по-мальчишески, как я), благодаря не по возрасту роскошной щетине и осанке знающего себе цену человека. Был не чужд позы «на показ». Соответственно, как парень на выданье, пользовался успехом у девушек. У меня имелось несколько подаренных зарубежных галстуков, которые я редко носил из-за отсутствия фона (костюм, рубашки), их с шиком и с удовольствием носил Алик.

Мать Алика работала актрисой в Запорожском драматическом театре. Но жили они скромно: у него еще был младший брат, Владик. Отец погиб во время летнего отступления на Северном Кавказе в 1942 г. Алик был по натуре общественником, принимал участие в разных мероприятиях. С удовольствием пел песни, хотя музыкальным слухом не обладал. Его лучшим другом в годы учебы стал Костя Когонашвили.

Алик, Виля и я любили поэзию. Порой мы обменивались поэтическими находками. Знавший много стихов и умевший выразительно декламировать Алик познакомил меня с Шелли. Из английских поэтов я знал только Шекспира и Байрона, два томика Байрона в красивых переплетах не увлекли меня. А вот в Шекспира я был влюблен по уши. Алик не раз декламировал Шелли в переводе Пастернака:

Рознь любивших бездонна,
Как у стен маяка
Звон валов похоронный
Над душой моряка [19].

После окончания пединститута Ярославский всю свою советскую жизнь проработал в средних учебных заведениях. С первой своей супругой, Мартой, тоже окончившей Крымпединститут, он развелся. Второй его брак, с Аллой, оказался прочным. С новой семьей Алика я познакомился, когда он был назначен директором Краснолесской школы, Симферопольского района. Краснолесье (Тавель) – одно из очень красивых горных мест в Крыму. Мы не раз гостили в этом селении у Алика. Потом он перевелся на работу в Бахчисарай, затем учительствовал на Камчатке. Алла одно время приезжала, т.е. прилетала в Москву на консультацию к врачам. В гости к нам захо-

дила, всегда принося гостинец – баночку очень вкусной красной икры. После довольно длительного пребывания на Камчатке Алик вернулся в Крым. Стал директором школы в Бахчисарае. Приехав в очередной раз из Москвы на отдых в Крым, мы парочку дней провели в гостях у Ярославских.

После Перестройки Алик возглавил коммунистическую партийную организацию в этой бывшей столице Крымского ханства. Но парадокс! Этот верный коммунистическим идеалам преподаватель истории эмигрирует в Израиль. У них уже двое взрослых сыновей. Младший служил в Афганистане и уезжать из России не хотел. На эмиграции семьи настаивает Алла, кстати, кажется, украинка по национальности. О своих намерениях она говорила в нашу последнюю бахчисарайскую встречу, сетуя на смутные времена в России и неопределенность судьбы Крыма, где в те годы сильна была общественная тенденция к выходу из состава Украины. У Алика и у Аллы вызрели, по моим соображениям, разные мотивы. Хочется думать, зная Алика, что он дал свое согласие на эмиграцию не по материальным, а по политическим мотивам, разочаровавшись как в КПСС, так и в ее преемнице, Российской коммунистической партии. Но вряд ли он изменил своим марксистским идеалам.

Мы получили от Ярославских несколько вестей из Израиля. Письма и телефонные звонки были от Аллы. Один раз Алик сообщил, что у них там, в окрестностях Хайфы, в селении на священной горе Кармель, сложилась компания из «трех товарищей»: один из них – бывший советский полковник. Хочется верить, что эти «три товарища» были вытолкнуты из своей Родины исторической трагедией – распадом Советского Союза.

В интернет-серии очерков Арье Парниса «Экскурсии по Израилю» есть ассоциированное мной с их судьбой место: «Только преследуемые группы населения поднимались на вершину горы, так было с евреями в христианский – Византийский период, так было и с друзьями 300 лет тому назад» [11].

Наступило время, когда связь с семьей Ярославских оборвалась.

Эня / Эгольд Гюннер

Из студентов-неисториков я в те годы любил общаться с моим одногодком Эгольдом Артуровичем Гюннером (он считался чехом), который учился по специальности «химия». Очкастый Эня остался в моей памяти как широко эрудированный русский интеллигент. Очень вдумчивый, очень ответственный, очень трудолюбивый. Гуляя вечером с Эней Гюннером по Студенческой улице и близлежащим кварталам Старого

города, мы обменивались своими литературно-художественными интересами и знаниями. Он меня познакомил со своим увлечением – творчеством Гофмана, с его полумистическими и сатирическими фантазиями. Я в свою очередь увлек его японской поэзией, особенно жанром «танка» периода Хэйян (794–1185). Кажется, я читал на память следующий стих:

У сливовых цветов все тот же аромат,
Как будто их коснулся твой рукав.
Совсем как та весна...
У месяца б узнать:
Быть может, прежняя весна вернулась вновь? [21]

Каково же было мое удивление, когда Эня на очередной вечерней прогулке прочел мне свои авторские танка, ничуть не уступавшие японским в их переводе на русский язык.

Став преподавателем института, я редко встречался с Гюннером, который тогда был поглощен защитой своей кандидатской диссертации. Он сетовал, что не все коллеги приемлют его попытки использовать математический аппарат для обоснования научных заключений. Эня опережал время.

В студенческие годы я не мог предположить, что мой любящий литературу собеседник станет переводчиком фэнтези и детективов. Приехав в Симферополь на научную конференцию в начале 1990-х годов, я случайно встретил Эню на улице Ленина, где тот жил, и узнал, что он подрабатывает на жизнь переводами. Эгольд мне подарил переведенную им книгу фэнтези, которая, к сожалению, была утеряна. Занявшись мемуарами, я обратился к Интернету и выяснил, что, оказывается, Эгольд больше известен не как химик, а как переводчик 46 книг. В библиографической справке «Литмира» отмечено, что работа над переводами Эгольда Гюннера «проявила его особый литературный дар: написанное им уже не подлежало литературной правке». Из той же справки явствовало, что, занимаясь переводами, он овладел многими языками: английским, французским, испанским, итальянским, венгерским, польским. Немецким Эгольд владел с детства, как, видимо, и чешским [6]. Так уж получилось, что талантливый химик стал преуспевающим (но не разбогатевшим) литературным переводчиком детективного жанра. Умер Эгольд Артурович в 2006 г.

Но мне, при страстной любви к художественной литературе всех жанров, Эня Гюннер дорог как человек честного научного мышления и творческого призвания, исследовательского поиска и страстного интереса к познанию окружающего мира. Со мной всегда образ ученого, создавшего в университете имени В.И.Вернадского свою неповторимую научную школу по не-

Эгольд Артурович Гюннер.

Источник: Музей истории Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского

органической химии. Как ученому и блестящему вузовскому лектору ему было присвоено звание почетного профессора Крымского университета. Мне кажется, что звание почетного профессора того или иного высшего учебного заведения гораздо больше говорит о человеке, чем его награды в виде почетных знаков Министерства науки и высшего образования.

И в заключение четверостишие на эту тему:

Что бляшки на груди, дарованные кем-то,
Кто знает только по бумагам вас.
Талант призвал и Бог труды отметил,
А путь прокладывал судьбы компас.

Борис Костров

С Борисом Костровым, которого в студенческие годы называли в общении не Костровым, а Кастровым, я в течение учебного года жил в одной перенаселенной спальном комнате вузовского общежития. Борис закончил севастопольскую школу с серебряной медалью, но, используя язвительное выражение музыканта и математика-геофизика Фридмана, в силу «исторических» обстоятельств решил поступить в Крымпединститут. Фридман не расширявает этих обстоятельств, но они были очень значимы в сталинские времена. В силу тех же исторических об-

стоятельств документы не приняли в Московский и Киевский университеты. Отец Бориса, профессор Томского университета Виктор Костров, занимавшийся баллистикой, был репрессирован, как и отец Гюннера, по какому-то навету. Дети репрессированных не любили в сталинские времена быть на виду. До 1956 г. в среде моих близких знакомых не было принято говорить о репрессированных родных и родственниках, как и о тех, кто оказался (по разным причинам) в эмиграции.

Худощавый, а скорее просто худой, парень, держался подчеркнуто независимо. Он часто по утрам противился попыткам его разбудить, так как студентам предстояло успеть на первую лекцию. Кто-то из сокурсников физико-математического факультета поведал, что Борис может не ходить на занятия, так как все знает и запросто решает любые задачи. Да и спал он по утрам не по лени, а потому что перед сном тело должно отдохнуть от перегруженности мыслительной деятельностью. Так часто бывает у интеллектуальных трудоголиков.

В коридоре общежития можно было увидеть отдельных студентов, которые устранили там временный рабочий уголок. В числе их был и Борис. Он настойчиво занимался разговорным немецким языком. Вслух произносил отчеканенные немецкие фразы, напоминавшие воинские приказы. У него был интерес к иностранным языкам. Он в дальнейшем изучил английский, польский, испанский языки. Светлые глаза и позы Бориса, как мне кажется сегодня, выдавали человека-лидера, прячущего это качество личности за обычным студенческим поведением. С какого-то года обучения Бориса, который уже женился, забрали в армию, и он закончил институт позже меня, в 1956 г.

После института Борис был направлен работать в Ялтинскую сейсмическую станцию. Бывало, что я, обитая в Алупке, задерживался в Ялте, и тогда Борис предоставлял мне возможность переночевать у него в служебной, при станции, квартире. Сказать, что у нас были особо дружеские отношения, я не могу. Но, несомненно, нам нравилось взаимное общение.

Вскоре Борис был принят (переведен?) в московский Институт физики Земли АН СССР, где защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора Н.В.Зволинского. Я, в свою очередь, также защитил кандидатскую и преподавал в Симферополе. В 1972 г. Борис накануне защиты своей докторской диссертации проводил время в Ялте, где в это время находился и я. Он мне показывал свой автореферат «Механика очага тектонического землетрясения». Я подарил ему написанную в соавторстве научно-популярную книгу «Судакская крепость». Но в этом же году по моей вине между нами случилось недоразумение. Я должен был объясниться

и принести извинение, но так как был поглощен своим переездом в Москву, этого своевременно не сделал. С той поры мы больше не виделись.

Больше всего сведений о Борисе Викторовиче как ученом-сейсмологе я почерпнул из воспоминаний Виктора Фридмана «О коллегах и друзьях». Автор – джазист, пианист и композитор – является еще и геофизиком-программистом¹⁵. Окончив мехмат МГУ, Фридман работал в ИФЗ АН СССР вместе с Борисом Костровым. Примечательно сделанное вскользь автором публикации в Интернете замечание о Кострове, что «неважно, где учился человек, а важно, чем его наградили высшие силы».

Фридман приводит оценку Бориса, данную известным механиком Геннадием Черепановым: «блестящий аналитик и прозорливый ученый». Фридман цитирует фрагмент из мемуаров Черепанова, который отражает математический дар Кострова. Признанный ученый предлагает молодому коллеге решить трудную задачу динамической теории упругости (о движении трещины с переменной скоростью) и при этом замечает, что он, Черепанов, пока не смог ее решить. И далее подчеркивает, что «это был мощный стимул для болезненно-честолюбивого и страстного Кострова». Предложенную задачу Костров решил через четыре года. В связи с вышеизложенным эпизодом Черепанов дает ему следующую характеристику: «Совершенно блестящее решение, которое оставило далеко позади всех заграничных авторитетов, даже самого великого в этой области, американского ученого Фройнда, который долго, но без успеха занимался этой проблемой. По моему мнению, Фройнд не составляет и десятой доли Кострова по творческому таланту. А Фройнд – один из самых почитаемых американских ученых, президент Национального комитета США по теоретической и прикладной механике». В заключение Черепанов замечает: «Костров – настоящий русский гений, к сожалению, забытый и недооцененный. Он всю жизнь страдал от недостатка внимания к его достижениям». Ключевое слово здесь «достижения» в науке. О том, как Борис понимал достижения, можно судить по его высказыванию об одной солидной ученой даме, которое приводит Фридман: Костров «довольно ядовито заметил, что десять подпрыгиваний на двадцать сантиметров не заменят одного прыжка на два метра». Мера достижений – мера высоты прыжка.

Из воспоминаний Фридмана о Кострове, в которых он величает его «ученым и мыслителем», я узнал, что Борис (для меня он остается Борисом) «уже несколько лет как покинул этот мир, и понятно, что отсут-

¹⁵ Здесь и далее использованы воспоминания Виктора Фридмана «О коллегах и друзьях» [16].

стве такого мощного генератора идей совершенно изменило научную атмосферу, да и тематику».

Закончить характеристику Бориса Викторовича как ученого и человека уместно цитатой из научной статьи его коллег-сейсмологов: «Это был необыкновенно талантливый и щедрый человек, даривший свои многочисленные идеи ученикам и соратникам. Он был удивительно разносторонним, энциклопедически образованным ученым – физиком, механиком, выдающимся специалистом по методам вычислительной математики, глубоким философом, блестящим программистом и лингвистом, в совершенстве знал несколько языков и оставил неизгладимый след в душе каждого человека, которому посчастливилось жить и работать рядом с ним. Борис Викторович Костров был ТВОРЦОМ, МЫСЛИТЕЛЕМ, и именно такие люди всегда были и будут золотым фондом отечественной и мировой науки» [8, с.46–47]. Неизгладимый след он оставил и в моей студенческой и постстуденческой жизни. Борис Костров ушел в мир иной в 1998 г.

(Продолжение следует.)

Библиографический список

1. Российский государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ). Ф.558. Оп.11. Д.880.
2. Там же. Д.882.
3. Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 446 с.
4. Волобуев О.В. Два историка, две судьбы... в моей памяти // Историк и художник. Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: ИРИ РАН, 2013. С.7–22.
5. Волобуев О.В., Когонашвили К.К. Борьба за исследовательский метод обучения истории в период становления советской школы // Психолого-педагогические проблемы формирования активности личности учащихся. Тюмень, [б.и.], 1971. С.96–110.
6. Гюннер Эгольд Артурович // ЛитМир – Электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/a/?id=43603> (дата обращения 17.04.2022).
7. Иегер О. Всемирная история. В 4 т. Т.2 / перевод и доп. под ред. П.К.Полевого. СПб: изд. А.Ф.Маркса, 1904. 696 с.
8. Кушнир Г.С., Осауленко В.И. Вклад Бориса Викторовича Кострова в сейсмологию: К 75-летию со дня рождения // История наук о Земле. Т.1. №3. С.37–50.
9. Митрохин Валерий. Два Георгия. Электронный ресурс. URL: <https://proza.ru/2018/07/08/1149> (дата обращения 10.04.2022).

10. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: Страницы истории крымского краеведения. Киев: Стило, 2012. 464 с.
11. Парнис Арье. Экскурсии по Израилю. Гора Кармель. Электронный ресурс. URL: https://toldot.com/blogs/aparnis/aparnis_598.html (дата обращения 25.04.2022).
12. Секиринский С. А. Очерки истории Сурожа. Симферополь: Крымиздат, 1955.
13. Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К. Судакская крепость. Симферополь: Таврия, 1971. 64 с. (Изд. 2: Крепость в Судаке. Там же, 1983. 110 с.).
14. Сталин И. В. Ответ Саниной А. В. и Венжеру В. Г. // Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 84–94.
15. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. 356 с.
16. Фридман Виктор. О коллегах и друзьях. Электронный ресурс. URL: <http://www.victorfridman.ru/blog/23-ifz.html> (дата обращения 25.04.2022).
17. Хрестоматия по истории средних веков. Пособие для преподавателей средней школы / под ред. Н. Л. Грацианского и С. Д. Сказкина. В 3 т. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1949. 404 с.
18. Художественно-историческая хрестоматия: Средние века. Пособие для учителей / сост. Секиринский С. А., Волобуев О. В. М.: Просвещение, 1965. 239 с. (Изд. 2, доп. М.: Просвещение, 1977. 240 с.).
19. Шелли П. Б. Строки // Из английской поэзии: Перси Биши Шелли. Электронный ресурс. URL: <https://stihi.ru/2011/05/02/8312> (дата обращения 20.04.2022).
20. Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Собр. соч. В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. С. 1–768.
21. Японские пятистишия // ЛитМир. Электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=139728&p=20> (дата обращения 25.04.2022).

Наши авторы

Орешин Сергей Александрович

кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, научный сотрудник

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Писарькова Любовь Федоровна

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Горячева Анна Николаевна

студентка пятого курса,
Государственный академический университет гуманитарных
наук (ГАУГН), Культурология

Зверев Василий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Московского государственного областного университета

Журавлев Валерий Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой новейшей истории России
Московского государственного областного университета,
главный специалист «Центра документальных
публикаций» РГАСПИ

Савельев Петр Юрьевич

доктор исторических наук, главный специалист РГАСПИ

Our authors

Oreshin Sergei Aleksandrovich

Ph.D., historian, researcher,
Institute of Ethnology and Anthropology N.N.Miklukho-Maclay RAS

Kostyrchenko Gennadii Vasil'evich

D.Sci., historian, leading researcher,
Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Pisar'kova Lyubov' Fedorovna

D.Sci., historian,
senior researcher of Institute of Russian history
of Russian Academy of Sciences

Goriacheva Anna Nikolaevna

fifth year student, State Academic University of the Humanities
(GAUGN), Cultural Studies

Zverev Vasily Vasil'evich

D.Sci., historian, Leading researcher at the Institute
of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher
of the Moscow State Regional University

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D. Sci., historian, Professor, the Head of Chair for the Modern
Russian History, Moscow State Regional University, head specialist
of the “Centre Documentary Publications”, the Russian State Archive
of Socio-Political History

Savel'ev Petr Yur'evich

D. Sci., historian, Head Specialist of RGASPI

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2022.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 10.07.2022. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,75 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

3.2022 may-june

Theory and Practice of the Political Games

Sergei Oreshin

Khasavyurt Agreements:
Capitulation or Forced Necessity? _____ 6

Labels and Myths

Gennadii Kostyrchenko

Were Khrushchev's "Economic Processes"
Anti-Jewish? _____ 34

Resources of Nation

*Lyubov' Pizar'kova,
Anna Goriacheva*

The Composition of the Vowel City
Dumas of Russia in the Late 1880s __ 64

Vasily Zverev

Artisanal or Peasant Industry? Towards
the Unfinished Dispute Between Narod-
niks and Marxists (the end) _____ 90

Pages of History

Valeriy Zhuravlev, Petr Savel'ev

Russian Social Democracy
and the Historical Choice of Russia.
I. Social Democrats in the Revolution __ 116

Oleg Volobuev

Simferopol. Krympedinstitut.
1950–1954 _____ 148

РОССІЯ XXI